

Рудольф Штайнер

Как достигнуть познаний высших миров?

Rudolf Steiner

Wie erlangt man die Erkenntnisse der höheren Welten?

Предисловие к третьему изданию.

Предисловие к пятому изданию.

Как достигнуть познаний высших миров.

Предварительные условия.

Внутренний покой.

Ступени посвящения.

Подготовка.

Просветление.

Контроль мыслей и чувств.

Посвящение.

Практические указания.

Условия ученичества.

О некоторых последствиях посвящения.

Изменения в жизни сновидений у ученика.

Достижение непрерывности сознания.

Расщепление личности во время духовного ученичества.

Страж порога.

Жизнь и смерть. Великий страж порога.

Предисловие к третьему изданию.

В этой книге выходят в свет мои исследования, которые первоначально были напечатаны отдельными статьями под заглавием: "Как достигнуть познаний высших миров?" Этот том составляет первую часть, следующий будет заключать продолжение. Появлению в новой форме этого труда о развитии человека, возводящем его к постижению сверхчувственных миров, необходимо предпослать несколько сопроводительных слов, которые и будут здесь сказаны. Закрывающиеся в нем сообщения о душевном развитии человека имеют целью удовлетворить нескольким запросам. Прежде всего необходимо что-нибудь дать тем людям, которые чувствуют влечение к данным духовного исследования, и которые должны ставить себе вопрос: откуда же берут свое знание те, которые утверждают, что они могут давать ответы на высокие, загадочные вопросы жизни? Духовная наука дает на них ответы. Желая наблюдать факты, приводящие к таким ответам, должен подняться к сверхчувственным познаниям. Он должен совершить тот путь, описание которого пытается дать эта книга. Но было бы заблуждением думать, что сообщения духовной науки не имеют никакой цены для тех, кто не склонен или не может сам идти этим путем. Для того, чтобы исследовать факты сверхчувственных миров, нужно обладать способностью вступать в эти миры. Но раз они исследованы и о них сообщается, то достаточное убеждение в истинности этих сообщений может приобрести себе и тот, кто сам их не воспринимает. Большая часть их может быть проверена просто путем действительно беспристрастного применения к ним здоровой способности суждения. Не нужно только допускать, чтобы всевозможные предрассудки, которых так много в человеческой жизни, нарушали это беспристрастие. Легко может случиться, например, что кто-нибудь найдет, будто то или другое, не мирится с признанными в настоящее время данными науки. На самом деле, нет ни одного научного данного, которое бы противоречило духовному исследованию. Но если обращаться с научными данными недостаточно всесторонне и беспристрастно, то легко может *показаться*, будто то или иное научное суждение несогласно с сообщениями о высших мирах. И мы найдем, что чем беспристрастнее мы сопоставим духовное ведение как раз с положительными достижениями наук, тем лучше скажется и их полное согласие. - Другая часть духовно-научных сообщений, конечно, более или менее ускользает от простого рассудочного суждения. Но кто поймет, что судьей над истиной может быть не только рассудок, но и *здоровое* чувство, тот без труда сможет найти правильное отношение также и к этой части. И там, где это чувство не позволяет себе увлекаться симпатией или антипатией к тому или иному мнению, но действительно непредвзято дает воздействовать на себя познаниям сверхчувственных миров, там оно сумеет произвести и соответствующее суждение. - Но существуют еще и другие пути к признанию истины этих познаний для лиц, которые не могут и не хотят вступить на путь к сверхчувственному миру. И эти люди могут почувствовать какую ценность для жизни имеют эти познания даже в том случае, когда они получают их только из сообщений духовных исследователей. Не каждый может сразу стать ясновидящим, но познания ясновидящих для каждого служат действительно здоровым жизненным питанием. Ибо каждый может применить их к жизни. И кто применит их, тот вскоре поймет, чем может стать во всех областях обогащенная ими жизнь, и чего она лишается, когда их исключают. Правильно примененные в жизни, познания сверхчувственных миров оказываются не беспочвенными, в

высшем смысле практически. Но если кто-нибудь не хочет сам вступить на путь высшего познания, то при некотором влечении к наблюдаемым на этом пути фактам, у него все-таки может возникнуть вопрос: как приходит к этим фактам ясновидящий? Эта книга должна дать интересующимся этим вопросам картину того, что необходимо бывает предпринять, дабы действительно познакомиться с сверхчувственным миром. Она должна описать путь в этот мир таким образом, чтобы и не идущий этим путем мог получить доверие к словам того, кто им шел. Ибо ознакомившись с тем, что делает для этого духовный исследователь, можно найти путь его правильным и сказать себе: описание пути в высшие миры производит на меня такое впечатление, что я могу понять, почему сообщаемые факты кажутся мне убедительными. И так, эта книга должна послужить тем, кто хочет укрепиться и утвердиться в своем чувстве и ощущении истины сверхчувственного мира. Но она хотела бы также предложить что-нибудь и тем, которые сами ищут пути к сверхчувственным познаниям. Лучше всего испытают истину изложенного здесь те, которые осуществляют ее на самих себе. Кто приходит с таким намерением, тому полезно будет никогда не упускать из виду, что при описаниях душевного развития необходимо нечто большее, чем простое ознакомление с содержанием, как это обычно делается в других исследованиях. Необходимо интимно вжиться в это описание; необходимо сделать предпосылку, что понимание какой-нибудь вещи нужно почерпнуть не только из сказанного о ней самой, но и из много такого, что сообщается о совсем других вещах. Таким образом, человек получает представление, что существенное заключается *не в одной* истине, а в созвучии их всех. Всякий, кто хочет делать упражнения, должен подумать об этом очень серьезно. Можно правильно понять упражнение и правильно выполнять его, и все-таки оно может подействовать неправильно, если выполняющий не присоединит к нему еще другого упражнения, разрешающего односторонность первого в душевную гармонию. Кто вдумчиво прочтет эту книгу, так, что чтение станет для него как бы внутренним переживанием, тот не только ознакомится с ее содержанием, но и испытает в разных местах ее различные чувства; и благодаря этому он узнает, какой *вес* для душевного развития имеет та или иная подробность. Он найдет также, в какой форме следует именно ему стараться делать то или иное упражнение, сообразно его особой индивидуальности. Когда дело идет, как здесь, об описании таких процессов, которые должны быть *пережиты*, то всегда оказывается необходимым все снова и снова возвращаться к содержанию; ибо легко можно убедиться, что многое только тогда бывает понято удовлетворительно, когда мы испытали это на деле и заметили некоторые тонкости, которые прежде неизбежно ускользали.

Однако, и такие читатели, которые не намерены сами идти очерченным путем, найдут в этой книге много пригодного для своей внутренней жизни; они найдут жизненные правила, указания, как разъясняется то или иное, что им казалось загадочным, и т.д.

И многие, уже знакомые с тем или иным переживанием, благодаря своему жизненному опыту, и уже прошедшие в некотором отношении через посвящение жизни, найдут, может быть некоторое удовлетворение, встретив в общей связи объяснение того, что представало им раньше отрывочно и в таком виде, что им не удавалось, может быть, довести своего знания до степени удовлетворительного для них самих представления.

Предисловие к пятому изданию.

Для этого нового издания книги "Как достигнуть познаний высших миров" первоначальное изложение ее, написанное более десяти лет тому назад, было вновь переработано во всех частностях. Потребность в подобной переработке возникает естественно, когда дело идет о такого рода душевных переживаниях и душевных путях, как изложенные в этой книге. Ибо в сообщенном не может быть ни одной части, с которой душа сообщавшего не оставалась бы в тесной связи, и которая не заключала бы в себе что-нибудь такого, что еще до сих пор продолжает работать над этой душой. И, конечно, трудно ожидать, чтобы с этой душевной работой не соединялось стремление к достижению все большей ясности и отчетливости в написанном несколько лет тому назад изложении. Из этого стремления и возникло все то, что я постарался сделать для этой книги в ее новом издании. Хотя все *существенные* отделы книги, все главное осталось как было, но все же в ней сделаны *значительные изменения*. Во многих местах мне удалось сделать кое-что для *более точной характеристики частностей*. И это казалось мне важным. Если кто-нибудь захочет применить сообщенное в этой книге к своей собственной духовной жизни, то важно, чтобы он мог обозреть душевные пути, о которых идет речь, в возможно более точной характеристике. И это казалось мне важным. При описании внутренних духовных процессов гораздо легче могут возникать недоразумения, чем при описании фактов физического мира. Подвижность душевной жизни, необходимость никогда не терять из виду всего отличия этой жизни от жизни в физическом мире и многое другое, делает возможным возникновение таких недоразумений. В этом новом издании я обратил внимание на те места в книге, которые могут подать повод к таким недоразумениям, и при изложении я постарался помешать их возникновению.

Когда я писал отдельные статьи, из которых составила́сь эта книга, о многом приходилось говорить иначе, чем в настоящее время, еще и по этой причине, что тогда мне необходимо было указывать на содержание всего, обнародованного мною за последние десять лет из области познания духовных миров, иначе, чем это можно сделать теперь, после этого обнародования. В моем "*Тайноведении*", в "*Водительстве человека и человечества*", в "*Пути к самопознанию*" и особенно в "*Пороге духовного мира*", а также в других моих сочинениях, описаны духовные процессы, на существование которых эта книга хотя и должна была намекать более десяти лет тому назад, однако в других выражениях, чем какие кажутся правильными теперь. О многом, еще не описанном в этой книге, я должен был сказать тогда, что оно может быть узноано только путем "устной передачи". В настоящее время обнародовано *многое* из того, что подразумевалось тогда под этими указаниями. И, может быть, как-раз эти указания были виною того, что у читателей не вполне была исключена возможность ошибочных мнений. В *личных* отношениях ищущего духовного ученичества к тому или другому учителю могли видеть нечто гораздо более существенное, чем следовало видеть. Я надеюсь, что мне удалось в этом новом издании, благодаря иному способу изложения некоторых частностей, более резко подчеркнуть, что для ищущего духовного ученичества, в современных условиях жизни, гораздо более важно совершено *непосредственное* отношение к объективному духовному миру, нежели к личности учителя. И в духовном ученичестве учитель все больше и больше будет занимать место только такого же помощника, какое занимает, сообразно новейшим воззрениям, наставник в любой другой отрасли знания. Я достаточно

отметил, как мне кажется, что в духовном ученичестве авторитет учителя и вера в него не должны играть иной роли, чем во всякой другой области знания и жизни. Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы судили все правильной именно об этом отношении духовного исследователя к людям, интересующимся результатами его исследования. Таким образом, я надеюсь, что исправил эту книгу там, где десять лет спустя мне удалось найти места, нуждавшиеся в исправлении.

К этой первой части должна будет примкнуть вторая. Она принесет дальнейшие разъяснения о душевном строе, который приводит человека к переживанию высших миров.

Новое издание книги было уже напечатано, когда началась великая война., которую переживает теперь человечество. Мне приходится писать эти предварительные замечания с душой, глубоко взволнованной роковым событием.

Берлин, 7-го сентября 1914 года.

Рудольф Штайнер.

Как достигнуть познаний высших миров.

Предварительные условия.

В *каждом* человеке дремлют способности, при помощи которых он может приобрести познания о высших мирах. Мистик, гностик, теософ. говорит о мирах души и духа, столь же действительных для него как и *тот* мир, который можно видеть физическими глазами, осязать физическими руками. Его слушатель в каждое мгновение может сказать себе: то, о чем он говорит, я также смогу познать, если разовью в себе некоторые силы, которые теперь во мне дремлют. Речь может идти только о том, как начать, чтобы развить в себе эти способности. Наставление к этому могут дать только те, которые уже обладают в себе этими силами. С тех пор как существует род человеческий, всегда существовали и школы, где обладатели высших способностей давали наставления искавшим этих способностей. Такие школы называются *сокровенными школами*, а обучение, которое в них сообщают, называется тайноведческим или оккультным обучением. Такое название естественно возбуждает недоразумение. Слышащий его может склониться к мнению, что участвующие в этих школах хотят изобразить собой какой-то особенный привилегированный класс людей, самовольно скрывающий свое знание от ближних. Пожалуй, он может также подумать, что за этим знанием не скрывается вообще ничего значительного. Ибо если бы оно было истинным знанием, - так склонны бывают думать, - то из него незачем было бы делать никакой тайны: можно было бы сообщать его открыто и сделать его блага доступным для всех людей.

Посвященные в природу тайного ведения нисколько не удивляются тому, что непосвященные мыслят таким образом. В чем состоит тайна посвящения, может понять лишь тот, кто сам до известной степени испытал это посвящение в высшие

тайны бытия. Но можно спросить: каким образом у непосвященного может вообще возникнуть при подобных условиях какой-нибудь человеческий интерес к так называемому тайному ведению? Как и зачем будет он искать чего-то, он природе чего все же не может составить себе никакого представления? Но уже в самой постановке вопроса лежит совершенно ошибочное представление о сущности тайного ведения. Ибо в действительности с тайноведением дело обстоит совсем не иначе, чем со всяким другим человеческим знанием. Для среднего человека это тайноведение является тайной совсем в том же смысле, в каком умение писать является тайной для того, кто ему не учился. И как научиться писать может всякий, кто изберет для этого правильный путь, так и учеником или даже учителем тайноведения может сделаться всякий, кто найдет для этого соответствующий путь. Только в одном отношении условия здесь будут другими, чем при внешнем знании или умении. Благодаря ли бедности или вообще культурным условиям, в которых он родился, человек может быть лишен возможности научиться писать; но для достижения знания и умения в высших мирах не существует никаких препятствий для того, кто серьезно ищет.

Многие думают, что нужно отыскать где-нибудь учителей высшего ведения для того, чтобы получить от них разъяснения. Но здесь надо иметь в виду две вещи. Во-первых, серьезно стремящийся к высшему ведению не пожалеет никаких трудов и не побоится никаких препятствий, чтобы найти посвященного, могущего ввести его в высшие тайны мира. Но, с другой стороны, каждый может быть уверен и в том, что посвященный найдет его при всяких условиях, если в нем есть серьезное и достойное стремление к познанию. *Ибо существует строгий закон среди всех посвященных, обязывающий их не закрывать ни одному человеку доступа к подобающему ему знанию. Но существует и другой, столь же строгий закон, утверждающий, что никому не может быть выдано ничего из тайного ведения, если он к нему не призван.* И посвященный тем совершеннее, чем строже он соблюдает оба этих закона. Духовный союз, обнимающий всех посвященных, это не внешний союз, но оба упомянутые закона образуют прочные скрепы, связывающие всех входящих в состав этого союза. Ты можешь жить в тесной дружбе с каким-нибудь посвященным, и все же ты до тех пор будешь отделен от него, пока сам не станешь посвященным. Ты можешь в самом широком смысле слова пользоваться расположением и любовью посвященного, но свою тайну он доверит тебе только тогда, когда ты для нее будешь зрел. Ты можешь льстить ему или подвергать его пытке: ничто не заставит его выдать тебе что-нибудь из того, что, как он знает, не должно быть тебе выдано, ибо на этой ступени твоего развития ты еще не умеешь правильного приема для этой тайны.

Пути, делающие человека зрелым для принятия тайны, предуказаны совершенно точно. Их направление неугасимыми, вечными буквами предначертано в духовных храмах, где посвященные хранят высшие тайны. В древние времена, протекавшие до нашей "истории", эти храмы были видимы также и внешне; теперь, когда наша жизнь стала столь мало духовной, их нет больше в мире, видимом для внешнего глаза. Но духовно они имеются *всюду*; и каждый ищущий может их найти.

Только в своей собственной душе может человек найти средства, открывающие для него уста посвященных. Он должен развить в себе до определенной высоты некоторые качества, и тогда могут достаться в удел ему высочайшие сокровища

духа.

Некоторое основное настроение души должно послужить началом. Тайно исследователь называет это основное настроение *путем почитания*, благоговения перед истиной и познанием. Только тот, кто обладает этим основным настроением, может сделаться учеником тайноведения. Человек, опытный в этой области, знает какие наклонности заметны уже в детстве у людей, становящихся позднее учениками тайноведения. Есть дети, которые со священным трепетом взирают к некоторым, почитаемым ими лицам. Они испытывают перед ними благоговение, не дающее возникнуть у них в глубочайших тайниках сердца даже какой-нибудь мысли о критике или противоречии. Такие дети вырастают в юношей и девушек, которые бывают рады, когда они могут взирать на что-нибудь, достойное преклонения. Из числа подобных человеческих характеров выходит много учеников тайноведения. Если ты когда-нибудь стоял перед дверью почитаемого тобою человека и испытывал при этом первом посещении священный трепет, прежде чем нажать на ручку двери и вступить в комнату, которая являлась для тебя "чистилищем", то это чувство, проявившееся в тебе в то время, может стать зерном для твоего дальнейшего тайного ученичества. Счастье для каждого человека, если он в юности несет в себе задатки подобных чувств. Не нужно только думать, что эти задатки служат началом подчинения или рабства. Детское почитание к людям становится впоследствии почитанием к *истине* и к *познанию*. Опыт учит, что те люди лучше всего умеют держать голову прямо, которые научились почитать там, где почитание уместно. А уместно оно везде, где оно возникает из глубины сердца.

Если мы не разовьем в себе глубоко коренящегося чувства, что существует нечто высшее нас, то мы не найдем в себе также и силы развиваться вверх, к высшему. Посвященный только таким путем завоевал себе силу поднять голову к высотам познания, что низвел свое сердце в глубины благоговейного почитания. Подняться к высотам духа можно, только проходя через врата смирения. Настоящего знания ты можешь достигнуть только научившись уважать это знание. Человек, несомненно вправе открывать глаза навстречу свету; но он должен завоевать себе это право. В духовной жизни есть также законы, как и в материальной. Натри стеклянную палочку соответствующим веществом, и она наэлектризуется, то-есть она получит силу притягивать малые тела. Это соответствует закону природы. Кто хоть сколько-нибудь учился физике, знает это. И точно так же всякий, знакомый с основными началами тайноведения, знает, что каждое развиваемое в душе чувство *истинного* благоговения пробуждает силу, которая рано или поздно может подвинуть нас вперед в познании.

Кто обладает по наклонности благоговейными чувствами, или кто имел счастье взрастить их в себе благодаря соответствующему воспитанию, тот принесет с собой много благоприятных условий, если он в дальнейшей жизни будет искать доступа к высшим познаниям. Кто не принесет с собой подобной подготовки, для того на первой же ступени пути познания возникнет много затруднений, если он не начнет путем самовоспитания настойчиво порождать в себе благоговейное настроение. В наше время особенно важно обратить на этот момент все внимание. Наша цивилизация гораздо больше склонна к критике, к суду и суждению, нежели к благоговению и самоотверженному преклонению. У нас даже дети гораздо больше критикуют, чем самоотверженно преклоняются. Но всякая критика, всякое осуждение настолько же разрушает душевные силы, насколько

самоотверженное преклонение их разбивает. Этим мы не хотим ничего сказать против нашей цивилизации. Дело здесь идет вовсе не о том, чтобы критиковать, эту нашу цивилизацию. Именно критике, самосознательному суждению и словам: "все исследуйте и лучше сохраняйте", мы обязаны величием нашей культуры. Никогда человек не достиг бы ни науки, ни промышленности, ни средств сообщения, ни правовых отношений нашего времени, если бы он всюду не применял критики, если бы он не прилагал ко всему мерки своего суждения. Но выигранное нами таким образом во внешней культуре мы должны были оплатить соответствующим ущербом в *высшем* познании, в духовной жизни. Следует подчеркнуть, что в высшем познании дело идет о преклонении не перед людьми, а перед *истиной и познанием*.

Но одно должен уяснить себе каждый: то, что человеку, совершенно погруженному в поверхностную цивилизацию наших дней, очень трудно проникнуть к познанию высших миров. Он может достигнуть этого только при настойчивой работе над собой. В те времена, когда условия материальной жизни были проще, был легче достижим и духовный подъем. Достойное преклонения и почитаемое священным больше выделялось тогда над прочими мирскими отношениями. В критическую эпоху идеалы понижаются. Другие чувства выступают на свет вместо преклонения, почитания и удивления. Наша эпоха все больше оттесняет назад эти чувства, так что повседневная жизнь лишь в очень незначительной степени приводит человека в соприкосновение с ними. Искатель высшего познания должен породить их в себе. Он должен сам вливать их в душу. Этого нельзя достигнуть путем изучения. Это можно сделать только путем жизни. Желая стать учеником тайноведения должен поэтому настойчиво воспитывать в себе способность к благоговейному настроению. Он должен везде вокруг себя, в своих переживаниях, находить то, что может понудить его к удивлению, к почитанию. Если при встрече с человеком я осуждаю его слабости, я похищаю этим у себя высшую силу познания; но если я любовно стараюсь углубиться в его достоинства, я накапливаю эту силу. Ученик тайноведения должен постоянно помнить о необходимости следовать этому указанию. Опытные тайно-исследователи знают, какой силой они обязаны тому обстоятельству, что они постоянно во всем взирают на доброе и удерживаются от порицающего суждения. Но это не должно оставаться только внешним жизненным правилом. Это должно овладеть самой внутренней глубиной нашей души. От человека зависит совершенствовать самого себя и со временем совершенно изменить себя. Но это изменение должно произойти в самой внутренней глубине его, в жизни его мыслей. Недостаточно, чтобы я внешне в моем поведении проявлял уважение перед каким-нибудь существом. Я должен иметь это уважение в моих мыслях. Ученик должен начать с принятия благоговения в жизнь своих мыслей. Он должен в своем сознании остерегаться неуважительных мыслей, осуждающей критики. И он должен прямо-таки стремиться к воспитанию в себе благоговейных мыслей.

Каждое мгновение, когда мы останавливаемся, чтобы заметить в своем сознании, сколько в нас таится отрицательных, осуждающих, критических суждений о мире и жизни, - каждое такое мгновение приближает нас к высшему познанию. И мы быстро поднимаемся вверх, если в эти мгновения мы наполняем наше сознание только такими мыслями, которые вызывают в нас удивление, почитание, преклонение перед миром и жизнью. *Через это* у человека открываются духовные очи. Он начинает видеть вокруг себя вещи, которых он раньше не мог

видеть. Он начинает понимать, что раньше он видел только часть окружающего его мира. Стоящий перед ним человек являет ему теперь совсем другой образ, чем прежде. Благодаря *этому* жизненному правилу он, правда еще не будет в состоянии увидеть то, что описывается, например, как человеческая аура. Ибо для этого нужно еще более высокое обучение. Но он может подняться к этому высшему обучению, именно только пройдя предварительно через *настойчивое* приучение себя к благоговению. (Общий обзор "пути познания" можно найти в последней главе моей книги "Теософия, введение в сверхчувственное познание мира и человека". Здесь же будут указаны только некоторые частные стороны, имеющие практическое значение.)

Бесшумно и незаметно для внешнего мира происходит вступление ученика на "путь познания". Возможно, что никто и не заметит в нем перемены. Он исполняет свои обязанности, как и прежде; он занимается своими делами как и до того. Изменение происходит только во внутренней стороне его души, скрытой для внешнего глаза. Сперва вся душевная жизнь человека озаряется основным настроением благоговения перед всем действительно достойным преклонения. В этом *одном* основном чувстве сосредотачивается вся его душевная жизнь. Как солнце оживляет своими лучами все живущее, так преклонение оживляет в ученике все ощущения души.

Вначале человеку нелегко бывает поверить, что такие чувства, как преклонение, почитание и т.д., имеют какое бы то ни было отношение к познанию. Это происходит от того, что мы склонны представлять себе познание, как такую способность, которая не находится ни в какой связи со всем, что происходит помимо нее в душе. При этом забывают, что познает-то именно *душа*. А для души чувства являются тем же, чем для тела - вещества, которые доставляют ему питание. Если телу вместо хлеба подают камень, то деятельность его прекращается. Подобное же происходит и с душой. Для нее преклонение, уважение, благоговение являются питательными веществами, делающие ее *здоровой*; сильной, прежде всего для деятельности познания. Презрение, антипатия, осуждение чего-нибудь достойного признания причиняют ослабление и умирание познавательной деятельности. Для оккультиста этот факт видим в *ауре* человека. Душа, усвоившая себе чувства преклонения и благоговения вызывает изменение в своей ауре. Некоторые духовные световые оттенки, которые можно обозначить, как желтовато- и коричневатокрасные исчезают и заменяются синевато-красными. Но вместе с тем раскрывается и способность познания; она получает весть о фактах вокруг себя, о которых она прежде и не подозревала. Преклонение пробуждает в душе симпатическую силу, при помощи которой нами привлекаются свойства окружающих нас существ, остающихся иначе скрытыми (оккультными).

Еще действеннее становится достигаемое путем благоговения, когда к нему присоединяется еще другого рода чувство. Оно состоит в том, что человек научается все меньше отдаваться впечатлениям внешнего мира и взамен того развивает подвижную внутреннюю жизнь. Человек, который гоняется за впечатлениями внешнего мира и постоянно ищет развлечений, не найдет пути к тайноведению. Не притуплять себя для внешнего мира должен духовный ученик; но *богатая внутренняя жизнь* должна сама сообщить ему направление, в котором ему следует отдаваться ее впечатлениям. Глубоко чувствующий и богато одаренный душевно человек, проходя по прекрасной горной местности,

переживает иное, нежели человек, бедный чувством. Лишь переживаемое внутри дает нам ключ к красоте внешнего мира. Иной едет по морю, и лишь немногие внутренние переживания проходят через его душу; а другой ощущает при этом вечный язык мирового духа; ему раскрываются тайные загадки творения. Мы должны уметь обращаться с нашими чувствами и представлениями, если хотим развить богатое содержанием отношение к внешнему миру. Внешний мир во всех своих явлениях исполнен божественной славы; но божественное надо сперва пережить в своей душе, если хочешь найти его в окружающем. Ученику тайноведения предлагается создавать в своей жизни мгновения, когда в тишине и одиночестве он погружается в самого себя. Но не тому, что связано с его "я", должен он отдаваться в эти мгновения. Это имело бы результат как раз противоположный тому, что ставится здесь целью. Напротив, в эти мгновения он должен в полной тишине вызывать в себе отзвук пережитого, того, что сказал ему внешний мир. Каждый цветок, каждое животное, каждый поступок откроет ему в эти мгновения тишины негданные тайны. И через это он подготавливается встречать новые впечатления внешнего мира совсем другими глазами, чем прежде. Желая только *наслаждаться*, сменой впечатлений притупляет свою способность познания. Кто после наслаждения заставляет само это наслаждение *открывать* ему нечто, тот развивает и воспитывает свою способность познания. Но он должен приучиться не к тому, чтобы научиться вызывать в себе один только отзвук этого наслаждения, а чтобы путем *отказа* от дальнейшего наслаждения *перерабатывать* его своей внутренней деятельностью. Здесь кроется очень опасный подводный камень. Вместо того, чтобы работать в самом себе, легко можно впасть в обратное и пожелать еще раз вполне исчерпать наслаждение. Не нужно умалять значения того обстоятельства, что здесь открываются для ученика необозримые источники заблуждения. Ибо он должен пройти сквозь толпу своих душевных искусителей. Все они хотят ожесточить его "я", замкнуть его в себе самом. А он должен раскрыть его для мира. Правда он *должен* искать наслаждения; ибо только через него подходит к нему внешний мир. Притупляя себя для наслаждения, он становится подобным растению, не могущему больше привлекать к себе из своего окружающего питательных веществ. Он сохраняет тогда какое-либо значение только для *себя*, и никакое - для мира. Как бы богато ни жил он тогда в себе, как бы ни развивал свое "я", - мир выключает его из себя. Для него он мертв. Ученик рассматривает *наслаждение* только как *средство* облагородить себя для мира. Наслаждение является для него вестником, поучающим его о мире; но после этого обучения через наслаждение он спешит дальше, к *работе*. Он учится не для того, чтобы накапливать изученное, как сокровище своего знания, но для того, чтобы отдавать его на служение миру.

Это - основной закон во всяком тайноведении, и его нельзя преступить, если мы хотим достигнуть какой-нибудь цели. Каждый учитель тайноведения должен запечатлеть его своему ученику. Он гласит: *Всякое познание, которого ты ищешь только для обогащения твоего знания, только для того, чтобы накопить в себе сокровища, отклоняет тебя от твоего пути, но всякое познание, которого ты ищешь с тем, чтобы совершить работу на служении делу облагораживания людей и развития мира, подвигает тебя вперед*. Этот закон требует неумолимого своего исполнения. И нельзя стать учеником, пока этот закон не сделался путеводной нитью жизни. Эту истину духовного ученичества можно выразить в краткой формуле: Всякая идея, которая не становится для тебя идеалом, убивает в твоей душе некую силу, но всякая идея, ставшая идеалом, создает в тебе

жизненные силы.

Внутренний покой.

На путь *благоговения* и на развитие *внутренней жизни* указывается ученику в начале его поприща. И в руководство духовная наука дает ему еще практические *правила*, при соблюдении которых можно вступить на путь и развить свою внутреннюю жизнь. Эти практические правила не выдуманы произвольно. Они основаны на опытах и знаниях глубочайшей древности. Они даются одинаковым образом всюду, где указываются пути к высшему познанию. Все истинные учителя духовной жизни согласны между собой в содержании этих правил, хотя и не всегда облачают их в одинаковые слова. Это второстепенное и, в сущности, только кажущееся различие происходит от обстоятельств, которые не подлежат здесь обсуждению.

Ни один учитель духовной жизни не ищет при помощи этих правил господства над другими людьми. Он не хочет ограничивать ничьей самостоятельности. Ибо никто не умеет лучше ценить и охранять человеческую самостоятельность, чем учитель тайноведения. Было сказано (в первой главе этой книги), что союз, обнимающий собою всех посвященных, есть союз духовный, и два закона образуют скрепы, удерживающие отдельные части этого союза. Но когда посвященный из своей замкнутой духовной области выступает в духовный мир, тогда для него тотчас же получает силу третий строгий закон. Он гласит: *Направляй каждый твой поступок и каждое твое слово так, чтобы не прикоснуться к свободному волевому решению ни одного человека.*

Кто понял, что истинный учитель духовной жизни бывает вполне проникнут этим настроением, тот в состоянии понять также и то, что он не потерпит никакого ущерба в своей самостоятельности, последовав предлагаемым ему практическим правилам.

Одно из первых правил можно облечь приблизительно в следующие слова нашей речи: "Создавай в себе мгновения внутреннего покоя и научайся в эти мгновения *отличать существенное от несущественного*". - Здесь сказано, что это практическое правило гласит таким образом, будучи "облечено в слова нашей речи". Первоначально все правила и учения духовной науки даются на символическом языке знаков. И желающий все их значение и глубину должен сначала уразуметь этот символический язык. Для этого уразумения необходимо, чтобы ученик уже сделал уже первые шаги в тайноведении. И он может сделать эти шаги при точном соблюдении правил, как они даны здесь. Путь открыт *каждому*, у кого есть серьезное желание.

Это правило, касающееся мгновений внутреннего покоя, очень просто. И просто также следовать ему. Но к цели оно приводит только тогда, когда оно принимается настолько *серьезно и строго*, как оно просто. - Поэтому здесь будет тотчас указано, как надо выполнять это правило.

Ученик должен выделить себе в своей повседневной жизни короткий промежуток времени, чтобы посвящать это время совсем другим занятиям, чем те, которые составляют предмет его ежедневных забот. И самый образ его занятий должен

быть здесь совсем другим, чем тот, которым он наполняет весь остальной день. Но это нельзя понимать так, будто совершаемое им в этот промежуток времени не имеет никакого отношения к содержанию его ежедневной работы. Напротив: человек *правильно* ищущий таких выделенных мгновений, скоро заметит, что только благодаря им он получает полноту сил для своей ежедневной задачи. Не следует также думать, что соблюдение этого правила может действительно отнять у кого-либо время от исполнения его обязанностей. *Если у кого-либо действительно нет больше времени*, то достаточно и *пяти минут* каждый день. Дело в том, как использовать эти пять минут.

В это время человек должен совершенно оторваться от своей повседневной жизни. Жизнь его мыслей и чувств должна получить другую окраску, чем какую она имеет обычно. Он должен провести перед душой свои радости, свои печали, свои заботы, свой опыт и свои поступки. И при этом он должен поставить себя так, чтобы смотреть на все, обычно переживаемое им, с высшей точки зрения. Подумайте только, как совсем различно смотрят люди в обыкновенной жизни на то, что переживают или делают другие, и на то, что переживают или делают они сами. И это не может быть иначе. Ибо с тем, что мы переживаем или делаем сами, мы бываем тесно связаны, а переживания и поступки другого мы только *рассматриваем*. И в эти выделенные мгновения мы должны стараться смотреть на собственные переживания и поступки и судить о них также, как если бы их переживал и делал кто-нибудь другой, а не мы сами. Представьте себе: кто-нибудь пережил тяжелый удар судьбы. Как различно отнесется он к этому удару судьбы и к совершенно такому же, постигшему его ближнего? Никто не может считать это неправомерным. Это лежит в природе человека. И совершенно также, как в этих исключительных случаях, происходит это и в повседневных обстоятельствах жизни. Ученик должен найти в себе силу в известные мгновения относиться к самому себе как посторонний. *С внутренним спокойствием* человека, который только обсуждает, он должен выступить перед самим собой. Когда это бывает достигнуто, собственные переживания человека являются перед ним в новом свете. Пока он остается тесно связанным с ними, пока он сам стоит посреди них, до тех пор он бывает одинаково связан с несущественным, как и с существенным. Но когда он приходит к *внутреннему покою* наблюдателя, существенное отделяется от несущественного. Печаль и радость, каждая мысль и каждое решение являются ему иными, когда он таким образом стоит перед самим собой. - Это вроде того, как если бы мы целый день находились в каком-нибудь месте и смотрели на все, на самое малое, как и на самое большое, с одинаково близкого расстояния, а затем вечером поднялись бы на соседний холм и сразу окинули взором всю местность. Тогда части этой местности предстали бы нам совсем в других взаимоотношениях, чем когда мы находились среди них. С только что пережитыми событиями, посылаемые нам судьбой, это не удастся; да и не нужно, чтобы удавалось; но относительно событий, отошедших в более далекое прошлое, ученик духовной жизни должен стремиться к достижению этого. - Ценность подобных спокойных внутренних обзоров самого себя зависит не столько от того, *что* при этом видишь, как от того, чтобы найти в себе *силу*, развиваемую подобным внутренним покоем.

Ибо каждый человек несет внутри себя еще другого, *высшего человека*. Этот высший человек, остается скрытым, пока он не будет пробужден. И каждый может только *сам* пробудить в себе этого высшего человека. Но пока высший человек не пробужден, до тех пор остаются скрытыми также и дремлющие в

каждом человеке высшие способности, ведущие к сверхчувственным познаниям.

Пока человек не почувствует плодов внутреннего покоя, ему надо продолжать серьезно и строго следовать этому правилу. Для каждого, кто так поступает, наступит день, когда вокруг него станет духовно светло, когда его внутреннему оку, которого он в себе не знал раньше, откроется совсем иной мир.

И не нужно, чтобы что-нибудь изменялось во внешней жизни ученика из-за того, что он начинает следовать этому правилу. Он по-прежнему исполняет свои обязанности; он терпит первоначально те же горести и переживает те же радости, как и раньше. Он отнюдь не может стать благодаря этому отчужденным от "жизни". Более того, в течение всего остального дня он может тем полнее отдаваться этой "жизни", потому что в эти выделенные мгновения он приобщается "высшей жизни". Мало-помалу эта "высшая жизнь" окажет свое влияние и на обычную. Покой выделенных мгновений распространит свое действие также и на остальной день. Весь человек станет спокойнее, получит уверенность во всех своих действиях, не будет выходить из равновесия из-за возможных случайностей. Постепенно такой начинающий ученик будет все больше и больше сам руководить собою и все меньше давать руководить собою обстоятельствам и внешним влияниям. Такой человек скоро заметит, каким источником силы являются для него эти выделенные им промежутки времени. Он перестает раздражаться на вещи, на которые он раньше раздражался; множество вещей, которых он раньше боялся, перестанут внушать опасения. Он усвоит совершенно новый взгляд на жизнь. Прежде он, может быть, робко приступал к тому или иному делу. Он говорил себе; о, у меня не хватит сил сделать это так, как я бы хотел. Теперь ему больше не приходит эта мысль, но приходит совершенно иная. А именно, отныне он говорит себе: я соберу всю мою силу, чтобы исполнить мое дело самым лучшим образом, как я только могу. И он подавляет ту мысль, которая может сделать его нерешительным. Ибо он знает, что именно нерешительность может повлечь за собой худшее исполнение его дела, и во всяком случае эта нерешительность отнюдь не поможет ему сделать лучше то, что ему предстоит сделать. И таким образом в жизнепонимание ученика проникают одна за другой мысли, которые действуют плодотворно и благоприятно на его жизнь. Они заступают место тех, которые действовали на него задерживающим и ослабляющим образом. Твердым и уверенным ходом начинает он вести свой жизненный корабль посреди волн жизни, между тем как прежде эти волны швыряли его из стороны в сторону.

Этот покой и эта уверенность оказывают в свою очередь, действие и на все существо человека. Благодаря им растет и внутренний человек. А вместе с ним растут те внутренние способности, которые приводят к высшим познаниям. Ибо благодаря своим, сделанным в этом направлении успехам, ученик постепенно достигает того, что он сам начинает определять, *как* должны влиять на него впечатления внешнего мира. Он слышит, например, какое-нибудь слово, который другой хочет оскорбить его или раздражить. До своего ученичества он бы и оскорбился и раздражился. Теперь же, вступив на путь ученичества, он в силах отнять у слова его оскорбляющее или раздражающее жало, прежде, чем оно найдет путь внутрь его. Или вот другой пример. Человек легко теряет терпение. Он вступает на путь ученичества. В минуты своего покоя он так сильно проникается чувством бесцельности всякого нетерпения, что с тех пор при каждом *переживаемом* им нетерпении в нем тотчас же возникает это чувство.

Готовое уже вспыхнуть нетерпение исчезает, и время, которое иначе было бы потеряно на представления вызываемые нетерпением, теперь может быть наполнено каким-нибудь полезным наблюдением, сделанным во время ожидания.

Теперь нужно представить себе все значение сказанного. Вспомним, что "высший человек" в человеке находится в непрестанном развитии. Но только описанные покой и уверенность дают ему возможность закономерного развития. Волны внешней жизни со всех сторон теснят внутреннего человека, если не сам человек владеет этой жизнью, а она владеет им. Такой человек подобен растению, которое принуждено развиваться в расщелине скалы. Оно чахнет до тех пор, пока ему не создадут простора. Но внутреннему человеку никакие внешние силы не могут создать простора. Это может сделать только *внутренний покой*, вызываемый им в своей душе. Внешние обстоятельства могут изменить *только* его внешнее жизненное положение; пробудить в нем духовного человека они не смогут никогда. - В самом себе должен ученик породить нового, высшего человека.

Этот "высший человек" становится тогда "внутренним повелителем", который уверенной рукой направляет обстоятельства внешнего человека. Пока одерживает вверх и руководит внешний человек, этот "внутренний" остается его рабом и не может поэтому развернуть своих сил. Если не от меня самого, а от чего-либо другого зависит, раздражаюсь ли я или нет, то я не господин сам себе, или - лучше сказать - я еще не нашел "повелителя во мне". Я должен развить в себе способность допускать до себя впечатления внешнего мира только мной самим определяемым образом; только тогда могу я стать учеником на пути тайноведения. - И только в той мере, в какой ученик серьезно ищет этой силы, может он прийти к цели. Дело не в том, как далеко успеет он уйти за какое-нибудь определенное время, но только в том, чтобы он серьезно *искал*. Бывало, что иные годами напрягали свои силы, не видя в себе заметного успеха; Но из тех, которые не отчаивались, оставались непоколебимыми, многие потом совсем внезапно достигали "внутренней победы".

Конечно, во многих жизненных положениях необходима большая сила, дабы создать в себе мгновения внутреннего покоя. Но чем больше требуется сила, тем значительнее и достижение. В ученичестве все зависит от того, чтобы со всей энергией, с внутренней правдивостью и полной искренностью мочь стоять перед самим собой, со всеми действиями и поступками, как совершенно посторонний человек.

Но этим рождением своего *собственного* высшего человека характеризуется только одна сторона внутренней деятельности ученика. К нему должно присоединиться еще нечто другое. Если даже человек и стоит перед самим собой как посторонний, он все же рассматривает *самого себя*; он смотрит на переживания и действия, с которыми он сросся благодаря особому жизненному положению. Он должен переступить эти пределы. Он должен подняться до *чисто* человеческого, не имеющего ничего общего с его особым положением. Он должен перейти к рассмотрению таких вещей, которые все же продолжали бы касаться его, как человека, хотя бы он находился в совсем других условиях и в совсем другом жизненном положении. Благодаря этому в нем оживает нечто, возвышающееся над личным. Он направляет взор на *более высокие миры*, чем те, с которыми связывает его повседневность. И вместе с тем человек начинает чувствовать и переживать, что он сам принадлежит к этим высшим мирам. Это

миры, о которых его чувство, его повседневные занятия ничего не могут сказать ему. Так впервые переносит он центр своего существа внутрь себя. Он прислушивается внутри себя к голосам, говорящим к нему в мгновения покоя; он вступает внутри себя в общение с духовным миром. Он отрешен от повседневности. Шум этой повседневности умолк для него. *Вокруг него* стало тихо. Он отстраняет от себя все окружающее; он отстраняет даже и все то, что извне напоминает ему об этих впечатлениях. *Спокойная внутренняя созерцательность*, беседа с чисто духовным миром наполняет всю его душу. - Эта тихая созерцательность должна стать естественной жизненной потребностью ученика. Сначала он бывает совершенно погружен в мир мыслей. Он должен развить *живое чувство* для этой тихой деятельности мыслей. Он должен полюбить то, что к нему притекает от духа. Тогда вскоре он перестает ощущать этот мир мыслей, как нечто менее действительное, чем окружающие его обыденные вещи. Он начинает обращаться со своими мыслями, как с вещами в пространстве. И тогда для него приближается мгновение, когда он начинает чувствовать открывающиеся ему в тишине его внутренней работы мысли, как нечто гораздо более высокое и действительное, чем вещи в пространстве. Он познает то, что в этом мире мыслей высказывает себя *жизнь*. Он убеждается, что в мыслях изживаются не одни только теневые образы, но что посредством них говорят к нему скрытые *существа*. Из тишины начинает звучать ему речь. Прежде речь звучала ему только через его уши; теперь она звучит через его душу. Ему открылась внутренняя речь - внутреннее слово. Переживая в первый раз это мгновение, ученик чувствует высочайшую степень блаженства. На весь его внешний мир проливается внутренний свет. Вторая жизнь начинается для него. Поток божественного мира, дарующего божественное блаженство, изливается через него.

Такая жизнь души в мыслях, которая расширяется все более до жизни в духовном существе, называется в гносисе, в теософии *медитацией* (созерцательным размышлением). Эта медитация есть средство к сверхчувственному познанию. - Однако в такие мгновения ученик не должен расплываться в чувствах. У него не должно быть в душе неопределенных ощущений. Это только помешало бы ему прийти к истинному духовному познанию. Ясно, остро, определенно должны слагаться его мысли. Он найдет для этого точку опоры, если не будет слепо отдаваться возникающим в нем мыслям. Пусть он лучше проникается высокими мыслями, которые мыслились в подобные мгновения людьми, уже далеко ушедшими в своем развитии и исполненными духа. Он должен взять своей исходной точкой писания, которые сами возникли из подобных откровений в медитации. В литературе мистической, гностической и в современной, теософский ученик найдет подобные писания. Они дадут ему материал для его медитации. Мудрецы человечества сами изложили в этих писаниях мысли, исполненные божественного знания; дух возвестил их миру через своих посланцев.

Благодаря такой медитации с учеником происходит полное превращение. Он начинает создавать себе совсем новые представления о действительности. Все вещи получают для него другое значение. Но нужно еще и еще раз повторить: ученик не становится благодаря этому превращению отчужденным от мира. Он ни в каком случае не отчуждается от круга своих ежедневных обязанностей. Ибо он научается понимать, что малейшее действие, которое ему надо выполнить, малейшее переживание, встречающееся ему на пути, стоит в связи с великими мировыми существами и мировыми событиями. И когда эта связь станет для него

ясной благодаря моментам созерцания, он будет вступать в круг своей ежедневной работы с новой и более полной силой. Ибо теперь он будет знать: все, что он делает, и все, что он переносит, он делает и переносит ради великого, духовного мирового целого. *Сила* для жизни, а не вялое безразличие, вливается в него из медитации.

Уверенным шагом проходит ученик через жизнь. Что бы она ему не приносила, он продолжает твердо идти вперед. Прежде он не знал, зачем он работает, почему страдает, теперь он знает это. Легко понять, что такая медитативная работа лучше приводит к цели, если она происходит под руководством опытных людей. Таких, которые по собственному опыту знают, как сделать все наилучшим образом. Поэтому следует искать совета и указания подобных опытных руководителей. Человек поистине не теряет при этом своей свободы. То, что иначе было бы неуверенным блужданием наугад, становится при таком руководстве уверенно направленной к цели работой. Кто обратиться к знающим и опытным в этом отношении людям, тот никогда не постучится напрасно. Пусть он только сознает, что он ищет лишь дружеского совета, а не превосходящей его силы, ищущей господства над ним. Люди, обладающие действительным знанием, всегда окажутся в то же время и наиболее скромными, и для них не будет ничего более чуждого, чем то, что называется властолюбивыми желаниями.

Кто путем медитации поднимается к вершинам, связывающим человека с духом, тот начинает оживлять в себе то, что есть в нем вечного и не ограниченного рождением и смертью. Только те могут сомневаться в вечном, кто сами не пережили его. Таким образом, медитация - это путь, приводящий человека к познанию, к созерцанию вечного, неразрушимого ядра своего существа. И только посредством нее человек может прийти к такому созерцанию. И гносис и теософия говорят о вечности этого сущностного ядра, о его перевоплощении. Нередко спрашивают, почему человек ничего не знает о своих переживаниях по ту сторону рождения и смерти? Но вопрос следовало бы ставить не так, а скорее вот как: каким образом достигнуть этого знания? Путь открывается в правильной медитации. Благодаря ей оживает воспоминание о переживаниях, лежащих по ту сторону рождения и смерти. Каждый может приобрести это знание; в каждом заложены способности, чтобы самому познать, самому увидеть то, чему учат мистика, теософия, антропософия и гносис. Он должен только выбрать верные средства. - Воспринять звуки и краски может только существо, имеющее уши и глаза. Но и глаз ничего не может воспринять, если нет света, который делает вещи зримыми. В тайноведении даны средства развить духовные уши и очи и возжечь духовный свет. На следующие три ступени можно разделить средства духовного обучения: 1) *подготовление*, - оно развивает духовные чувства; 2) *просветление*, - оно возжигает духовный свет; 3) *посвящение*, - оно открывает общение с высшими существами духа.

Ступени посвящения.

Последующие сообщения входят в состав одного метода духовного обучения, о названии и сущности которого может составить себе ясное представление каждый, кто его правильно применит. Они относятся к трем ступеням, через которые школа духовной жизни приводит к известной степени посвящения. Однако читатель встретит здесь из этих разъяснений только то, что может быть

сказано открыто. Это будут указания, вынесенные из еще более глубокого интимного знания. В самих школах тайноведения соблюдается совершенно определенный порядок обучения. Существуют известные методы, служащие тому, чтобы привести душу человека к сознательному общению с духовным миром. Эти методы относятся к излагаемому ниже приблизительно так, как преподавание в высшей, строго поставленной школе относится к наставлениям, сообщаемым при случае в подготовительном училище. Однако, серьезное, настойчивое выполнение даваемых здесь указаний может привести к действительному духовному ученичеству. Конечно, нетерпеливые попытки, без серьезного отношения и без настойчивости, не могут привести ни к чему. - Духовное обучение может быть успешным только в том случае, если прежде всего соблюдается сказанное раньше и уже на этой основе строится дальнейшее.

Упомянутым преданием указываются три следующие ступени: 1) подготовка, 2) просветление, 3) посвящение. Нет никакой необходимости, чтобы эти три ступени следовали в таком порядке, и чтобы первая была пройдена *до конца*, прежде, чем наступит очередь второй, а вторая - прежде наступления третьей. В некоторых вещах можно уже достигнуть просветления и даже посвящения, находясь относительно других только на ступени подготовки. Но все же некоторое время должно быть отдано подготовке, прежде чем вообще может начаться просветление. И нужно быть хоть несколько причастным просветлению, прежде чем может быть положено начало посвящению. В описании же эти три ступени для простоты должны следовать одна за другой.

Подготовка.

Подготовка состоит в совершенно определенном воспитании жизни чувств и мыслей. Благодаря этому воспитанию душевное и духовное тело одариваются орудиями высших чувств и органами деятельности, подобно тому, как силы природы снабдили органами физическое тело, создав их из неоформленной, живой материи.

Начинать надо с того, чтобы направить внимание души на некоторые процессы в окружающем нас мире. Эти процессы суть, с одной стороны, зарождающаяся, растущая и созревающая жизнь, а с другой стороны - все явления, связанные с отцветанием, увяданием, умиранием. Всюду, куда человек ни направит взор, существуют одновременно оба эти процесса. И всюду они естественно вызывают в человеке чувства и мысли. Но при обыкновенных условиях человек недостаточно отдается этим чувствам и мыслям. Для этого он слишком быстро перебегаёт от одного впечатления к другому. Необходимо, чтобы он вполне сознательно и интенсивно направил свое внимание на эти факты. Воспринимая какой-нибудь совершенно определенный случай цветения и роста, он должен изгнать из своей души все остальное и на короткое время отдаться целиком *только этому одному* впечатлению. Вскоре он убедится, что чувство, которое прежде в подобном случае только бегло проскальзывало в его душе, теперь начинает расти, принимает сильную, энергичную форму. Он должен тогда дать спокойно прозвучать в себе этого рода чувству. При этом внутри его должна наступить полная тишина. Он должен отрешиться от всего остального внешнего мира и следить только за тем, что говорит душа о факте цветения и роста.

Но при этом отнюдь не следует думать, что можно уйти вперед, притупляя свои *чувства* по отношению к миру. Сначала надо посмотреть как можно живее и точнее на вещи. И только *потом* уже отдаться оживающему в душе чувству, возникающей мысли. Дело именно в том, чтобы внимание было направлено одинаково *на то и на другое*, с сохранением полного внутреннего равновесия. Если человек найдет необходимый покой и отдастся тому, что оживает в душе, тогда через соответствующее время он *переживет* следующее. Он увидит, как внутри его возникнут новые виды чувств и мыслей, которых он прежде не знал. Чем чаще направлять таким образом внимание, попеременно, то на что-нибудь растущее, расцветающее и созревающее, то на увядающее и отмирающее, тем живее становятся эти чувства. И из возникающих таким образом чувств и мыслей строятся органы ясновидения совершенно так же, как с помощью сил природы из живого вещества строятся глаза и уши физического тела. Вполне определенная форма чувства связывается с ростом и становлением; и совсем другая, столь же определенная - с увяданием и отмиранием. Но это происходит только тогда, когда человек описанным образом заботится о воспитании этих чувств. Можно с приблизительной точностью описать каковы эти чувства. Полное представление о них может составить себе каждый, проходя сам через эти внутренние переживания. Кто часто направлял внимание на процесс становления, роста, цветения, тот почувствует нечто, имеющее *отдаленное сходство* с ощущением при восходе солнца. И процесс увядания, отмирания вызовет в нем переживание, которое можно таким же образом сравнить с медленным восхождением в поле зрения луны. Оба эти чувства суть две силы, которые при надлежащем уходе, при все более живом развитии, приводят к самым значительным духовным последствиям. Кто все снова и снова, планомерно и преднамеренно, отдается этим чувствам, для того открывается новый мир. Мир души, так называемый астральный план, начинает брезжить перед ним. Рост и умирание перестают быть фактами, производящими на него только смутные впечатления, как это было раньше. Они слагаются, напротив, в духовные линии и фигуры, о которых он прежде не подозревал. И эти линии и фигуры для различных явлений имеют и различные образы. Распустившийся цветок начаровывает перед душой совершенно определенную линию, точно также и находящееся в процессе роста животное и отмирающее дерево. Мир души (астральный план) медленно разворачивается перед ним. В этих линиях и фигурах нет ничего произвольного. Два духовных ученика, находящихся на соответствующей ступени развития, при одинаковом процессе увидят всегда одни и те же линии и фигуры. Как два человека с правильным зрением несомненно увидят круглый стол круглым, а не увидят его, один - круглым, а другой четырехугольным, так и перед двумя душами, при взгляде на распустившийся цветок, неизбежно возникает один и тот же духовный образ. И как в обыкновенной естественно истории описываются образы растений и животных, так и учитель тайноведения описывает или рисует духовные образы процессов роста и отмирания по родам и видам.

Когда духовный ученик достиг того, что может видеть эти духовные образы явлений, предстоящих физически его внешнему глазу, тогда он недалек уже и от ступени, на которой можно видеть вещи, не имеющие никакого физического существования и неизбежно остающиеся поэтому совершенно скрытыми (окультными) для того, кто не проходит духовного обучения.

Следует подчеркнуть, что духовный исследователь не должен погружаться в размышления о значении той или иной вещи. Благодаря такой рассудочной

работе он только отвлек бы себя от правильного пути. Он должен бодро, со здоровым чувством, с острой наблюдательностью взирать на чувственный мир, и затем отдаваться своим чувствам. Не рассудочным умозрением своим должен он пытаться проникнуть в значение вещей, но должен предоставить самим вещам высказать себе это значение. (Должно заметить, что *художественная* чуткость, в соединении с тихой, погруженной в себя натурой, является наилучшим предварительным условием для развития оккультных способностей. Это ощущение проникает сквозь поверхностную видимость вещей и достигает благодаря этому их тайн).

В дальнейшем важно то, что тайноведение называет *ориентировкой* в высших мирах. Этого достигают, проникаясь всецело сознанием, что чувства и мысли суть столь же *действительные факты*, как столы и стулья в физически-чувственном мире. В мире душевном и в мире мыслей чувства и мысли действуют друг на друга так же, как в физическом мире чувственные вещи. Пока человек не проникнется живо этим сознанием, он не поверит, что питаемая им ошибочная мысль может действовать на другие мысли, оживляющие мысленное пространство, столь же разрушительно, как выпущенная наугад ружейная пуля - на физические предметы, в которые она попадает. Такой человек, может быть, никогда не позволит себе совершить какого-нибудь физически-видимого поступка, который он считает бессмысленным. Но он не побоится питать в себе превратные мысли или чувства. Ибо они кажутся ему безопасными для остального мира. Но в тайноведении можно пойти вперед только тогда, если относится к своим мыслям и чувствам с таким же вниманием, с каким относятся к своим поступкам в физическом мире. Когда человек видит перед собой стену, он не пытается проскочить сквозь нее прямым путем; он обходит ее стороной. Он соображается с законами физического мира. - Такие законы существуют и для мира мыслей и чувств, но только здесь они не могут заставить человека считаться с ними извне. Они должны проистекать из его собственной душевной жизни. Этого достигают, настойчиво запрещая себе питать превратные мысли, всякую пустую игру фантазии, все случайные отливы и приливы чувств следует запретить себе. Через это человек не становится беднее чувством. Напротив, он скоро находит, что только упорядочив таким образом свой внутренний мир, он приобретает настоящее богатство чувств и истинную творческую фантазию. Вместо мелочной чувствительности и праздной игры мыслей, появляются значительные чувства и плодотворные мысли. И эти чувства и мысли приводят человека к способности *ориентироваться* в духовном мире. Он становится в правильное отношение к вещам духовного мира. Тогда у него наступает совсем определенное действие. Подобно тому, как физический человек находит свой путь между физическими вещами, так теперь его тропа проводит его между *ростом и отмиранием*, которые он научился познавать на описанном выше пути. Он следует тогда за всем растущим и развивающимся, а с другой стороны - и за всем увядающим и отмирающим, как это требуется для собственного его преуспеяния и для развития мира.

Дальнейшая забота ученика должна быть посвящена миру *звуков*. Здесь надо различать между звуками, которые производятся так называемыми *безжизненными* вещами (падением тела, колоколом или музыкальным инструментом), и теми, которые происходят от *живого* (от животного или от человека). Слыша колокол, человек может воспринять звук и связать с ним приятное чувство; слыша же крик животного, он кроме этого чувства ощутит в

звуке еще и откровение внутреннего переживания животного, его удовольствия или страдания. С этого рода звуков духовный ученик и должен начать свое упражнение. Он должен все свое внимание направить на то, что звук возвещает ему что-то, находящееся вне его собственной души. И он должен погрузиться в это чужое. Он должен тесно связать свое чувство с этим страданием или удовольствием, возвещаемым ему через звук. Он должен отрешиться от того, чем является *для него* этот звук, приятен ли он ему или неприятен, привлекает ли к себе или отталкивает; его душу должно наполнять только то, что происходит в самом существе, от которого исходит звук. Кто планомерно и намеренно будет делать эти упражнения, тот приобретет через это способность, так сказать сливаться с существом, от которого исходит звук. Человеку, одаренному музыкальной чуткостью, такое воспитание своей душевной жизни будет легче, чем немusicalному. Но все же не следует думать, что музыкальное чувство может заменить подобное воспитание. Духовному ученику надо учиться ощущать таким образом, отзываясь на *всю природу*. - И благодаря этому в мир чувства и мысли погружается зачаток новой способности. Вся природа звучанием своим начинает нашептывать человеку тайны. Что раньше было для его души невразумительным шумом, то через это становится исполненным смысла *языком природы*. И в чем он раньше при звучании так называемых безжизненных вещей, слышал только звук, в том он воспринимает теперь новый язык души. Подвигаясь вперед в этом воспитании своих чувств, он вскоре замечает, что он может *слышать* то, о чем раньше не подозревал. Он начинает слышать *душою*.

Чтобы ученик мог достичь той вершины, которая вообще достижима в этой области, к этому должно присоединиться затем еще другое. - Особенно важно для развития духовного ученика то, как он *внимает* разговору других людей. Он должен приучиться делать это так, чтобы его собственный внутренний мир при этом совершенно *безмолвствовал*. Когда кто-нибудь высказывает мнение, а другой выслушивает его, то в душе последнего пробуждается обыкновенно согласие и противоречие. Многие, конечно, тотчас почувствуют побуждение высказать это свое согласие или противоречие. Но духовный ученик должен заставить замолчать всякое такое согласие или противоречие. Дело идет здесь вовсе не о том, чтобы он сразу изменил свой образ жизни и пытался непрерывно достигать этого внутреннего, основного безмолвия. Он должен только положить начало, поступая так в отдельных случаях, которые он выбирает умышленно. Тогда совсем медленно и постепенно, как бы сам собой, этот новый род слушания прокрадется в его привычки. - При духовном исследовании планомерно упражняются в этом. Ученики чувствуют себя обязанными, ради упражнения, выслушивать в разное время самые противоположные мысли и приводить при этом совершенно к безмолвию всякое свое согласие или, особенно, всякое отрицательное суждение. При этом важно, чтобы безмолвствовали не только все рассудочные суждения, но также и все *чувства* неудовольствия и отрицания, а также и согласия. Особенно тщательно должен ученик всегда наблюдать за собой, не присутствует ли в нем эти чувства, если и не на поверхности, то хотя бы в самой внутренней глубине его души. Ему следует, например, выслушивать мнения людей, стоящих в каком-либо отношении значительно ниже его, и подавлять при этом *всякое* чувство своей большей осведомленности и своего превосходства. - В этом смысле полезно для каждого прислушиваться к детям. Самый мудрый может безмерно научиться от детей. - Таким образом человек достигает того, что начинает *отрешенно* выслушивать слова других, с полным устранением своей собственной личности, ее мнений и образа чувств.

Упражняясь таким образом в выслушивании без всякой критики даже и тогда, когда произносятся мнения, совершенно противоречащие его убеждению, или когда ему подносятся "самые превратные" суждения, он мало-помалу научается совершенно сливаться с существом другого, всецело растворяться в нем. Он вслушивается тогда сквозь слова в самую душу другого. Благодаря продолжительному такого рода упражнению звук делается, наконец, настоящим средством для восприятия души и духа. Конечно, для этого необходимо наистрожайшее самовоспитание. Но оно ведет к высокой цели. Если эти упражнения производить в связи с другими, указанными выше и относящимися к звучанию в природе, тогда в душе человека вырастает новое чувство слуха. Она становится способной воспринимать вести из духовного мира, которые не выражаются во внешних звуках, воспринимаемым физическим ухом. Пробуждается восприятие "внутреннего слова". Духовному ученику постепенно открываются истины из мира духа. Он слышит обращенную к нему духовную речь. (Только к тому, кто путем самоотверженного слушания достигает действительной способности воспринимать изнутри, в тишине, без всякого движения своего личного мнения или личного чувства, могут говорить высшие существа, о которых идет речь в тайноведении. Пока выслушиваемое встречает со стороны ученика какое-либо мнение или какое-либо чувство, существа безмолвного мира безмолвствуют). - Все высшие истины достигаются благодаря этой обращенной к нам "внутренней речи". И все, что можно услышать из уст истинного духовного исследователя, бывает получено им таким путем. Но этим не сказано, что бесполезно заниматься тайноведческими сочинениями до тех пор, пока человек сам не может внимать таким образом "внутренней речи". Напротив, чтение этих сочинений и внимание учениям исследователей духа являются сами по себе средством достигнуть собственного познания. Каждая мысль, высказанная в тайноведении, способна направить услышавшего ее туда, куда ему необходимо прийти, если душа хочет поистине сделать шаг вперед в своем развитии. Ко всему сказанному следует, напротив, присоединить изучение того, что сообщают миру духовные исследователи. При всяком духовном ученичестве подобное изучение входит в состав подготовительной ступени. И если кто-нибудь захотел применить все остальные средства, не усвоив сначала учений исследователей духа, он не пришел бы к цели. Ибо эти учения почерпнуты их живого "внутреннего слова" из "живой, внутренне переданной речи", поэтому они сами обладают духовной жизнью. Они не просто слова. Они не просто слова. Они живые силы. И в то время, как ты читаешь книгу, возникшую из действительного внутреннего опыта, в твоей душе действуют *силы*, делающие тебя *ясновидящим*, подобно тому, как силы природы из живого вещества образовали твои глаза и уши.

Просветление.

Источником просветления служат очень простые переживания. И здесь также дело идет о том, чтобы развить известные мысли и чувства, дремлющие в каждом человеке и которые должны пробудиться. Только того, кто с полным терпением, строго и настойчиво упражняется в этих простых переживаниях, они могут привести к восприятию явлений внутреннего света. Начало можно положить, рассматривая определенным образом различные предметы и существа природы, например, прозрачный, хорошо сформированный камень (кристалл), растение или животное. Сначала надо постараться следующим образом направить все свое

внимание на сравнение камня с животным. Приводимые здесь мысли должны проходить через душу, сопровождаемые живым чувством. И никакая другая мысль, никакое другое чувство не должно примешиваться и нарушать напряженное, внимательное размышление. Надо сказать себе: "У камня есть образ; у животного также есть образ. Камень лежит *покойно* на своем месте. Животное перемещает свое место. Влечение (желание) побуждает животное перемещать свое место. Этим влечением служит и самый образ животного. Его органы, его орудия выработаны сообразно этим влечениям. Образ же камня сложен не сообразно желаниям, а свободной от желания силой." (Приводимый здесь пример - поскольку он касается наблюдения над кристаллом - многообразно искажался теми, которые слышали о нем только внешне (экзотерически); отсюда возникли приемы, вроде "глядения в кристалл", и т.д. Подобные приемы основаны на недоразумениях. Они неоднократно описывались в книгах. Но они никогда не составляют предмета истинного (изотерического) духовного обучения). Если интенсивно погрузиться в эти мысли и с напряженным вниманием рассматривать камень и животное, тогда в душе оживают два совсем различного рода чувства. От камня проливается в нашу душу одного рода чувства, от животного - другого. Вначале это вероятно не удастся; но при действительно терпеливом упражнении эти чувства мало-помалу наступают. Нужно только все снова и снова продолжать упражняться. Сперва чувства остаются лишь до тех пор, пока продолжается упражнение. Впоследствии их действие продолжается и после. И тогда они становятся чем-то, что остается живым в душе. Тогда человеку стоит только сосредоточиться, и оба чувства возникают всегда, даже и без взгляда на внешний предмет. - Из этих чувств и из связанных с ними мыслей образуются *органы ясновидения*. - Если к этому размышлению присоединить еще и растение, то можно заметить, что исходящее от него чувство, по своему качеству, а также и по степени, находится посередине между теми, которые проистекают от камня и от животного. Образующиеся таким образом органы суть *духовные очи*. Постепенно человек научается видеть ими душевные и духовные цвета. Пока он усвоил себе только то, что было описано, как "подготовление", духовный мир с его линиями и фигурами остается темным; благодаря "просветлению" он озаряется. - Опять-таки надо заметить, что слова "темный" и "светлый", как и другие приведенные выражения, выражают лишь приблизительно то, что здесь имеется в виду. Но при пользовании обычным языком это и не может быть иначе. Ибо этот язык создан только для физических условий. - И так, тайноведение определяет то, что проливается для органа ясновидения от камня, как "голубое" или "голубовато-красное". А то, что ощущается от животного, как "красное" или "красновато-желтое". На самом деле, видимые при этом цвета бывают "духовного рода". Цвет, исходящий от растения, "зеленый", мало - помалу переходящий в светлый эфирный розовато-красный. Растение занимает такое место среди природных существ, что оно и в высших мирах сохраняет в известном отношении, сходство с характером, присущим ему в физическом мире. По отношению же к животному, это не так. - Надо, однако, помнить, что вышеупомянутые цвета составляют только главные оттенки царства камней, растений и животных. В действительности существуют всевозможные промежуточные оттенки. Каждый камень, каждое растение, каждое животное имеет свой вполне определенный цветовой оттенок. К этому присоединяются еще существа высшего мира, которые никогда не воплощаются физически, с их нередко изумительными, но часто и отталкивающими цветами. На самом деле, богатство цветов в этих высших мирах неизмеримо больше, чем в физическом

мире.

Если человек уже приобрел способность видеть "духовным оком", то рано или поздно он встретит также и этих высших - отчасти же и стоящих гораздо ниже человека - существ, которые никогда не вступают на физическую действительность.

Когда человек достиг описанных здесь результатов, то перед ним открыты пути ко многому. Однако никому нельзя посоветовать идти еще дальше, без тщательного соблюдения всего сказанного духовным исследователем, или вообще сообщенного им. Но уже иприменительно к сказанному лучше всего было бы воспользоваться таким опытным водительством. Впрочем, если человек обладает достаточной силой и выдержкой, чтобы достигнуть результатов, отвечающих описанным элементарным ступеням просветления, то он наверно будет искать и найдет настоящее водительство.

Но есть одна предосторожность, которая необходима при всех обстоятельствах, и кто не захочет применить ее, тому лучше оставить все попытки проникнуть в тайноведение. Необходимо, чтобы человек, становясь духовным учеником, не потерпел никакого ущерба в своих качествах, делающих его благородным и добрым человеком, восприимчивым ко всему физически-действительному. Более того, во время своего духовного ученичества он должен постоянно возвышать свою моральную силу, свою внутреннюю чистоту, свой дар наблюдения. Упомянем, например, одну черту: во время элементарных упражнений, принадлежащих к просветлению, духовный ученик должен постоянно заботиться о том, чтобы усилить свое сочувствие к миру людей и животных, свою чуткость к красоте природы. Если он не будет об этом заботиться, то благодаря подобным упражнениям это чувство и это ощущение будут постоянно притупляться в нем. И тогда сердце может очерстветь и чувство притупиться, а это может повести к опасным результатам.

Как складывается просветление, когда ученик от прежних упражнений на камне, растением и животным восходит к человеку, и каким образом после просветления рано или поздно устанавливается соединение души с духовным миром и приводит к посвящению: об этом, насколько возможно, будет сказано в следующей главе.

В наше время многие ищут пути к тайноведению. Это делается различным образом; и при этом нередко прибегают к опасным и даже предосудительным способам. Поэтому те, которые считают себя обладателями какого-нибудь правдивого знания об этих вещах, должны дать другим возможность познакомиться с некоторыми чертами тайноведческого обучения. И здесь сообщено лишь столько, как это отвечает такой возможности. Кое-что из истинного необходимо должно стать известным для того, чтобы ложное не причинило большого вреда. Идя указанным здесь путем, никто не причинит себе вреда, если не будет ничего форсировать. Одно только надо помнить: никто не должен тратить на подобные упражнения времени и сил больше, чем ему позволяют его жизненное положение и его обязанности. Вступая на путь тайноведения, никто не должен ничего изменять сразу во внешних условиях своей жизни. Если он хочет достигнуть действительных результатов, он должен иметь терпение; нужно уметь после нескольких минут упражнения прекращать их и переходить к своей дневной работе. Кто не научился *ждать*, в высшем и

лучшем смысле слова, тот не годится в духовные ученики и никогда не достигнет сколько-нибудь значительных результатов.

Контроль мыслей и чувств.

Когда кто-нибудь ищет путей к тайноведению в том роде, как это было описано в предыдущей главе, он не должен упускать случая подкреплять себя во время всей своей работы одной непрерывной мыслью. Он должен всегда иметь в виду, что через некоторое время может оказаться, что он сделал уже весьма значительные успехи, которые, однако явятся ему совсем не так, как он, быть может ожидал. Не приняв этого во внимание, легко можно потерять настойчивость и выдержку в работе и скоро прекратить все попытки. Силы и способности, подлежащие развитию, носят вначале очень нежный и тонкий характер. И сущность их совсем другого рода, чем все то, о чем человек прежде составлял себе представление. Ведь он привык заниматься только физическим миром. Духовный и душевный ускользали от его взоров, а также и от его понятий. Поэтому ничуть не удивительно, что теперь, когда в нем развиваются духовные и душевные силы, он не сразу замечает их. - В этом кроется возможность заблуждения для того, кто вступает на оккультный путь, не опираясь на опыты, собранные сведущими исследователями. Духовный исследователь знает об успехах, совершаемых учеником, задолго до того, как последний сам сможет осознать их. Он знает, как у него слагаются нежные духовные очи, прежде чем ученик начнет догадываться о них. И значительная часть указаний духовного исследователя состоит именно в том, чтобы вызвать в ученике те силы, которые помогут ему сохранить доверие, терпение и выдержку, до тех пор, пока он сам не придет к сознанию своих успехов. Ибо духовный наставник ничего не может *дать* своему ученику такого, что - скрытым образом - не было бы уже заложено в нем. Он может только руководить им в деле развития дремлющих способностей. Но сообщаемое им из своего опыта бывает опорой тому, кто из тьмы хочет пробиться к свету.

Очень многие покидают путь к тайноведению вскоре после того, как они на него вступили, потому что их успехи не становятся для них тотчас же заметными. И даже, когда впервые появляются для ученика заметные высшие переживания, он часто смотрит на них как на иллюзии, так как он составил себе совсем другие представления о том, что ему предстоит пережить. Он падает духом, потому ли, что считает свои первые опыты не имеющими никакой цены, или потому, что они кажутся ему слишком ничтожными, и он не верит, что бы они могли привести его в какой-либо обозримый срок к чему-нибудь значительному. Но *мужество* и *доверие* к себе, эти два светоча, никогда не должны угасать на пути к тайноведению. Кто не в состоянии превозмочь себя и терпеливо продолжать упражнение, которое повидимому бесчисленное число раз ему не удавалось, тот не уйдет далеко.

Гораздо раньше, чем отчетливо обнаружится успех, у человека возникает смутное чувство, что он находится на верном пути. И это чувство надо развивать и укреплять. Ибо оно может сделаться верным водителем. Прежде всего нужно вырвать с корнем мнение, будто высшие познания достигаются благодаря каким-то совсем таинственным приемам. Следует уяснить себе, что исходить приходится из чувств и мыслей, в которых человек живет постоянно, и что он должен только дать этим мыслям и чувствам другое направление, вместо

привычного. Пусть каждый скажет себе сначала: в мире моих собственных мыслей и чувств скрыты высочайшие тайны; я только до сих пор не воспринимал их. Все основано в конце концов на том, что человек постоянно носит с собой тело, душу и дух, *сознает* же он, собственно говоря, только свое тело, а не душу и дух. Духовный же ученик, приходит к сознанию своей души и духа, подобно тому, как обыкновенный человек сознает свое тело.

Поэтому дело идет о том, чтобы дать верное направление чувствам и мыслям. Тогда развивается восприятие для незримого в обыкновенной жизни. Здесь будет указан один из путей, как надо это делать. И это опять-таки будет чем-то очень простым, как почти все, что до сих пор сообщалось. Но оно может иметь величайшие последствия, если настойчиво проводить это и если человек способен отдаваться ему с необходимым интимным настроением.

Надо положить перед собою семя какого-либо растения. Важно, чтобы человек напряженно вызвал в себе перед этой незначительной вещью надлежащие мысли и, благодаря этим мыслям, развил в себе определенные чувства. Прежде всего он должен уяснить себе, *что* именно он действительно видит глазами. Пусть он опишет про себя форму, цвет и все прочие свойства этого семени. Затем пусть он отдастся следующему размышлению. Из этого семени, если посадить его в землю, возникнет сложное растение. Пусть он представит себе это растение. Пусть воссоздаст его себе в фантазии. И затем подумает так: то, что я представляю себе теперь в моей фантазии, это будет впоследствии действительно вызвано наружу из семени силами земли и света. Если бы предо мной была искусственная вещь, до иллюзии похожая на семя, так что мои глаза не могли бы отличить ее от настоящего семени, то никакие силы земли и света не могли бы извлечь из нее растения. Кто совершенно уяснит себе эту мысль и внутренне переживет ее, тот сможет с *правильным чувством* образовать и следующую мысль. Он скажет себе: в семени покоится уже скрытым образом - как *сила* целого растения - то, что позднее вырастет из него. В искусственном подражании этой силы нет. И все же *для моих глаз* они оба одинаковы. И так, в настоящем семени содержится нечто *невидимое*, чего нет в подражании. На это невидимое и надо направить чувство и мысли. (Если бы кто-нибудь на это возразил, что при более точном микроскопическом исследовании всегда можно отличить подражание от настоящего семени, то он только показал бы этим, что не понял, в чем здесь дело. Важно вовсе не то, *что* мы на самом деле имеем перед собой чувственным образом, а то, чтобы развить на этом упражнении свои душевно-духовные силы). Надо представить себе: это невидимое превратится впоследствии в видимое растение, которое я буду иметь перед собой в образе и красках. Нужно проследить эту мысль: *невидимое сделается видимым*. Если бы я не мог *мыслить*, то я не мог бы уже теперь получить весть о том, что станет видимым только впоследствии.

Особенно отчетливо надо подчеркнуть: то, что человек мыслит при этом, он должен также и интенсивно *прочувствовать*. Нужно в тишине, и не примешивая других, отвлекающих мыслей, пережить в себе одну только эту, вышеуказанную мысль. И нужно дать себе время, чтобы мысль и связанное с ней чувство успели как бы внедриться в душу. - Если делать это надлежащим образом, тогда через некоторое время - возможно, что только после многих попыток - ощутят в себе силу. И эта сила создаст новое созерцание. Семя предстанет как бы заключенным в маленькое световое облако. Его можно будет ощутить чувственно-духовным

образом, как особого рода пламя. По отношению к середине этого пламени ощущение будет такое, какое бывает при впечатлении *лилового* цвета, а по отношению к краям - какое бывает при *голубоватом* цвете. - Здесь появляется то, чего мы прежде не видели, и что создано силой мысли и чувства, которую мы в себе возбудили. То, что чувственно было невидимо, то растение, которое лишь впоследствии станет видимым, открывается здесь духовно-видимым образом.

Понятно, что иной человек сочтет все это за иллюзию. Многие скажут: "Что мне до подобных видений, до подобных фантастических призраков? И иные отпадут и не будут продолжать путь. Но как раз в эти-то трудные моменты человеческого развития и бывает особенно важно уметь не смешивать между собой фантазию и духовную действительность. А затем надо иметь мужество настойчиво идти вперед и не впадать в боязливость и малодушие. Но с другой стороны нужно, конечно, помнить о необходимости постоянно развивать в себе здоровое чувство, могущее различать истину от обмана. Во время этих упражнений человек никогда не должен терять вполне *сознательного* господства над собой. Так же уверенно, как он мыслит о вещах и процессах обыденной жизни, должен он мыслить и здесь. Было бы плохо, если бы он впал в мечтательность. В каждое мгновение должен он сохранять полную ясность, чтобы не сказать - трезвость рассудка. И было бы величайшей ошибкой, если бы благодаря этим упражнениям человек утратил свое равновесие, если бы он перестал судить о вещах обыденной жизни так же здраво и ясно, как он делал это прежде. Поэтому духовный ученик должен непрестанно испытывать себя, не утратил ли он своего равновесия, остался ли он *самим собою* в условиях своей обычной жизни. Твердое спокойствие в самом себе, ясное сознание по отношению ко всему - вот, что ему надлежит сохранить. Конечно, надо строго смотреть, чтобы не предаваться произвольным фантазиям и не увлекаться всевозможными упражнениями. Указанные здесь линии мыслей с древнейших времен были испытаны и применялись в тайноведческих школах. Только *такие* и сообщаются здесь. Кто захотел бы применить другие, которые он составил себе сам, или о которых он где-либо слышал или читал, тому придется блуждать наугад, и он вскоре окажется в области безбрежной фантастики.

Дальнейшее упражнение, примыкающее к описанному, состоит в следующем. Надо поставить себя перед каким-нибудь растением, находящимся в полном росте. Затем надо проникнуться мыслью, что придет время, когда это растение увянет. Ничего не останется от того, что я сейчас перед собой вижу. Но тогда это растение разовьется из себя семена, которые опять сделаются новым растениями. Я снова убеждаюсь, что в видимом мною покоится нечто скрытое, чего я не вижу. Я всецело наполняю себя мыслью: этого образа растения с его красками в будущем уже не станет. Но представление об образуемых им семенах учит меня, что оно не обратиться в ничто. Того, что сохраняет его от уничтожения, я сейчас не могу видеть глазами, как и прежде в семени не мог видеть растения. Следовательно, *в нем есть нечто, чего я не вижу глазами*. Если я дам в себе жить этой мысли, и если во мне присоединится к ней соответствующее *чувство*, тогда через некоторое время в моей душе опять разовьется сила, которая обратится в *новое созерцание*. Из растения опять вырастет род пламенного образования. Оно, конечно, будет соответственно большего размера, чем описанное раньше. В передней части это пламя можно ощутить приблизительно зеленовато-голубым, а по наружному краю - желтовато-красным.

Необходимо очень подчеркнуть, что обозначаемое здесь, как "цвета", человек

видит не так, как он видит цвета физическими глазами, но он *духовным* восприятием ощущает нечто подобное тому, что ощущают, когда имеют физическое ощущение цвета. Духовно воспринимать "голубое" это значит: ощущать или чувствовать нечто подобное тому, что ощущают, когда взор физического глаза покоится на "голубом" цвете. Кто хочет действительно постепенно подняться к духовным восприятиям, тот должен принять это во внимание. Иначе он будет в духовном ожидать только повторения физического. Это привело бы его к самому жестокому заблуждению.

Кто способен духовно видеть это, тот достиг уже многого. Ибо вещи раскрываются не только в своем настоящем *бытии*, но также и в самом возникновении и прехождении. Он начинает везде видеть дух, о котором чувственные глаза ничего не могут знать. Тем самым он сделал первые шаги к тому, чтобы постепенно, через собственное созерцание, проникнуть в тайну *рождения и смерти*. Для внешних чувств существо возникает при рождении и уничтожается при смерти. Но это происходит лишь потому, что скрытый дух существа не воспринимается чувствами. Для духа рождение и смерть суть лишь превращения, совершающиеся на наших чувственных глазах. Но если хотят познать это через собственное созерцание, тогда надо сначала указанным образом пробудить в себе духовное чувство.

Чтобы сразу же устранить еще одно возражение, которое могут сделать люди, обладающие некоторым душевным (психическим) опытом, необходимо сказать следующее. Нельзя отрицать, что существуют бесспорно и другие, более простые и краткие пути, и что многие на основании собственных созерцаний знакомятся с явлениями рождения и смерти, не проделав предварительно всего здесь описанного. Конечно, бывают люди с большими физическими задатками, которые нуждаются лишь в легком толчке для своего развития. Но это исключения. Указанный же здесь путь является достоверным и пригодным для всех. Ведь и химические знания можно приобрести иногда каким-нибудь исключительным путем; но если человек хочет стать химиком, то он вынужден идти общим и достоверным путем.

Тяжелой по своим последствиям ошибкой было бы считать, что можно легче достигнуть цели, просто мысленно представив себе и удерживая перед собой в воображении упомянутое семя или растение. Правда, при этом тоже можно прийти к цели, но не так достоверно, как идя указанным путем. Созерцание, к которому тогда приходят, в большинстве случаев бывает лишь призраком и продуктом воображения, при котором пришлось бы еще выждать, пока оно превратится в духовное созерцание. Ибо все дело в том, чтобы не я по своему произволу создавал себе созерцания, но чтобы действительность творила их *во мне*. Из глубин моей собственной души должна проистекать истина; но мое обыкновенное я не может само быть тем волшебником, который хочет выманить истину; этим волшебником должны быть существа, духовную истину которых я стремлюсь узреть.

Найдя в себе путем подобных упражнений, первые зачатки духовных созерцаний, ученик может подняться к рассмотрению самого человека. Сначала надо выбрать для этого какие-нибудь явления человеческой жизни. - Но прежде, чем приступить к этому, необходимо особенно серьезно поработать над полным очищением своего нравственного характера. Нужно удалить всякую мысль о том,

что достигнутое таким способом познание может быть обращено на личную пользу. Нужно решить для себя *никогда* не употреблять во зло ту власть над своими ближними, которая при этом достигается. Поэтому каждый, ищущий путем собственного созерцания познать тайны человеческой природы, должен следовать *золотому* правилу истинного тайноведения. Это золотое правило гласит: если ты хочешь сделать *один* шаг вперед в познании тайных истин, делай одновременно *три* шага в усовершенствовании твоего характера на пути к добру. - Кто следует этому правилу, тому можно приступить к упражнениям, одно из которых будет здесь сейчас описано.

Надо представить себе человека, которого нам случилось наблюдать в моменты, когда он чего-нибудь *желал*. Внимание должно быть направлено на *вожделение*. Лучше всего вызвать в памяти такой момент, когда вожделение было наиболее сильно, в то же время еще оставалось нерешенным, получит ли человек желаемое или нет. И вот надо совершенно отдалиться представлению этого воскрешаемого в памяти наблюдения. Необходимо установить в душе возможно больший внутренний покой. Надо постараться стать как можно больше слепым и глухим ко всему остальному, происходящему вокруг. И особенно надо обратить внимание на то, чтобы это возникающее представление пробудило в душе *чувство*. Надо дать этому чувству взойти внутри себя, подобно облаку, поднимающимся над совершенно чистым до того горизонтом. Вполне естественно, что это наблюдение будет обычно прерываться вследствие того, что недостаточно долго удавалось в описанном душевном состоянии этого человека, на которого обращено внимание. Вероятно, придется сотни раз повторять попытки. Но не надо терять терпение. После многих попыток удастся достигнуть того, чтобы в собственной душе пережить чувство, соответствующее состоянию души наблюдаемого человека. И тогда через некоторое время опять можно будет заметить, как благодаря этому чувству в собственной душе вырастает сила, которая становится *духовным созерцанием* душевного состояния другого человека. В поле зрения встанет образ, ощущаемый как что-то светящееся. И этот духовно светящийся образ есть так называемое астральное воплощение наблюдаемого душевного состояния вожделения. И про этот образ опять можно сказать, что он ощущается похожим на пламя. В середине он ощущается как бы желто-красным, а с края - красновато-голубым или лиловым. - Очень важно как можно бережнее обойтись с этим духовным созерцанием. Лучше всего никому не говорить о нем, кроме своего учителя, если таковой имеется. Потому что, пытаясь описать это явление неумелыми словами, в большинстве случаев впадают в грубые ошибки. Ибо пользуются обыкновенными словами, которые не предназначены для подобных вещей и поэтому слишком грубы и тяжеловесны для них. Последствием этой самостоятельной попытки облечь виденное в слова будет соблазн примешать к подлинным созерцаниям всевозможные обманчивые порождения фантазии. Отсюда опять-таки следует важное для духовного ученика правило. Умей *молчать* о своих духовных видениях. Более того, молчи о них даже перед самим собой. Не пробуй виденное тобою в духе облекать в слова или доискиваться до смысла неумелым рассудком. Отдавайся непредвзято своему духовному созерцанию и не портить его для себя всякими размышлениями о нем. Ибо ты должен помнить, что твое размышление сначала бывает совершенно не на высоте для суждения о твоем созерцании. Способность размышления ты приобрел в своей прежней жизни, ограниченной одним только физически-чувственным миром, а то, что ты приобретаешь теперь, выходит за пределы этого мира. Поэтому не пытайся к новому и высшему прилагать мерку старого. Только тот, у

которого уже есть некоторая уверенность в наблюдении внутренних опытов, может говорить о них для того, чтобы этой речью давать побуждение своим ближним.

К описанному упражнению должно присоединиться еще одно, дополнительное. Надо таким же образом наблюдать человека, когда на его долю выпадает удовлетворение какого-нибудь желания или исполнение желания. Пользуясь при этом теми же правилами и предосторожностями, которые были указаны для предыдущего случая, можно так же и этим путем прийти к духовному созерцанию. И тогда замечают как бы некоторое образование из духовного пламени, которое в середине чувствуется как бы желтым, а по краям ощущается как бы зеленоватым.

Благодаря такому наблюдению над своими ближними человек легко может впасть в моральную ошибку. Он может стать бессердечным. Необходимо всеми средствами, какие только можно себе представить, стремиться, чтобы этого не случилось. Желая производить подобные наблюдения, должен непременно уже сам стоять на такой высоте, на которой для него становится совершенной очевидностью, что мысли суть действительные вещи. Тогда он уже не может позволять иметь о своих ближних какие-нибудь *мысли*, несовместимые с величайшим уважением к человеческому достоинству и к человеческой свободе. Ни на одно мгновение не смеем мы в себе мыслить, что человек может быть для нас только объектом наблюдения. Наряду с каждым духовным наблюдением над человеческой природой должно идти самовоспитание, направленное на то, чтобы безгранично ценить всю полноту личного достоинства каждого человека и рассматривать то, что живет в нем, как нечто святое и неприкосновенное для нас - неприкосновенное даже в мыслях и чувствах. Чувство священного трепета перед всем человеческим даже и тогда, когда оно мыслится только в воспоминании, должно наполнять нас.

Здесь имелось в виду показать пока только на этих двух примерах, каким образом можно пробиться к просветлению в понимании человеческой природы. Но на них можно было показать по крайней мере тот путь, на который следует вступить. Если человек найдет в себе необходимую для этого наблюдения внутреннюю тишину и покой, тогда душа его претерпит благодаря этому уже большое превращение. Вскоре он дойдет до того, что внутреннее обогащение, переживаемое его существом, даст ему уверенность и покой также и во внешнем его поведении. И эта перемена во внешнем поведении повлияет затем и обратно на его душу. Так будет он продолжать помогать себе и дальше. Он найдет средства и пути открывать все новые стороны человеческой природы, скрытые для внешних чувств; и тогда он созреет для того, чтобы бросить взгляд и на таинственные взаимоотношения между природой человека и всем остальным, что существует во вселенной. - И на этом пути он может сделать первые шаги *посвящения*. Но прежде чем их можно будет сделать, необходимо *еще* одно. Это есть нечто такое, необходимость чего будет, может быть, первоначально очень мало понятной для духовного ученика. Но впоследствии он это поймет.

То, что должен принести с собой посвящаемый, это есть в некотором отношении развитое *мужество и бесстрашие*. Духовный ученик обязан прямо-таки искать случая развить в себе эти добродетели. В тайноведческой школе пришлось бы совершенно систематически развивать их. Но и сама жизнь является в этом

направлении также хорошей духовной школой, а может быть и самой лучшей. Духовный ученик должен уметь спокойно смотреть в лицо опасности и быть готовым без робости преодолевать затруднения. Перед лицом опасности он должен, например, он должен воспрянуть к такому ощущению: мой страх ни в каком смысле не принесет мне пользы; у меня не должно быть его совсем; я должен думать только о том, что мне надо сделать. И он должен добиться, чтобы в тех случаях, в которых он прежде бывал боязливым, отныне всякое "чувство страха" и "упадок духа" - по крайней мере в самом подлинном внутреннем ощущении - стали для него невозможны. Самовоспитанием в этом направлении человек развивает в себе вполне определенные силы, необходимые ему, если он хочет быть посвящен в высшие тайны. Как физическому человеку нужна нервная сила, чтобы пользоваться своими физическими чувствами, так и душевный человек нуждается в той силе, которая развивается только в мужественных, бесстрашных натурах. - Ибо, проникая к высшим тайнам, человек видит вещи, остающиеся скрытыми для обыкновенного человека, благодаря иллюзии внешних чувств. Не позволяя нам созерцать высшей истины, физические чувства тем самым являются благодетелями человека. Благодаря им от него скрыты вещи, которые, без подготовки, повергли бы его в безмерное смущение и зрелища которых он не мог бы перенести. Духовный ученик должен сначала дорасти до этого зрелища. Он лишается во внешнем мире некоторых опор, которыми он был обязан тому обстоятельству, что был погружен в иллюзию. Это происходит действительно и в буквальном смысле слова так, как если бы человеку указали на опасность, в которой он уже давно находится, но только ничего о ней не знал. Прежде у него не было никакого страха, теперь же, когда он об этом узнал, его охватывает страх, хотя опасность, благодаря его знанию, не стала больше.

Силы мира действуют и разрушительно и созидательно: удел внешних существ - возникновение и прехождение. В деятельности этих сил, в ход этой судьбы должен проникать взор ведающего. Покров, простертый в обычной жизни перед духовными очами, должен быть удален. Но сам человек тесно переплетен с этими силами и с этой судьбой. В его собственной природе есть разрушительная и созидательная силы. И как перед взором ясновидящего раскрываются все остальные вещи, в такой же мере без покрыва предстает самой себе и его душа. Духовный ученик не должен терять сил перед лицом такого самопознания; а он только тогда не ощутит недостатка в них, если принесет с собой избыток сил. Для этого он должен научиться в трудных обстоятельствах жизни сохранять внутреннее спокойствие и уверенность; он должен воспитать в себе крепкое доверие в добрые силы бытия. Ему надо быть готовым к тому, что многие из побуждений, до сих пор руководивших им, не будут им больше руководить. Ибо он принужден будет осознать, что многое он до сих пор делал и думал только потому, что был погружен в неведение. Мотивы такого рода, какие были у него до сих пор, теперь для него отпадут. Иное он делал из тщеславия; теперь он увидит, как невыразимо ничтожно тщеславие для ведающего. Иное он делал из алчности; теперь он узнает, как разрушительна всякая алчность. Ему придется развить совсем новые побуждения к действию и мышлению. А для этого и необходимы как раз мужество и бесстрашие.

В особенности важно воспитать это мужество и бесстрашие в самой внутренней глубине мыслительной жизни. Духовный ученик должен научиться не падать духом при неудаче. Он должен быть всегда готов к мысли: "Я забуду, что эта вещь опять не удалась мне и сделаю новую попытку, как если бы ничего не

случилось". Так пробивается он к убеждению, что источники сил в мире, из которых он может черпать неиссякаемы. Он все снова и снова будет устремляться к духовному, которое поднимет и понесет его, как бы часто его земная природа ни оказывалась бессильной и слабой. Он должен быть готовым жить навстречу будущему и не позволять никакому опыту прошлого смущать себя в этом стремлении. - Овладев до некоторой степени описанными свойствами, человек достигает зрелости, чтобы узнать *истинные имена* вещей, которые служат ключом к высшему ведению. Ибо в том и состоит *посвящение*, что человек научается называть вещи мира теми именами, которые они имеют в духе своих божественных творцов. В этих именах заключаются тайны вещей. Поэтому посвященные говорят иным языком, чем непосвященные; ибо они называют наименования вещей, посредством вещей, посредством которых те были созданы. - В следующей главе будет сказано, насколько возможно о самом посвящении (инициации).

Посвящение.

Посвящение - высшая из ступеней пути духовного ученичества, относительно которой в этой книге еще могут быть даны общепонятные *указания*. Сообщения обо всем, что лежит за этой ступенью, уже с трудом понятны. Но и к ним найдет путь *каждый*, кто благодаря подготовке, просветлению и посвящению уже проник до тайн более низкого порядка.

Знания и способности, получаемые человеком путем посвящения, он мог бы приобрести и без него - хотя и в очень отдаленном будущем, после многих воплощений, - идя совсем другим путем и в совсем другой форме. Получающий ныне посвящение узнает нечто такое, что иначе он узнал бы позже и при совсем других обстоятельствах.

Человек может действительно узнавать о тайнах бытия лишь соответственно своей зрелости. Только в этом и коренятся препятствия к достижению высших ступеней ведения и могущества. Человеку не следует употреблять огнестрельного оружия, пока он не приобретет достаточного опыта, чтобы не причинить вреда его употреблением. - Если бы кто-нибудь сразу получил посвящение, он лишился бы того опыта, который ему предстоит приобрести в течение будущих воплощений, прежде чем в нормальном ходе развития ему смогут открыться соответствующие тайны. Вследствие этого в преддверии посвящения эти опыты должны быть заменены чем-либо другим. Первые наставления ищущему посвящения и состоят поэтому в замене его будущих опытов. Это - так называемые "испытания", которые надлежит пройти и которые наступают как правомерные последствия душевной жизни, если правильно продолжать упражнения, подобные описанным в предыдущих главах.

Об этих испытаниях нередко говорится и в книгах. Но, естественно, что при таком обсуждении в общем должны возникать совершенно ошибочные представления об их природе. Ибо кто сам не прошел через подготовку и просветление, тот никогда не может ничего узнать относительно этих испытаний. Он не может и описать их со знанием дела.

Посвящаемому должны открываться некоторые вещи и факты, принадлежащие к

высшим мирам. Но он может их видеть и слышать только в том случае, если он способен ощущать духовные восприятия как образы, краски, звуки и т.д., о которых упоминалось при описании "подготовления" и "просветления".

Первое "испытание" состоит в том, что ученик достигает более истинного *созерцания* телесных свойств безжизненных тел, а затем - растений, животных и человека, чем каким обладает средний человек. Но под этим понимается не то, что называют ныне научным познанием. Ибо здесь дело идет не о науке, а о *созерцании*. - Обычно это происходит так, что посвящаемый научается познавать, каким образом природные вещи и живые существа возвещают о себе духовному слуху и зрению. В известном смысле они предстоят тогда созерцателю без покрова - обнаженными. Для чувственного глаза и чувственного уха остаются скрытыми те свойства, которые он тогда слышит и видит. Для чувственного созерцания они как бы одеты покровом. Для посвящаемого этот покров спадает; и это основывается на процессе, который называется "процессом духовного сгорания". Отсюда и это первое испытание носит наименование "*испытание огнем*". Для некоторых людей уже сама обыкновенная жизнь является более или менее бессознательным процессом посвящения через испытание огнем. Это те, которые проходят через богатый опыт, вызывающий в них *здоровый рост* доверия к самим себе, мужества и стойкости, так что они научаются с душевным величием и, особенно со спокойствием и непреодолимой силой переносить страдания, разочарования и неудачи в своих предприятиях. Кто прошел через такого рода опыт, тот нередко сам того отчетливо не сознавая, бывает уже посвященным; и тогда недостает лишь немногого, чтобы открыть ему его духовные уши и очи, так чтобы он стал ясновидящим. Ибо надо твердо запомнить, что при истинном "испытании огнем" дело идет вовсе не о том, чтобы удовлетворить любопытство посвящаемого. Правда, он узнает необычайные факты, о которых другие люди не имеют никакого понятия. Однако это познание является не целью, а лишь *средством* к достижению цели. Цель же состоит в том, чтобы через познание высших миров посвящаемый приобрел большее и более истинное доверие к себе, более высокое мужество и совсем иное душевное величие и выдержку, чем какие достигаются обыкновенно в нижнем мире.

После "испытания огнем" каждый посвящаемый может еще вернуться назад. Он может тогда продолжать свою жизнь, укрепленной физически и душевно, и лишь в следующем воплощении сделать дальнейшие шаги на пути посвящения. А в настоящей своей жизни он делается более полезным членом человеческого общества, чем он был прежде. В каком бы положении он ни находился, его твердость и осмотрительность, его благотворное влияние на ближних и его решительность окажутся возросшими.

Если же выдержав испытание огнем, посвящаемый захочет продолжать путь духовного ученичества, то теперь ему открывается определенная система письмен, употребляемая при духовном обучении. Посредством этих письмен и раскрываются подлинные тайноведческие учения. Ибо действительное "сокровенное" (оккультное) в вещах не может быть ни непосредственно высказано словами обыкновенного языка, ни начертано системами письмен. Получившие знания от посвященных *переводят* тайноведческие учения на обыкновенный язык, насколько это бывает возможно. Оккультные письмены раскрываются в душе, когда она достигла способности духовного восприятия. Ибо эти письмены всегда бывают начертаны в духовном мире. Им нельзя

научиться, подобно тому, как учатся читать искусственные письма. Человек сам закономерно вырастает навстречу ясновидческому познанию и во время этого роста развивается как особая душевная способность та сила, которая чувствует побуждение прочитывать, как начертанные письма, обступающие ее события и существа духовного мира. Бывает так, что эта сила, а вместе с ней и переживания соответственного "испытания" по мере развития души пробуждаются как бы сами собой. Однако вернее достигают цели, следуя указаниям сведущих духовных исследователей, имеющих опыт в чтении оккультных писем.

Языки тайного письма не вымышлены произвольно, но соответствуют силам, действующим в мире. Посредством этих знаков научаются языку вещей. Посвященному вскоре открывается, что узнаваемые им знаки соответствуют образам, цветам, звукам и т.д., которые он научился воспринимать во время приготовления и просветления. Ему открывается, что все предшествующее было как бы изучением азбуки. Только теперь начинает он читать в высшем мире. Все, что прежде было только отдельным образом, звуком, цветом, является ему теперь в великой взаимной связи. Только теперь получает он настоящую уверенность в наблюдении высших миров. Прежде он никогда не мог знать вполне определенно, верно ли он видел то, что видел. И только теперь становится возможным правильное взаимное понимание между кандидатом в посвященные и посвященным в области высшего ведения. Ибо как бы ни сложилась совместная жизнь посвященного с другим человеком в обыкновенной жизни, посвященный может *непосредственным образом* передать что-либо из высшего знания только на упомянутом языке знаков.

Посредством того же языка духовный ученик знакомится и с некоторыми правилами поведения в жизни. Он узнает некоторые обязанности, о которых прежде ничего не знал. И узнав эти правила поведения, он может совершать вещи, имеющие такое значение, какого никогда не могут иметь поступки непосвященного. Он действует из высших миров. Наставления к подобным действиям могут быть поняты только на указанном языке писем.

Однако нужно отметить, что бывают люди, могущие выполнить подобные действия *бессознательно*, несмотря на то, что они не прошли через духовное ученичество. Такие "помощники мира и человечества" проходят через жизнь, принося благословения и благодеяния. По причинам, которых здесь незначительно касаться подробнее, им были сообщены дары, которые кажутся сверхъестественными. Они отличаются от духовного ученика единственно тем, что последний действует с *сознанием*, с полным разумением общей связи явлений. Благодаря пройденной им школе, он достигает того же, что было даровано первым высшими силами на благо мира. Благодатно одаренные заслуживают искреннего почитания; но отсюда не следует, что надо считать излишними труды ученичества.

Когда духовный ученик изучил знаки упомянутого письма, для него начинается дальнейшее "испытание". Цель его - выяснить, способен ли он свободно и уверенно двигаться в высшем мире. В обыкновенной жизни человек пробуждается к своим действиям внешними мотивами. Он делает то или иное, потому что обстоятельства возлагают на него те или иные обязанности. - Излишне упоминать, что духовный ученик не вправе пренебрегать ни одной из своих обязанностей в обычной жизни *из-за того*, что он живет в высших мирах.

Никакая обязанность в высшем мире не может заставить человека пренебречь какой бы то ни было из его обязанностей в обыкновенном мире. Отец семейства остается таким же хорошим отцом семейства, мать такой же хорошей матерью, чиновник не отвлекается от своей службы, так же как и солдат или всякое другое лицо, когда они становятся духовными учениками. Напротив, все свойства, делающие человека дельным работником в жизни у духовного ученика возрастают в такой мере, о которой непосвященный не может составить себе никакого понятия. И если непосвященному порою - не всегда и даже редко - может показаться, что это не так, то это происходит только от того, что он не всегда бывает в состоянии правильно судить о посвященном. Поступки последнего часто бывают не сразу понятыми для другого. Но и это, как сказано, замечается только в особых случаях.

Для достигшего названной ступени посвящения существуют теперь обязанности, для которых не бывает никакого *внешнего* повода. Его побуждают к ним не внешние отношения, а только те правила, которые открываются ему на "сокровенном" языке. И второе испытание должно показать, что руководствуясь подобным правилом, он действует так же уверенно и твердо, как, например, чиновник, когда он исполняет свои служебные обязанности. - Для этой цели духовным обучением ставится посвящаемому определенная задача. Он должен совершить какое-нибудь действие, опираясь на восприятия, получаемые им на основании знаний, приобретенных на ступени приготовления и просветления. И это действие, которое ему надо выполнить, он должен узнать посредством упомянутого, усвоенного им себе письма. Если он узнает свою обязанность и поступит правильно, тогда он выдержал испытание. Удачный исход узнается по перемене, которая происходит благодаря этому действию в ощущаемых как образы, краски и звуки восприятиях духовного слуха и зрения. В наставлениях духовных учителей бывает совершенно точно указано, как должны выглядеть эти органы и т.д., после совершения поступка. И посвящаемый должен знать, как он может вызвать эту перемену. Это испытание называется "испытанием водой" при деятельности в этих высших областях человек не получает опоры во внешних обстоятельствах, подобно тому, как у пловца не бывает опоры при движении в воде, дна которой он не достает. - Этот процесс должен быть повторяем до тех пор, пока испытуемый не приобретет полной уверенности.

При этом испытании дело опять идет о приобретении одного определенного качества; благодаря опытам в высшем мире, человек в короткое время развивает в себе это качество в такой высокой степени, что при обыкновенном ходе развития ему понадобилось бы для этого пройти через много воплощений. Суть дела заключается в следующем. Для того, чтобы произвести указанную перемену в высшей области бытия, посвящаемый может опираться только на то, что открывается ему на основании его высшего восприятия и в результате чтения сокровенного письма. Если бы при совершении своего поступка, он примешал бы к нему что-либо, притекающее из своих желаний, мнений и т.д., если бы он только на одно мгновение последовал не законам, которые он признал за верные, а собственному произволу, - тогда произошло бы нечто совсем другое, чем то, что должно произойти. В этом случае испытуемый тотчас потерял бы направление, ведущее к цели его поступка, и наступило бы замешательство. - Поэтому человек имеет благодаря этому испытанию богатую возможность выработать в себе *самообладание*. А оно именно и нужно. - Отсюда это испытание опять-таки легче может быть выдержано тем, кто перед посвящением прошел через жизнь,

доставившую ему возможность приобрести самообладание. Кто приобрел способность следовать высоким правилам и идеалам, подчиняя им личные прихоти и произвол, кто способен неизменно исполнять свой долг даже и там, где любые склонности и симпатии готовы отклонить его от исполнения долга, тот уже среди обыкновенной жизни *бессознательно* бывает посвященным. И ему будет недоставать лишь немногого, чтобы выдержать описанное испытание. Можно даже сказать, что известная, достигнутая уже в жизни степень посвящения вообще бывает необходима, чтобы выдержать в этом испытании. Ибо как людям, не научившимся правильно писать в юности, часто бывает трудно нагнать это потом, когда они уже достигли зрелого возраста, так же трудно было бы развить необходимое *самообладание* перед раскрывшимися для взора высшими мирами, если человек не усвоил его себе до известной степени еще прежде, в обыденной жизни. Вещи физического мира не меняются в зависимости от наших желаний, хотений или склонностей. Но в высших мирах наши желания, хотения или склонности *действуют* на вещи. Желая оттуда соответственным образом действовать на них мы должны всецело владеть самими собою, руководствуясь только верными правилами и не подчиняясь никакому произволу.

На этой ступени посвящения особенно важно для человека обладать одним качеством: безусловно здоровой и *уверенной способностью суждения*. На развитие ее должно быть обращено внимание уже на всех более ранних ступенях; на этой же ступени должно выясниться, владеет ли испытываемый ею настолько, чтобы быть пригодным для истинного пути познания. Он может идти дальше только в том случае, если он умеет различать иллюзии, пустые образы фантазии, суеверия и всяческие призраки от истинной действительности. А на высших ступенях бытия это бывает сначала труднее, чем на низших. Здесь должны исчезнуть все предрассудки, все излюбленные мнения относительно вещей, с которыми имеешь дело и одна только *истина* должна служить путеводной нитью. Необходимо, чтобы всегда была полная готовность тотчас же покинуть любую мысль, взгляд или наклонность, если этого потребует логическое мышление. В высших мирах достоверность может быть достигнута только в том случае, если человек никогда не щадит собственного мнения.

Люди с образом мышления, склонным к фантастике и суеверию, не могут сделать успехов на оккультном пути. Ибо оккультному ученику предстоит добиться драгоценного блага. Для него исчезнут все *сомнения* в высших мирах. Они раскроются перед его взорами в своих законах. Но он не может добиться этого блага пока позволяет призракам и иллюзиям вводить себя в обман. Плохо было бы для него, если бы вместе с рассудком проникли в духовный мир и его фантазии и предрассудки. Мечтатели и фантазеры так же непригодны для оккультного пути как и суеверные люди. Необходимо самым настойчивым образом подчеркнуть все это. Ибо в мечтательности, фантастике и суеверии таятся злейшие враги на пути к познаниям в высших мирах. Но не надо думать, что духовным учеником утрачивается также и поэзия жизни и способность к воодушевлению только потому, что над вратами, ведущими ко второму посвятившему испытанию начертаны слова: "От тебя должны отпасть все предрассудки" и что над дверью к первому испытанию уже довелось прочесть: "Без здравого человеческого рассудка все твои шаги напрасны".

Если испытываемый достаточно подвинут в этом смысле, тогда его ждет третье "испытание". Но здесь ему не ставится никакой цели. Все предоставлено ему

самому. Он находится в положении, когда никто не побуждает его к действию. Он должен совершенно один, из самого себя найти свой путь. Нет ни вещей, ни людей, которые бы его к чему-либо побуждали. Ничто и никто, кроме его самого не может ему дать теперь той силы, в которой он нуждается. Если бы он не нашел в себе самом этой силы, он очень скоро очутился бы опять на том же месте, где он стоял перед тем. Нужно однако заметить, что лишь немногие из выдержавших первые испытания не найдут здесь в себе этой силы. Обычно отстают уже раньше или выдерживают и это. Все, что для этого надо, заключается в умении быстро справляться с самим собой. Ибо здесь надлежит найти свое "высшее Я", в истинном смысле слова. Здесь нет уже времени для каких-либо размышлений, сомнений и т.д.. Каждая минута колебания доказала бы только, что человек еще недостаточно зрел. Надо смело победить все, что мешает внимать духу. Необходимо проявить в этом положении *присутствие духа*. Это и есть то качество, совершенное развитие которого является необходимым условием на этой ступени развития. Все признаки к действию или даже к мышлению, к которым человек привык прежде, здесь прекращаются. Чтобы не остаться в бездействии, человек должен *не терять самого себя*. Ибо только в самом себе он может найти единственную точку опоры, за которую он может держаться. Читая здесь об этом и не будучи более близко знакомым с этими вещами, не следует ощущать антипатии к этой предоставленности самому себе. Ибо если человек выдержит описанное испытание, то это бывает для него величайшим блаженством.

Относительно этого момента обыкновенная жизнь является для многих не меньше, чем и в других случаях, оккультной школой. Подобным ученичеством является жизнь для тех, кто уже достиг способности без колебаний и без долгих размышлений быстро принимать решение, когда жизнь внезапно ставит перед ним какую-нибудь задачу. Наиболее подходящими в этом смысле жизненными положениями являются те, когда удачное выполнение какого-нибудь действия тотчас же становится невозможным, если человек не совершит его немедленно. Кто готов к немедленному действию в виду грозящего несчастья, между тем как несколько мгновений колебания дали бы уже разразиться несчастьем и кто превратил эту быструю решимость в свое постоянное качество, тот бессознательно созрел для третьего "испытания". Ибо здесь дело идет о развитии безусловного *присутствия духа*. - В оккультных школах это испытание носит название "испытания воздухом", ибо при нем испытываемый не может опираться ни на твердую почву внешних поводов, ни на приобретенное им во время приготовления и просветления знакомство с тем, что открывается из красок, форм и т.д., но опирается исключительно на самого себя.

Выдержав это испытание, духовный ученик может тогда вступить в "храм высших познаний". - Все, что может быть сказано об этом далее, ограничивается лишь самыми скудными намеками. - О том, что теперь надлежит совершить выражается нередко таким образом: духовный ученик должен принести "клятву" ничего не предавать из сокровенных учений. Но выражения "клятва" и "предать" совершенно не отвечают сути дела и могут даже первоначально ввести в заблуждение. Дело идет вовсе не о "клятве" в обыкновенном смысле слова. Скорее можно сказать, что на этой ступени развития ученик приобретает некоторый *опыт*. Он узнает как надо применять сокровенное знание, как употреблять его на службу человечеству. Он впервые начинает настоящим образом понимать мир. Дело вовсе не в "умолчании" о высших истинах, а скорее

в правильном способе применять их, в надлежащем такте. То, о чем научаются "молчать" это нечто совсем иное. Ученик должен усвоить себе это прекрасное качество относительно многого, о чем он прежде говорил, особенно же относительно того, *как* он говорил. Плох был бы тот посвященный, который не поставил бы на служение миру познанных им тайн в той форме и мере, в какой это возможно. В этой области не существует другого препятствия для сообщения познаний, кроме непонимания со стороны воспринимающих. Высшие тайны, конечно не пригодны для праздных разговорах о них. Но никому, кто достиг описанной ступени развития, не "запрещается" сказать что-либо о них. Никакой другой человек и никакое существо не налагают на него подобной "клятвы". Все предоставлено на его собственную ответственность. Он научается в каждом положении совершенно самостоятельно находить, что ему надо сделать. Слово "клятва" означает здесь только то, что человек созрел для несения этой ответственности.

Если испытуемый созрел для описанной ступени, тогда он получает то, что символически называют "напитком забвения". А именно, он посвящается в тайну, как можно действовать, не позволяя низшей памяти служить постоянной помехой. Это необходимо для посвященного. Ибо он должен быть в состоянии разрушать покровы воспоминаний, расстилающиеся вокруг человека в каждое мгновение жизни. Если о чем-нибудь, встречающемся сегодня, я сужу на основании того, что испытал вчера, то подвергаюсь всевозможным ошибкам. Конечно, это вовсе не означает, что надо отказаться от своего добытого в жизни опыта. Необходимо всегда, насколько это возможно иметь его перед собой. Но в качестве посвященного человек должен обладать способностью обсуждать каждое новое переживание всецело из самого себя. Каждое мгновение я должен быть готов к тому, что всякая вещь или всякое существо может доставить мне совсем новое откровение. Если я сужу о новом на основании старого, то подвергаюсь заблуждению. Воспоминание о старых опытах наиболее полезно для меня именно тем, что оно дает мне способность *видеть* новое. Не имея определенного опыта я, может быть, *не увидел бы* того или иного качества, встречающейся мне вещи или существа. Но именно для *видения* нового, а не для суждения о новом на основании старого должен служить опыт. В этом отношении посвященный достигает совершенно определенных способностей. Благодаря этому ему открывается многое, остающееся скрытым для непосвященного.

Второй "напиток", предлагаемый посвященному, это - "напиток памяти". Благодаря ему он достигает способности постоянно иметь перед собой в духе высшие тайны. Обыкновенной памяти для этого было бы недостаточно. Нужно слиться воедино с высшими истинами. Нужно не только узнать их, но столь же просто и естественно владеть ими в своей живой деятельности, как обыкновенный человек ест и пьет. Они должны сделаться постоянным упражнением, привычкой, склонностью. Надо сделать так, чтобы о них не было нужды размышлять в обыкновенном смысле слова; они должны проявляться в самом человеке, протекать в нем, как жизненные функции его организма. Таким образом, он все более делает себя в духовном смысле тем, чем в физическом смысле сделала его природа.

Практические указания.

Прорабатывая себя относительно чувств, мыслей и настроений таким образом, как это было описано в главах о подготовке, просветлении, посвящении, человек вызывает тем самым в своей душе и в своем духе такое же расчленение на органы, какое природа произвела в его физическом теле. До этой проработки душа и дух представляют собой нерасчлененные массы. Ясновидящий воспринимает их в виде взаимно проникающих, спиральных, вихреобразных туманностей, которые ощущаются окрашенными в тускло мерцающие, преимущественно красноватые и красновато-коричневые или красновато-желтые цвета; после проработки они начинают духовно сиять желтовато-зелеными, зеленовато-синими цветами и обнаруживают правильное строение. Этой правильности и связанных с ней высших познаний человек достигает тем, что приводит свои чувства, мысли и настроения в такой порядок, в какой природа привела его телесные функции, так что он может видеть, слышать, дышать, переваривать пищу, говорить и т.д.. - Постепенно, духовный ученик научается дышать, видеть и т.д. - душой; слышать, говорить и т.д. - духом.

Теперь надо привести несколько более подробных *практических* указаний относительно высшего воспитания души и духа. Это будут указания, которым, в сущности следовать всякий, независимо от других правил и благодаря которым но может сделать несколько шагов в области тайноведения.

Нужно в особенности стремиться выработать в себе *терпение*. Всякое нетерпеливое движение действует парализующим и даже убийственным образом на дремлющие в человеке высшие способности. Нельзя требовать, чтобы в тот же день открылись безграничные прозрения в высшие миры. Ибо тогда-то они, как общее правило, наверно и не настанут. Довольство даже самым незначительным достигнутым успехом, спокойствие и невозмутимость все более должны овладевать душой. - Вполне понятно, что ученик нетерпеливо ожидает результатов. Но тем не менее он ничего не достигнет, пока не победит своего нетерпения. И совершенно бесполезно, если он будет только в обыкновенном смысле слова подавлять нетерпение. От этого оно станет лишь сильнее. Он будет лишь обманываться относительно него, тем прочнее наляжет в глубинах души. Можно достигнуть чего-нибудь только тогда, если постоянно все снова и снова отдаваться одной вполне определенной мысли, если сделать ее окончательно своей. Эта мысль такова: "Я должен все сделать для развития моей души и духа; но я буду совершенно спокойно *ждать* , пока высшие силы найдут меня достойным определенного просветления". Если эта мысль делается в человеке настолько могущественной, что она станет чертой его характера, тогда он на правильном пути. Тогда эта черта характера отразится у него и во внешнем. Выражение его глаз станет спокойным, движения уверенными, решения определенными и все, что называют нервностью, постепенно отойдет от него. Маленькие, незначительные с виду правила могут иметь при этом большое значение. Например, кто-нибудь наносит нам оскорбление. Прежде, до нашего оккультного воспитания, мы обращали наше чувство против оскорбителя. Внутри нас поднималось раздражение. Но в духовном ученике в этом случае тотчас же возникает мысль: "Это оскорбление ничего не меняет в моем достоинстве"; и тогда он спокойно и невозмутимо, а не из раздражения, предпринимает то, что надлежит сделать против оскорбления. Конечно, дело вовсе не в том, чтобы, например, просто сносить всякое оскорбление, а в том, чтобы отвечать на оскорбление своей собственной личности столь же спокойно и уверенно, как если бы оно было нанесено другому, которого мы имеем право защищать от

оскорблений. - Всегда нужно помнить, что духовное ученичество протекает не в грубых внешних процессах, но в тонких и тихих превращениях жизни чувств и мыслей.

Терпение действует притягательно на сокровища высшего знания, а нетерпение действует на них отталкивающим образом. Торопливостью и беспокойством ничего нельзя достигнуть в высших областях бытия. Прежде всего должны умолкнуть *желание* и *вожделение*. Это свойства души, перед которыми пугливо отступает всякое высшее знание. Как бы ни было ценно все высшее познание, но чтобы оно могло прийти к нам, нельзя его желать. Кто хочет иметь его ради самого себя, никогда его не достигнет. - Для этого требуется прежде всего быть *правдивым* перед самим собой в самой глубине души. Нужно ни в чем не обманываться относительно себя. Надо с внутренней правдивостью смотреть в лицо своим собственным ошибкам, слабостям и недостаткам. - В то мгновение, когда ты извиняешь перед собой какую-нибудь свою слабость, ты кладешь себе камень на пути, ведущим тебя ввысь. Эти камни ты сможешь устранить только посредством ясного познания себя. Существует *единственный* путь оставить свои слабости и недостатки, - это правильно познать их. В душе человека дремлет все и все может быть пробуждено. Свой рассудок и разум человек может также исправить, если он спокойно и невозмутимо уяснит себе, почему он слаб в этом отношении. Конечно, такое самопознание трудно, ибо соблазн самообмана непомерно велик. Кто приучит себя к правдивости перед самим собой, тот откроет себе врата высшего прозрения.

У духовного ученика должно исчезнуть всякое любопытство. Он должен как можно больше отучиться от вопросов о вещах, которые он хочет знать только для удовлетворения своей личной любознательности. Он должен спрашивать только о том, что может послужить ему к усовершенствованию его существа на служении развитию. Но при всем том радость знания и преданность ему отнюдь не должны ослабевать в нем. Он должен благоговейно прислушиваться ко всему, что служит для этой цели и искать всякого повода для такого благоговения.

В особенности необходимо для духовного развития воспитание жизни *желаний*. Совсем не нужно становиться лишенным всяких желаний. Ибо всего, чего нам надо достигнуть, мы должны также и желать. И желание всегда осуществляется, если за ним стоит одна совсем особая сила. Эта сила происходит из правильного *познания*. "Никак не желать, пока ты в данной области не приобрел истинного знания", - одно из золотых правил для духовного ученика. Мудрец учится сначала познанию законов мира и тогда его желания становятся силами, которые осуществляются. - Приведем здесь пример, поясняющий это. Многие, наверное, пожелают посредством собственного созерцания узнать что-либо до своей жизни до рождения. Это желание вполне бесцельно и бесплодно, пока желающий путем духовного обучения, не приобретет *познания* законов - и при том в их самых тонких и нежных чертах - о сущности вечного. Когда же он действительно усвоит себе это познание и *затем* захочет пойти дальше, то его очищенное и облагороженное желание послужит ему на помощь.

Бесполезно также говорить: да, я хочу обозреть мою предыдущую жизнь и для этой именно цели буду учиться. Необходимо наоборот, быть в состоянии совершенно отбросить это желание, с корнем вырвать его из себя и учиться сначала без этого намерения. Надо развить в себе радость и преданность

познаваемому без указанного намерения. Ибо только таким путем человек научается в то же время желать таким образом, чтобы желание могло повлечь за собой свое исполнение.

* * *

Когда я бываю в *гневе* или раздражаюсь, я воздвигаю в мире души вокруг себя стену, и ко мне не имеют доступа силы, работающие над развитием моих душевных очей. Если, например, человек раздражает меня, то он посылает в мир душ душевный поток. Я до тех пор не могу видеть этого потока, пока я еще способен раздражаться. Мое раздражение застилает его от меня. Но не следует думать, что у меня тотчас же душевное (астральное) зрение, как только я перестану раздражаться. Ибо для этого необходимо сначала, чтобы у меня развилось духовное око. Задаток этого ока есть в каждом человеке. И пробуждается оно также не сразу, как только человек немного поборет свою раздражительность. Нужно, напротив, продолжать эту борьбу и терпеливо все снова и снова возвращаться к ней; и тогда человек однажды заметит, что у него развилось это душевное око. Конечно, раздражение является не единственным, что нужно побороть с этой целью. Многие впадают в нетерпение или начинают сомневаться, после того, как они долгие годы боролись с некоторыми своими душевными свойствами, и все же у них не наступило ясновидения. Но это значит тогда, что они работали в себе над одними свойствами, а другим давали разрастаться с тем большей силой. Дар ясновидения наступает только тогда, когда побеждены все свойства, не позволяющие проявиться соответственным дремлющим способностям. Правда, зачатки видения (или слышания) появляются и раньше: но это нежные ростки, которые легко подвержены всевозможным ошибкам и столь же легко отмирают, если человек не продолжает тщательно охранять и беречь их.

К числу свойств, которые необходимо преодолеть наравне с гневом и раздражительностью принадлежат, например, также: робость, суеверие и склонность к предрассудкам (предсуждениям), тщеславие и честолюбие, любопытство и излишняя откровенность, различное отношение к людям в зависимости от их внешнего положения, пола или племени и т.д.. В наше время довольно трудно понять, что преодоление подобных свойств может иметь какое-либо отношение к повышению познавательной способности. Но каждый тайновед знает, что от подобных вещей зависит гораздо больше, чем от развития ума или от выполнения искусственных упражнений. Но здесь особенно легко может возникнуть недоразумение если иные подумают, что необходимо сделаться безрассудно смелым, потому что надо быть бесстрашным; или, что следует совсем не замечать никаких различий между людьми, потому что надо преодолевать предрассудки сословия, расы и т.д.. Напротив, человек только тогда научается правильно познавать эти различия, когда он больше не смущен предрассудками. Даже в обыкновенном смысле можно сказать, что страх перед каким-нибудь явлением мешает мне ясно судить о нем или, что расовый предрассудок мешает мне заглянуть в душу человека. Этот обыкновенный смысл духовный ученик должен развить в себе до большой точности и остроты.

Камнем на пути духовного воспитания человека ложится также все то, что он говорит, не подвергнув сначала очистительному действию мысли. При этом надо принять во внимание еще одну сторону дела, которую можно объяснить здесь

только на примере. Если например, кто-нибудь мне что-нибудь скажет и у меня будет на это возражение, то мне надо обратить больше внимания на мнение, чувство или даже на предрассудок другого, нежели на то, что в настоящее время я мог бы сам сказать о данной вещи. Этим намечается тонкая выработка такта, которой тщательно должен посвятить себя духовный ученик. Он должен составить себе суждение о том значении, какое это будет иметь для другого, если он его мнению противопоставит свое собственное. Отсюда не следует, что надо воздерживаться от выражения собственного мнения. Об этом не может быть даже и речи. Но надо как можно точнее прислушиваться к другому и уже сообразно услышанному строить свое возражение. В подобном случае у духовного ученика неизменно возникает *одна* мысль; и он стоит на верном пути, если эта мысль живет в нем таким образом, что она стала чертой его характера. Эта мысль такова: "Дело вовсе не в том, что я думаю отлично от другого, а в том, чтобы этот другой сам собою смог найти истину, если я помогу ему". Благодаря этой мысли и подобным ей, характер и образ действия духовного ученика принимает отпечаток *кротости*, которое есть главное средство всякого духовного обучения. *Жестокость* отпугивает от себя те душевные образования, которые должны пробудить твое душевное око; *кротость* от тебя препятствия и раскрывает твои органы.

А вместе с *кротостью* в душе вскоре начинает развиваться и другая черта: спокойное *внимание* ко всем тонкостям душевной жизни в окружающем мире Или полной безмолвности собственных движений души. И если человек достиг этого, душевные движения вокруг него действуют на него так, что его собственная душа растет и по мере роста слагается в органы подобно растению, распускающемуся в солнечном свете. Кротость и безмолвность при истинном терпении открывают душу для мира душ, а дух для страны духов. - "*Пребывай в покое и отрешенности, замкни свои чувства для всего, что они приносили тебе до твоего ученичества, приведи к тишине все мысли, привыкшие в тебе к постоянной смене, стань совершенно тихим и безмолвным внутри себя и терпеливо жди: тогда высшие миры начнут развивать твои душевные очи и духовные уши. Не следует ожидать, что ты тотчас же начнешь видеть и слышать в мире душ и духов. Ибо то, что ты делаешь имеет целью только помочь развитию твоих высших чувств. Душевно видеть и духовно слышать ты начнешь только тогда, когда у тебя уже будут эти чувства. Проведя таким образом некоторое время в покое и отрешенности, переходи к твоим обычным ежедневным делам, сначала глубоко запечатлев в себе мысль: когда-нибудь со мною произойдет то, что должно произойти, если я буду для этого зрел. И строго запрети себе добиваться чего-либо от высших сил по собственному произволу*". Таковы указания, которые каждый духовный ученик получает от своего учителя в начале пути. Соблюдая их, он совершенствует себя. Если же он не соблюдает их, тогда вся его работа напрасна. Но они трудны только для того, у кого нет терпения и устойчивости. Не существует иных препятствий кроме тех, которые *каждый* человек *сам* ставит себе на пути и которых *каждый* может сам и избежать, если действительно захочет. Это всегда надо помнить, потому что многие составляют себе совсем неверное представление о трудностях оккультного пути. В известном смысле легче переступить первые ступени этого пути, чем без оккультного ученичества справляться с самыми повседневными трудностями жизни. - Кроме того, здесь могли быть даны только те указания, исполнение которых не сопровождается никакой опасностью для телесного и душевного здоровья. Ибо существуют и другие пути, быстрее приводящие к цели; но их нельзя обсуждать

открыто, ибо они могут оказать на человека известные воздействия, при которых иногда бывает необходимо немедленное вмешательство опытного тайноведа и во всяком случае его постоянное наблюдение. - Но так как некоторые сведения об этих путях все же становятся достоянием гласности, то надо настойчиво предупредить не вступать на них без личного руководства. По причинам, понятным лишь для посвященного, *эти* пути в их истинном образе, никогда не могут быть указаны открыто. И появляющиеся то здесь, то там обрывки не могут привести ни к чему полезному, а скорее - разрушению здоровья, счастья и душевного мира. Кто не хочет верить себя совсем темным силам, об истинном существе и происхождении которых он ничего не может знать, тому не следует вдаваться в эти вещи.

Можно еще добавить кое-что об окружающей среде, в которой следует совершать упражнения, входящие в состав духовного обучения, потому что и это имеет некоторое значение. Однако, почти для каждого человека это бывает различно. Кто совершает эти упражнения в среде, наполненной только эгоистическими интересами, например, современной борьбой за существование, тот должен знать, что эти интересы не остаются без влияния на образование его душевных органов. Правда, внутренние законы этих органов настолько могущественны, что это влияние не может оказаться слишком вредным. И как лилия ни при каких благоприятных условиях не может превратиться в репейник, так и душевное око - даже под воздействием эгоистических интересов современных городов - не может развиться во что-нибудь иное, а не в то, к чему оно предназначено. Но во всяком случае хорошо, если духовный ученик будет окружать себя по временам тихим миром и внутренним достоинством и прелестью природы. В особенно благоприятных условиях находится тот, кто может проводить свое духовное ученичество посреди зелени растительного мира, в залитых солнцем горах и среди милой сельской простоты. Это воспитывает внутренние органы в такой гармонии, которая никогда не достижима в нашем современном городе. Несколько лучше, чем у постоянного городского жителя, обстоит дело у того, кто хотя бы в детстве имел возможность дышать ароматом сосен, смотреть на снежные вершины и наблюдать мирную жизнь лесных животных и насекомых. Но и те, кому суждено жить в городе, пусть не забывают питать свои развивающиеся душевные и духовные органы вдохновенными учениями великих учителей человечества. Чей глаз не может каждую весну день за днем следить за распусканьем леса, тот должен вместо того давать своему сердцу возвышенные учения Бхагават Гиты, Евангелия Иоанна, Фомы Кемпийского и изложения духовноведческих исследователей. Много путей ведет к вершине прозрения; но необходим правильный выбор. - Опытный тайноведа многое сумеет сказать об этих путях такого, что может показаться странным для непосвященного. Например, человек может стоять уже очень далеко на духовном пути. Он может находиться, так сказать, непосредственно перед раскрытием душевного зрения и духовного слуха; и вот ему выпадает счастье совершить поездку по спокойному или, может быть по бурно взволнованному морю, и с его душевных очей спадает повязка; он внезапно становится ясновидящим. У иного, который также достиг уже того, что остается только спасть повязке, - это происходит благодаря какому-нибудь тяжелому удару судьбы. На какого-нибудь другого человека этот удар судьбы повлиял бы так, что парализовал бы его силы, подавил бы его энергию, но для духовного ученика он становится поводом к просветлению. - Третий терпеливо ждет; целые годы ждет он таким образом без заметного результата. И вдруг, во время спокойного пребывания в тихой комнате вокруг него загорается

духовный свет, стены исчезают, становится душевно прозрачными и новый мир простирается перед его прозревшим оком или начинает звучать для его раскрывшегося духовного слуха.

Условия ученичества

Условия для вступления в духовное ученичество не таковы, чтобы человек мог их устанавливать по собственному произволу. Они вытекают из сущности тайноведения. Как человек, не желающий взять в руки кисти, не может быть художником, так не может пройти духовного ученичества тот, кто не пожелает исполнять необходимых требований оккультных учителей. В сущности, оккультный учитель ничего не может дать кроме советов. В этом смысле и надо принимать все, что он говорит. Он прошел подготовительные пути к познанию высших миров. Он знает из опыта, *что* необходимо. От *свободной воли* каждого вполне зависит хочет ли он идти тем же путем или нет. Если бы кто-нибудь вздумал потребовать, чтобы учитель сообщил ему духовное обучение и не захотел бы исполнять условий, то это требование было бы похоже на просьбу: научи меня рисовать, но избавь от необходимости притрагиваться к кисти. - И оккультный учитель никогда ничего не может предложить, если он не встречает свободной воли воспринимающего. Но надо подчеркнуть, что недостаточно одного только *общего желания* высших познаний. Такое желание будет, конечно у многих. Кто имеет *только* это желание и не хочет вникнуть в *особенные* условия оккультного ученичества, тот ничего не сможет достигнуть. Об этом должны подумать те, которые жалуются на трудности оккультного ученичества. Кто не желает или не может исполнять строгих условий, тот *должен на время* отказаться от оккультного ученичества. Условия *строги*, но не *жестоки*, ибо их исполнение, конечно, не только может, но даже и должно быть свободным поступком.

Кто не примет этого во внимание, тому требования оккультного ученичества легко могут показаться насилием над душой или совестью. Ибо все обучение основано на работе над *внутренней* жизнью; поэтому оккультному учителю приходится давать советы, касающиеся внутренней жизни. Но когда что-нибудь требуется, как результат свободного решения, то это не может быть понято, как насилие. - Если бы кто-нибудь потребовал от учителя: сообщи мне свои тайны, но оставь меня с моими привычными ощущениями, чувствами и представлениями, то он требовал бы совсем невозможного. Он хотел бы только удовлетворить свое любопытство или любознательность. Но при таком настроении никогда не может быть достигнуто сокровенное знание.

Теперь разясним по порядку условия, которые ставятся духовному ученику. Необходимо подчеркнуть, что ни при одном из этих условий не требуется совершенного выполнения, но исключительно лишь стремление к такому выполнению. Вполне выполнить условий не может никто; но вступить на путь их выполнения может всякий. Дело идет лишь о воле, о готовности вступить на этот путь.

Первое условие таково: ученик должен обратить внимание на то, чтобы способствовать своему телесному и душевному *здоровью*. Степень здоровья человека зависит, конечно, первоначально не от него. Но стремиться помочь себе

в этом отношении может каждый. Только от здорового человека может исходить здоровое познание. Нездоровому человеку не бывает отказа в духовном обучении; но от ученика требуется, чтобы у него была воля к здоровой жизни. - В этой области человек должен достигнуть возможной самостоятельности. Добрые советы других, большей частью непрошенные, которыми наделяют каждого, бывают обычно совершенно излишними. Каждый должен стремиться следить за собой сам. - В физическом отношении дело будет идти скорее об устранении вредных влияний, чем в чем-нибудь другом. При исполнении наших обязанностей нам, конечно, часто приходится брать на себя вещи, неблагоприятные для нашего здоровья. Человек должен уметь в случае необходимости ставить долг выше заботы о собственном здоровье. Но как много вещей, от которых можно отказаться при доброй воле. Во многих случаях долг должен стоять выше здоровья, нередко даже выше жизни, но *наслаждение* у духовного ученика - никогда. Для него наслаждение может быть только *средством* для здоровой жизни. И в этом отношении необходимо быть вполне честным и правдивым перед самим собой. Бесполезно вести аскетическую жизнь, если это вытекает из подобных же побуждений, как и другие наслаждения. Человек может находить в аскетизме такое же удовольствие, какое другой находит в вине. Но пусть он не надеется, что этот аскетизм будет ему как-нибудь полезен для достижения высшего познания. - Многие видят в своем жизненном положении причину, мешающую им продвигаться вперед в этом направлении. Они говорят: "В моих жизненных условиях я не могу развиваться". В другом отношении для многих может оказаться заманчивым изменить условия своей жизни, но в целях оккультного обучения этого никому не нужно. Для этой цели нужно, чтобы человек именно в том положении, в котором он находится, делал все, что только возможно для своего телесного и душевного здоровья. Всякий труд может быть полезным для целого человечества; и гораздо больше величия для человеческой души уяснить себе степень необходимости незначительной и, может быть, даже неприглядной работы для этого целого, нежели думать: "Эта работа для меня слишком ничтожна, я призван к другому". - Особенно важно для оккультного ученика стремление к совершенному духовному здоровью. Нездоровая душевная и умственная жизнь во всяком случае удаляет его от путей к высшим познаниям. Ясное, спокойное мышление, верное ощущение и чувство являются здесь главной основой. Больше всего должен духовный ученик удаляться от склонности к фантазерству, к возбужденности, нервности, экзальтации, фанатизму. Он должен усвоить себе здоровый взгляд не все обстоятельства жизни; должен уметь уверенно разбираться в жизни; должен спокойно давать самим вещам говорить к себе и воздействовать на себя. Он должен стараться везде, где нужно, отдавать должное жизни. Все чрезмерное, одностороннее должно быть устранено из его суждений и ощущений. Если бы это условие не было выполнено, духовный ученик вместо высших миров вступил бы в мир собственной фантазии, вместо истины для него получили бы значение его излюбленные мнения. Для духовного ученика лучше быть "трезвым", нежели экзальтированным и фантазером.

Второе условие - чувствовать *членом* всеобщей жизни. В исполнении этого условия заключено многое. Но каждый может исполнять его только по-своему. Если я - воспитатель и мой ученик не отвечает моим желаниям, то я должен направить мое чувство прежде всего не против него, а против самого себя. Я должен почувствовать себя настолько единым с моим учеником, чтобы спросить себя: "Не является ли недостаток в моем ученике последствием моего собственного поступка". Чем направлять свое чувство против него, я лучше

подумаю, как мне поставить себя так, чтобы в будущем ученик мог лучше отвечать моим требованиям. Благодаря такому настроению постепенно изменяется весь склад мышления человека. Это одинаково относится как к самому малому, так и к самому великому. Исходя из этого настроения я иначе смотрю, например, на преступника, чем прежде. Я удерживаюсь от осуждения и говорю себе: "Я такой же человек, как и он. Может быть, только воспитание, полученное мною в силу внешних обстоятельств, предохранило меня от его участи". Тогда я прииду, пожалуй, к мысли, что этот брат мой был бы другим, если бы учителя отдали ему свой труд, потраченный ими на меня. Я подумаю, что мне досталось нечто, чего он был лишен. И тогда я буду уже не так далек и от представления, что я только член всего человечества и *вместе с ним ответственен* за все происходящее. Этим вовсе не сказано, что подобная мысль должна немедленно перейти во внешние агитационные поступки. Они должны тихо воспитываться в душе. Тогда она совсем постепенно отразится и во внешнем поведении человека. Но в этих вещах каждый может начать преобразование, конечно, с самого себя. Совершенно бесплодно предъявлять в духе этих мыслей общие требования ко всему человечеству. Легко составить себе суждение о том, какими люди *должны* быть; но духовный ученик работает в глубине, а не на поверхности. Поэтому было бы совсем неправильным приводить указанное здесь требование оккультных учителей в связи с каким-либо внешним, хотя бы, например, политическим требованием, с которым духовное обучение не может иметь ничего общего. Политические агитаторы обыкновенно "знают", чего нужно требовать от других людей, но о требованиях к самим себе у них реже бывает речь.

С этим непосредственно связано третье условие, необходимое для духовного ученичества. Ученик должен суметь пробиться к убеждению, что его мысли и чувства имеют для мира такое же значение, как и его действия. Нужно признать, что одинаково губительно если я ненавижу моего ближнего или если я ударю его. Тогда я прииду также к сознанию, что совершенствуя себя, я совершаю нечто не только для себя, но и для мира. Из моих чистых чувств и мыслей мир извлечет совершенно такую же пользу, как и из моего доброго поведения. Пока я не могу поверить в это мировое значение моей внутренней жизни, до тех пор я не гоюсь в духовные ученики. Я только тогда исполняюсь правильной веры в значение моего внутреннего мира, моей души, когда работаю над этим душевным совершенством так же, как если бы оно было по крайней мере столь же действительным, как и все внешнее. Я должен признать, что мое чувство имеет такое же действие, как и дело моих рук.

Тем самым высказано уже собственно и четвертое условие; условие того взгляда, что собственное существо человека заключается не во внешнем, а во внутреннем. Кто смотрит на себя только как на продукт внешнего мира, как на результат физического мира, тот ничего не может достигнуть в деле духовного обучения. Чувство, что ты - душевно-духовное существо, составляет основу этого обучения. Кто достигнет этого чувства, тот способен тогда различать между внутренними обстоятельством и внешним успехом. Он узнает, что одно не может измеряться другим. Духовный ученик должен найти истинную середину между тем, что предписывают внешние условия и тем, что он сам признает правильным для своего поведения. Он не должен насильно навязывать своим окружающим ничего такого, для чего они еще не могут иметь настоящего разумения; но он должен быть совершенно свободным также и от склонности делать только то, что может

встретить признание среди окружающих. Он должен искать признания для своих истин единственно только в голосе своей честно стремящейся к познанию души. Но у своего окружающего он должен как можно больше *учиться*, чтобы разобрать, что именно полезно и пригодно для этого окружающего. Таким образом он разовьет в себе то, что в тайноведении называют "духовными весами". На одной чашке весов лежит "открытое" для нужд внешнего мира "сердце", а на другой - "внутренняя твердость и непоколебимая выдержка".

Это указывает нам на пятое условие: постоянство в преследовании однажды принятого решения. Ничто не может заставить духовного ученика отказаться от принятого решения, кроме разве только прозрения, что он впал в заблуждение. Всякое решение есть сила и даже если эта сила и не приводит к непосредственному результату там, куда она направлена, она все-таки оказывает свое действие. Результат имеет решающее значение там, где побуждающим к действию служит вождение. Но все действия, совершаемые их вождения, не имеют никакой цены для высшего мира. Здесь решает только *любовь* к данному поступку. В этой *любви* должно изживаться все, что побуждает духовного ученика к поступку. И тогда он не устанет все снова переводить свое решение в действие, сколько бы раз его ни постигала неудача. Так приходит он к тому, чтобы не дожидаться внешнего результата своих действий, но довольствоваться самими действиями. Он научается приносить в жертву миру свои поступки и даже все свое существо, безразлично, как бы мир ни принимал его жертвы. Кто желает стать духовным учеником, должен быть готов к этому жертвенному служению.

Шестое условие - развитие чувства благодарности ко всему, что дается человеку. Он должен знать, что собственное его бытие есть дар всей вселенной. Чего только ни требуется, чтобы каждый из нас мог получить и продлить свое бытие! Как многим мы обязаны природе и другим людям! К таким мыслям должны быть склонны те, кто ищут духовного ученичества. Кто не в состоянии отдаться таким мыслям, тот не может развить в себе *всеобъемлющей любви*, необходимой для достижения высших познаний. То, чего я не люблю, не может мне открыться. А каждое откровение должно наполнять меня благодарностью, ибо через него я становлюсь богаче.

Все описанные условия должны соединяться в седьмом: неуклонно смотреть на жизнь в том духе, который требуется этими условиями. Благодаря этому ученик получает возможность придать своей жизни целостностный отпечаток. Отдельные проявления его жизни будут находиться в согласии, а не в противоречии друг с другом. Он будет подготовлен к тому покою, к которому он должен прийти при первых же своих шагах в духовном ученичестве.

Если у кого-нибудь есть серьезное и истинное намерение выполнить эти условия, тогда он может решиться на духовное ученичество. Он найдет себя готовым последовать приведенным советам. Пусть многое в этих советах покажется иному чем-то внешним. Такой человек, пожалуй, скажет, что по его мнению, ученичество должно было бы протекать в менее строгих *формах*. Но все внутреннее должно изживаться во внешнем. И как еще не существует картины, пока она возникла в только голове художника, так и духовного ученичества не может быть без внешнего выражения. Только те пренебрежительно относятся к строгим формам, кто не знает, что во внешнем должно выражать себя все внутреннее. Правда, что важен *дух* вещи, а не форма. Но как форма ничтожна без

духа, так и дух остался бы без дел, если бы он не создал себе формы. Приведенные условия способны сделать духовного ученика достаточно сильным для выполнения и дальнейших требований, которые должно предъявить к нему духовное ученичество. Если ему будет не доставать этих условий, он будет останавливаться в недоумении перед каждым новым требованием. Без них у него не будет необходимого ему доверия к людям, а на доверии и на истинной любви к людям должно быть построено все стремление к истине. Оно должно быть построено на этом, хотя проистекать оно может не из этого, а только из силы собственной души. И любовь должна постепенно расширяться в любовь ко всем существам и даже ко всему бытию. Кто не выполнит названных условий, у того не будет также и совершенной любви ко всему созиданию, ко всякому творчеству, не будет склонности отказаться от всякого разрушения и уничтожения как таковых. Духовный ученик должен стать таким, чтобы ничего не уничтожать ради самого уничтожения не только в действиях, но и в словах, в чувствах и мыслях. Радостью должно быть для него всякое возникновение и становление; и он только тогда бывает вправе что-либо уничтожить, если он в состоянии из уничтожения и через уничтожение способствовать новой жизни. Отсюда не следует, что духовный ученик должен спокойно наблюдать, как пышно разрастается дурное; но он должен даже в дурном искать тех сторон, при помощи которых он может обратить его в добро. Для него становится все яснее, что самой верной борьбой с дурным и несовершенным, является созидание доброго и совершенного. Духовный ученик знает, что из ничего нельзя создать чего-либо, но что несовершенное можно превратить в совершенное. Кто разовьет в себе склонность к созиданию, тот скоро найдет и способность правильно относиться к дурному.

Вступающий в духовное ученичество должен уяснить себе, что с помощью его надлежит строить, а не разрушать. Поэтому он должен принести с собой готовность к честной, самоотверженной работе, а не к критике и разрушению. Он должен быть способен к *благоговению*, ибо ему предстоит учиться тому, чего он еще не знает. Он должен благоговейно взирать к тому, что открывается. Работа и благоговение - вот основные чувства, которые требуются от духовного ученика. Иному придется узнать, что он не подвигается вперед в ученичестве, несмотря на то, что, по его мнению, он неутомимо работает. Это происходит от того, работу и благоговение он понял не в истинном смысле. Работа, предпринимается ради успеха, будет иметь наименьший успех и обучение, которое протекает без благоговения меньше всего подвинет ученика вперед. Только *любовь* к работе, а не к успеху, подвигает вперед. И если учащийся ищет здорового мышления и верного суждения, ему незачем сомнением и недоверием отравлять свое благоговение.

И это вовсе не ведет к рабской зависимости в суждениях, если при восприятии какого-нибудь сообщения человек не спешит противопоставить ему собственное мнение, а встречает его со спокойным благоговением и открытой душой. Те, которые уже достигли чего-нибудь в познании знают, что они обязаны всем не своевольному личному суждению, а спокойному вслушиванию и переработке воспринятого. Необходимо постоянно иметь в виду, что человеку незачем продолжать учиться тому, о чем он уже может судить. Поэтому если человек хочет только *судить*, то он вообще не может больше учиться. Но в духовном ученичестве все дело именно в учении. Здесь необходима полная решимость стать учащимся. Если что-нибудь оказывается непонятным, тогда лучше совсем не

судить, чем судить неверно. Тогда лучше отложить понимание до более позднего момента: чем выше человек поднимается по ступеням познания, тем более необходимо ему это спокойное и благоговейное вслушивание. Всякое познание истины, вся жизнь и деятельность в мире духа становится в высших областях все тоньше и нежнее по сравнению с деятельностью обыкновенного рассудка и с проявлением жизни в физическом мире. Чем шире круги, в которые поднимается человек, тем тоньше предстоящая в них деятельность. - Поэтому-то люди и приходят относительно высших областей к столь различным "взглядам" и "точкам зрения". Тем не менее и о высших истинах существует в действительности также только *одно* мнение. Прийти же к этому *одному* мнению человек может путем работы и благоговения, поднявшись к действительному созерцанию истины. Только тот может прийти к отступающему от истины взгляду, кто без достаточной подготовки судит на основании своих излюбленных представлений, привычных мыслей и т.д.. Как о математическом правиле существует только одно воззрение, так и о вещах высших миров. Но сначала необходимо подготовиться, чтобы мочь прийти к такому "воззрению". Если вдуматься в это, тогда условия, предъявляемые духовным учителем, ни для кого не будут включать ничего неожиданного. Безусловно верно, что истина и высшая жизнь обитают в каждой человеческой душе и, что *каждый* может и должен найти их в себе *сам*. Но они лежат глубоко и могут быть извлечены из своих глубоких недр лишь после устранения препятствий. Как это сделать, об этом дать совет может только человек, имеющий опыт в тайноведении. Такой совет дает духовная наука. Она никому не навязывает истины, она не возвещает никаких догматов; но она указывает путь. Правда каждый - хотя, может быть только после многих воплощений - мог бы и один найти этот путь, все же достигаемое в духовном ученичестве является сокращением пути. Благодаря ему, человек раньше достигает того момента, когда он может стать деятельным участником в мирах, откуда путем духовной работы посылается помощь и содействие на благо и развитие человечества.

Здесь были указаны вещи, которые прежде всего надлежало сообщить о достижении опыта в высшем познании мира. В следующей главе эти сообщения будут продолжены; в ней будет показано, что происходит в высших членах человеческой природы (в организме души или астральном теле и в духе или теле мысли) во время этого развития. Таким образом эти сообщения предстанут в новом освещении и в них можно будет проникнуть в более глубоком смысле.

О некоторых последствиях посвящения.

К числу основных положений тайноведения принадлежит то, чтобы человек, посвящаемый себя ему, делал это с полным сознанием. Он не должен делать никаких упражнений и ничего не предпринимать, о чем он не знает, какие это может иметь последствия. Давая кому-либо совет или указание, духовный учитель всегда упоминает вместе с тем и о последствиях, наступающих при соблюдении его совета в теле, душе или духе того, кто стремиться к высшему познанию.

Отметим теперь некоторые действия на душу ученика. Только тот, кто знаком с

этими вещами, как они здесь сообщаются, может вполне сознательно предпринять упражнения, ведущие к познанию сверхчувственных миров. И только такой человек является истинным духовным учеником. Всякое искание наугад, в темноте, строго запрещено при духовном обучении. Кто не хочет проходить своего ученичества с открытыми глазами, тот делается медиумом; ясновидящим, в духе тайноведения, он сделаться не может.

У того, кто делает в этом упражнения, описанные в предыдущих главах и ведущие к приобретению сверхчувственных познаний, происходят прежде всего известные изменения в так называемом организме души. Этот организм видим только для ясновидящего. Его можно сравнить с более или менее светящимся духовно-душевым облаком, в середине которого находится физическое тело человека (Описание его можно найти в "Теософии" того же автора). В этом организме духовно видимы порывы, вожделения, страсти, представления и т.д.. Чувственное вожделение, например, ощущается в нем, как темно-красные излучения определенной формы. Чистая, благородная мысль выражается в как бы красновато-фиолетовом излучении. Отчетливое понятие логически мыслящего человека чувствуется, как желтоватая фигура с вполне определенными очертаниями. Сбивчивая мысль неотчетливо работающего ума выступает, как фигура с неопределенными очертаниями. Мысли людей с односторонними, застывшими взглядами являются резкими, неподвижными в своих очертаниях, тогда как у людей, легко поддающихся взглядам других, они видимы в подвижных, меняющихся очертаниях и т.д.. (При всех дальнейших описаниях надо иметь в виду, что, например, под "видением" какого-нибудь цвета понимается *духовное видение* (созерцание). Если ясновидческое познание говорит: "я вижу красное", то это означает: "я имею в области душевно-духовного переживание, подобное физическому переживанию при впечатлении красного цвета". Это выражение применяется только потому, что для ясновидческого познания вполне естественно сказать в подобном случае: "я вижу красное". Не приняв этого во внимание, легко можно смешать цветное видение с действительно ясновидческим переживанием.)

Чем дальше подвигается человек в своем душевном развитии, тем правильнее складывается организм его души. У человека с неразвитой душевной жизнью он смутен и нерасчленен. Но и в этом нерасчлененном организме души ясновидящий может различить некое образование, ясно отделяющееся из окружающего. Оно простирается от внутренней части головы до середины физического тела. Оно имеет вид как бы самостоятельного тела, имеющего определенные органы. Органы, о которых здесь прежде всего будет речь, воспринимаются духовно вблизи следующих частей физического тела: первый - между глаз, второй близ гортани, третий в области сердца, четвертый лежит по соседству с так называемой подложечной впадиной, пятый и шестой расположены в области живота. Эти образования у людей духовно опытных, носят наименование "колес" (чакров) или также - "цветов лотоса". Они называются так благодаря своему сходству с колесами и цветами; но нужно все-таки, конечно помнить, что это выражение следует понимать приблизительно в том же смысле, в каком обе доли легкого называют "легочными крыльями". Всякому ясно, что здесь дело идет не о "крыльях"; таким же образом и там нужно помнить, что это название имеет значение только сравнения. У неразвитого человека эти "лотосы" темной окраски, спокойны и неподвижны. Но у ясновидящего они в движении и сияющих цветовых оттенков. Нечто подобное бывает и у медиума, но все же в несколько

другом роде. Здесь незначит касаться этого ближе. - Когда духовный ученик начинает делать свои упражнения, то прежде всего его "цветы лотоса" светлеют; позднее они начинают вращаться. С наступлением вращения начинается способность ясновидения. Ибо эти цветы суть органы чувств души. (Относительно этих восприятий "вращения", а также и самих "цветов лотоса", остается в силе сказанное в предыдущем примечании о "видении красок".) И их вращение является выражением того, что человек воспринимает в сверхчувственных мирах. Никто не может созерцать чего-либо сверхчувственного прежде, чем его астральные органы чувств не будут таким образом развиты.

Духовный орган чувств, находящийся вблизи гортани, дает возможность ясновидчески прозревать в *образе мышления* другого душевного существа; он допускает также более глубокое прозрение в истинные законы явлений природы. - Орган по соседству с сердцем раскрывает ясновидческое познание *образа настроенности* других душ. Развивший его, может познать также и некоторые более глубокие силы у животных и растений. Благодаря органу чувств вблизи так называемой поджелудочной впадины достигают знания *способностей* и *талантов* душ и могут прозревать, какую роль в общем строе природы играют животные, растения, камни, металлы, атмосферные явления и т.д..

Орган вблизи гортани имеет шестнадцать "лепестков" или "спиц", орган вблизи сердца - двенадцать, а лежащий по соседству с подложечной впадиной имеет их десять.

С развитием этих органов чувств связаны известные душевные деятельности; и у кого они протекают вполне определенным образом, тот способствует развитию этих духовных органов чувств. В "шестнадцати-лепестковом лотосе" восемь лепестков были развиты уже в отдаленнейшем прошлом, на более ранней ступени развития человека. *Этому* развитию сам человек нисколько не содействовал. Он получил его как дар природы, находясь еще в состоянии сновидческого, смутного сознания. На тогдашней ступени развития человечества они были уже деятельны. Однако этот род деятельности был связан именно лишь с тем смутным состоянием сознания. Когда в последствии сознание прояснилось, лепестки потемнели и прекратили свою деятельность. Остальные восемь лепестков человек может сам развить путем сознательных упражнений. Благодаря этому весь цветок лотоса становится сияющим и приходит в движение. Но, как уже было сказано, человек может развить сознательно только восемь из них; остальные восемь появляются тогда сами собой.

Развитие происходит следующим образом. Человек должен обратить внимание и заботу на некоторые душевные процессы, совершаемые им обычно беспечно и невнимательно. Существует восемь таких процессов. Первый, это - каким образом человек усваивает себе представления. В этом отношении человек обычно представляет себя совершенно на произвол случайности. Он видит или слышит то или иное и сообразно этому слагает свои понятия. Пока он поступает таким образом, его шестнадцати-лепестковый цветок лотоса остается в совершенном бездействии. И только тогда, когда он берет в свои руки воспитание себя в этом направлении, цветок лотоса постепенно становится деятельным. С этой целью он должен обратить внимание на свои представления. Каждое представление должно получить для него значение. Он должен видеть в нем определенное сообщение, весть о вещах внешнего мира. И он не должен

удовлетворяться представлениями, которые не имеют никакого значения. Всю жизнь своих понятий он должен направить так, чтобы она стала верным зеркалом внешнего мира. Его старание должно быть обращено на то, чтобы удалить из своей души неверные представления. - Второй душевный процесс касается в подобном же направлении решений человека. Даже самые незначительные решения он должен принимать обоснованно, после зрелого размышления. Всякое необдуманное действие, всякий бесцельный поступок должен быть далек от его души. Ко всему он должен иметь строго взвешенные основания. И он должен отказаться от всего, для чего у него нет значительного побуждения. - Третий процесс касается речи. Только то, что имеет смысл и значение, должно исходить из уст духовного ученика. Всякий разговор ради самого разговора отводит его с правильного пути. Духовный ученик должен избегать обычного способа разговора, когда беспорядочно и пестро говорится обо всем. Но при этом он отнюдь не должен выключать себя из общения со своими ближними. Как раз в этом общении его речь должна вырастать до значительности. Он говорит с каждым и отвечает каждому, но он делает это осмысленно, всесторонне обдумав свои слова. Он никогда не говорит необоснованно. - Он старается говорить не слишком сжато, но и не слишком многословно. - Четвертый процесс заключается в упорядочении *внешней* деятельности. Духовный ученик старается направить свои действия так, чтобы они согласовывались с действиями его ближних и с событиями вокруг него. Он отказывается от поступков, мешающих другим или стоящих в противоречии с совершающимся вокруг него. Он старается устроить свою деятельность так, чтобы она гармонически входила в состав окружающей его среды, его жизненного положения и т.д.. Когда что-нибудь постороннее побуждает его к действию, он тщательно смотрит за тем, чтобы как можно лучше согласовать свое действие с этой побудительной причиной. Если же он действует по собственному побуждению, то самым отчетливым образом взвешивает все последствия своего образа действий. - Пятое условие заключается в устроении всей стороны жизни. Духовный ученик старается жить в согласии с природой и духом. Он не проявляет излишней торопливости, но и не ленится. От него одинаково далеки, как чрезмерная поглощенность занятиями, так и небрежность. Он смотрит на жизнь, как на средство для работы и устраивает ее сообразно этому. Свою заботу о здоровье, свои привычки и т.д., он располагает таким образом, чтобы в результате получилась гармоничная жизнь. - Шестое условие касается стремлений человека. Духовный ученик взвешивает свои способности и свои возможности и ведет себя сообразно этому самопознанию. Он старается не делать ничего такого, что лежит за пределами его сил; но также - и не упускать ничего, что находится в их пределах. С другой стороны, он ставит себе цели, связанные с идеалами, с великими обязанностями человека. Он не входит без всякой мысли, как колесо, в механизм человечества, а стремится понять свои задачи, поднимаясь над повседневным. Он стремится к тому, чтобы все лучше и совершеннее исполнять свои обязанности. - Седьмое условие его душевной жизни касается стремления возможно больше научиться от жизни. Для духовного ученика ничего не проходит мимо, не давая ему повода собрать полезный для жизни опыт. Если он исполнил что-нибудь неправильно и несовершенно, это становится поводом выполнить нечто подобное правильно или совершенно. Наблюдая действия других, он пользуется этим для той же цели. Он старается собрать богатое сокровище опытов и всегда заботливо сверяется с ним. Он не делает ничего, не оглянувшись на переживания, могущие оказать ему помощь для принятия решений и для их выполнения. - Наконец восьмое: духовный ученик должен время от времени направлять взор на свой внутренний мир; он должен

погружаться в самого себя, тщательно советоваться с собою, вырабатывать жизненные правила и проверять их, мысленно пробегать свои знания, взвешивать свои обязанности, размышлять о содержании и цели жизни и т.д.. Все эти вещи уже обсуждались в предшествующих главах; здесь они приводятся только в связи с развитием шестнадцати-лепесткового лотоса. Благодаря упражнению в них, последний становится все совершеннее и совершеннее. Ибо от таких упражнений зависит развитие дара ясновидения. Чем больше, например, мысли и слова человека согласуются с процессами во внешнем мире, тем быстрее развивается этот дар. Кто говорит или думает неправду, тот убивает нечто в зародыше шестнадцати-лепесткового лотоса. В этом отношении правдивость, прямота и честность являются созидательными силами, а лживость, неискренность, нечестность - разрушительными. И духовный ученик должен знать, что здесь важно не одно "доброе намерение", но и действительное дело. Мысля и говоря что-либо несогласованное с действительностью, я разрушаю нечто в моем духовном органе чувств, какое бы я ни имел при этом мысленно доброе намерение. Это происходит также, как с ребенком, который обжигается, хватаясь за огонь, хотя он и делал это по неведению. - Когда душевные процессы приведены к описанному строю, шестнадцати-лепестковый лотос начинает сверкать великолепными красками и приходит в закономерное движение. - При этом нужно однако помнить, что упомянутый дар ясновидения может открыться не раньше, чем будет достигнута определенная степень развития души. Пока человеку еще трудно вести жизнь в намеченном направлении, этот дар не появляется. Пока ему еще приходится обращать особое внимание на эти процессы, до тех пор он еще не созрел. Когда человеку удастся достигнуть того, что подобное ведение жизни становится для него как бы привычным, тогда проявляются первые следы ясновидения. Тогда это перестает быть для него трудным и делается само собой разумеющимся образом жизни. Не надо, чтобы была необходимость постоянно наблюдать за собой и принуждать себя жить таким образом. Все это должно сделаться привычкой. - Есть и другие способы, иначе приводящие к развитию шестнадцати-лепесткового лотоса. Но истинное тайноведение отвергает все подобные способы. Ибо они приводят к разрушению телесного здоровья и к нравственной гибели. Они легче осуществимы, нежели описанный способ. Он требует больше времени и труда, но зато он вернее приводит к цели и может нравственно только укрепить человека.

Неправильное развитие лотоса приводит в результате в случае наступления некоторого дара ясновидения не только к иллюзии и фантастическим представлениям, но также и к ошибкам и неустойчивости в обыкновенной жизни. Благодаря такому развитию человек может сделаться робким, завистливым, тщеславным, высокомерным, строптивым и т.д., тогда как прежде у него не было всех этих свойств. - Выше было сказано, что восемь лепестков шестнадцати-лепесткового лотоса уже были развиты раньше в очень далеком прошлом и, что они проявляются снова сами собой при духовном обучении. Поэтому теперь при оккультном ученичестве вся забота должна быть обращена на остальные восемь лепестков. При неправильном обучении легко выступают одни только первые, развитые уже раньше, лепестки, а вновь образующиеся остаются неразвитыми. Это случается в особенности тогда, если при обучении слишком мало уделяют внимания логическому, разумному мышлению. Чрезвычайно важно, чтобы духовный ученик был человеком разумным, обладателем ясного мышления. Далее важно, чтобы он позаботился о величайшей ясности в речи. Люди, начинающие смутно предчувствовать что-нибудь из области

сверхъестественного, легко становятся разговорчивыми об этих вещах. Этим они задерживают свое правильное развитие. Чем меньше об этих вещах говорить, тем лучше. Говорить должен был бы только тот, кто уже достиг известной степени ясности. - В начале обучения духовные ученики обычно удивляются, что прошедший уже духовную школу проявляет так мало "любопытства" к их сообщениям о своих переживаниях. Полезнее всего для них было бы как раз совершенно умалчивать о своих переживаниях и говорить только о том, насколько хорошо или плохо им удается выполнять свои упражнения или соблюдать указания. Ибо прошедший духовную школу имеет совершенно другие источники для суждения об их успехах, чем их прямые сообщения. Благодаря подобным сообщениям, восемь упомянутых лепестков шестнадцати-лепесткового лотоса всегда несколько грубеют, тогда как они должны были оставаться нежными и гибкими. Приведем в пояснение этого пример. Для ясности возьмем его не из сверхчувственной жизни, а из обыкновенной. Предположим, я слышу какое-нибудь известие и тотчас же составляю о нем суждение. Спустя некоторое время, я получаю о той же вещи другое известие, несогласное с первым. В виду этого мне приходится изменить составленное мною раньше суждение. Это оказывает неблагоприятное влияние на мой шестнадцати-лепестковый лотос. Дело было бы совсем иначе, если бы я сначала подождал со своим суждением и если бы внутренне, в мыслях и внешне, в словах, я "промолчал" бы по отношению ко всему этому случаю, пока у меня не явилось бы совершенно верной точки опоры для моего суждения. Осторожность в образовании и высказывании суждений постепенно становится особым признаком духовного ученика. Зато возрастает его восприимчивость к впечатлениям и опытам, которые он безмолвно пропускает мимо себя на тот случай, когда ему придется составить суждение. Благодаря такой осмотрительности в лепестках лотоса выступают синевато- и розовато-красные оттенки, тогда как в противном случае, оттенки бывают темно-красные и оранжевые.

Подобно шестнадцати-лепестковому (Человек, знакомый с предметом узнает в этих условиях развития "шестнадцати-лепесткового лотоса" указания о "Пути", данные Буддой его ученикам. Однако, здесь преследуется цель не поучения "буддизму", а изображения условий развития, проистекающих из духовной науки. То, что они согласуются с некоторыми из учений Будды не может мешать нам находить их верными и *по их собственной* сущности.) лотосу образуется также и двенадцати-лепестковый - по близости сердца. Также и в нем половина лепестков уже существовала и была деятельна в одном из прошлых состояний развития человека. Поэтому при духовном ученичестве нет нужды особенно развивать эти шесть лепестков; они появляются сами собой и начинают вращаться, когда человек работает над остальными шестью. - Чтобы способствовать этому развитию, человек должен опять-таки сознательно дать определенное направление некоторым деятельностям души.

Теперь надо уяснить себе, что восприятия отдельных духовных или душевных чувств носят различный характер. Лотос с двенадцатью лепестками сообщает другое восприятие чем шестнадцати-лепестковый. Последний воспринимает образы. Склад мышлений той или иной души, законы, по которым происходит явление природы, выступают для шестнадцати-лепесткового лотоса в образах. Но это не застывшие, спокойные образы, а подвижные, наполненные жизнью формы. Ясновидящий, у которого развилось это чувство, может для каждого склада мышления, для каждого закона природы назвать форму, в которой они

отпечатываются. Мысль о мести, например, облекается в похожую на стрелу, зубчатую фигуру; доброжелательная мысль часто имеет образ раскрывающегося цветка и т.д.. Определенные, значительные мысли выражаются в правильных, симметричных образах; сбивчивые понятия имеют сложные, кудреватые очертания. - Совершенно другие восприятия выступают на свет, благодаря двенадцати-лепестковому лотосу. Характер этих восприятий можно приблизительно описать, определив их как душевную теплоту или холод. Наделенный этим чувством, ясновидец чувствует, как от фигур, воспринимаемым им при помощи двенадцати-лепесткового лотоса, проливается эта душевная теплота или холод. Представьте себе ясновидца, который развил только шестнадцати-лепестковый лотос и не развил двенадцати-лепесткового лотоса. Тогда в доброжелательной мысли он увидел бы только вышеописанный образ. Другой, развивший в себе оба эти чувства, заметил бы от мысли, кроме того, еще и это излияние, которое можно обозначить только как душевную теплоту. - Мимоходом отметим, что при духовном ученичестве ни одно из этих чувств никогда не развивается без другого, так что вышесказанное надо рассматривать, только как пояснительный пример. - Благодаря развитию двенадцати-лепесткового лотоса ясновидящему раскрывается также и глубокое разумение процессов природы. Все, основанное на росте и развитии изливает душевную теплоту, а все, охваченное умиранием, разрушением, гибелью, выступает с характером душевного холода.

Развитию этого чувства ученик содействует следующим образом. Первое, что в этом отношении он должен наблюдать, - это упорядоченные течения своих мыслей (так называемый *контроль мыслей*). Подобно тому, как шестнадцати-лепестковый лотос начинает развиваться благодаря истинным и полным значения мыслям, так и двенадцати-лепестковый - благодаря внутреннему овладению течением мыслей. Блуждающие мысли, находящиеся между собой не в продуманной, логической, а в чисто случайной связи, искажают форму этого лотоса. Чем больше мысли следуют одна за другой и чем больше удастся избежать всего нелогичного, тем совершеннее этот орган чувств получает свойственную ему форму. Если духовный ученик слышит нелогичные мысли, он тотчас же проводит их через свой ум в правильном виде. Он не должен бессердечно устраняться от общения с, быть может, нелогичными окружающими людьми ради того, чтобы способствовать своему развитию. Он не должен также чувствовать стремления тотчас же все нелогичное в своем окружении. Он должен, напротив, в совершенной тишине, внутри себя, приводить в логический, осмысленный строй, вторгающиеся в него извне мысли. И он должен стараться в своих собственных мыслях всегда соблюдать этот строй. - Вторая задача заключается в том, чтобы внести такую же последовательность и в свои действия (*контроль действий*). Всякое непостоянство, всякая дисгармония в поступках приносит вред этому лотосу. Совершив какой-нибудь определенный поступок, ученик направляет затем свои дальнейшие действия таким образом, чтобы они логически вытекали из первого. Кто действует сегодня в другом направлении, чем вчера, тот никогда не разовьет в себе описанного чувства. - Третье - это воспитание *выдержки*. Духовный ученик не позволяет тем или иным влияниям отклонять себя от поставленной себе цели, пока он может считать эту цель правильной. Препятствия служат для него побуждением к преодолению их, а не причиной, удерживающей от поступка. Четвертое - *терпимость* по отношению к людям, к другим существам, а также к фактам. Духовный ученик подавляет всякую излишнюю критику на все несовершенное, злое и дурное и стремится,

напротив, понять все, что ему встречается. Подобно тому, как солнце не лишает дурных и злых света своего, так и он должен не лишать их своего разумного участия. Встречается ли духовному ученику что-нибудь недолжное, он не станет вдаваться в отрицательные суждения, но примет это, как необходимость и попытается насколько у него хватит сил, повернуть дело к добру. Мнения он не рассматривает только со своей точки зрения, но старается перенестись в положение другого. - Пятое - *непредвзятость* по отношению к явлениям жизни. В этом смысле говорится также о "вере" или "доверии". Духовный ученик с доверием выходит навстречу каждому человеку и каждому существу. И в своих действиях он также бывает исполнен этого доверия. Когда ему что-нибудь сообщают, он никогда не скажет себе: я не верю этому, ибо это противоречит моему прежнему сложившемуся мнению. Напротив, он во всякое время бывает готов проверить и исправить собственное мнение или взгляд, при встрече с новым. Он остается всегда восприимчивым ко всему, что бы ему ни встретилось. И он полагается на действенность того, что он предпринимает. Нерешительность и склонность к сомнению он изгоняет из своего существа. Имея какое-нибудь намерение, он имеет также и веру в силу этого намерения. Сотня неудач не может отнять у него этой веры. Это и есть "вера, которая двигает горами". - Шестое заключается в приобретении известной *уравновешенности* в жизни (спокойствие духа). Духовный ученик старается сохранить свое ровное настроение, постигает ли его горе или радость. Он отучает себя от колебания между состояниями "восторженного ликования" и "смертельного огорчения". Несчастье и опасность застают его в таком же всеоружии, как счастье и успех.

Читатели теософских сочинений узнают в этом описании перечисление так называемых "шести качеств", которые надлежит развить в себе всякому, стремящемуся к посвящению. Здесь имелось в виду представить их связь с тем душевным чувством, которое называется двенадцати-лепестковым лотосом. Оккультное обучение может дать особые указания, способствующие созреванию этого лотоса; но и здесь, опять-таки правильное образование этого органа чувств будет зависеть от развития перечисленных качеств. Если не обращать внимания на это развитие, то орган получит искаженный образ. И тогда, при развитии некоторого ясновидения в этом направлении, указанные качества могут превратиться вместо добра во зло. Человек может сделаться особенно нетерпимым, нерешительным, начнет сторониться от своих окружающих. Он может, например, стать восприимчивым к настроению других душ и из-за этого может избегать их или ненавидеть. Это может зайти так далеко, что душевный холод, охватывающий его при противоречии во взглядах, может совсем помешать ему выслушивать других или заставит его держать себя отталкивающим образом.

Если ко всему сказанному присоединить еще соблюдение некоторых переживаний, которые духовные ученики могут получить от духовных учителей только устно, то в развитии цветков лотоса наступает некоторое ускорение. Но уже и приведенные здесь указания также несомненно вводят в настоящую оккультную школу. Однако, устройство жизни в намеченном здесь направлении окажется полезным и для тех, кто не хочет или не может принадлежать к такой школе. Ибо, во всяком случае, хотя и медленно, окажет свое влияние на душевный организм. Для духовного же ученика соблюдения этих правил совершенно необходимо. - Если бы он начал духовное обучение, не соблюдая их, то он мог бы вступить в высшие миры лишь с несовершенным мысленным оком и вместо познания истины, он подпал бы тогда лишь обманам и иллюзиям. Он

сделался бы в известном отношении ясновидящим; но, в сущности, он был бы только еще более слепым, чем прежде. Ибо прежде он стоял, по крайней мере, твердо в пределах чувственного мира и имел в нем известную опору; теперь же взор его обращен за пределы чувственного мира и он начинает сбиваться в последнем, не успев еще уверенно стать в высшем мире. Тогда может случиться, что он вообще утратит способность отличать истину от заблуждения и потеряет всякое направление в жизни. - Именно по этой причине так необходимо в этих вещах *терпение*. Всегда надо помнить, что духовная наука не вправе давать дальнейших указаний, пока у ученика нет полной готовности к правильному развитию "цветков лотоса". Если ускорять их *созревание*, прежде, чем они успели спокойно достигнуть своей надлежащей формы, то в результате они приняли бы поистине искаженные облики. Ибо специальные указания духовной науки способствуют их *созреванию*, *форма* же дается им благодаря описанному образу жизни.

Особенно тонкий душевный уход необходим для развития десяти-лепесткового лотоса. Ибо здесь дело идет о том, чтобы самому научиться сознательно владеть впечатлениями чувств. Это особенно необходимо для начинающего ясновидца. Только благодаря этому он может избежать источника бесчисленных иллюзий и духовных произвольностей. Обыкновенно человек совершенно не отдает себе отчета, чем управляются внезапно приходящие ему в голову мысли и воспоминания и чем они бывают вызваны. Возьмем следующий случай. Человек едет по железной дороге. Он занят одной мыслью. Вдруг эта мысль принимает совсем другой оборот. Он вспоминает о переживании, бывшем у него несколько лет тому назад и связывает его со своими теперешними мыслями. Но он совсем не заметил, что его взгляд, устремленный в окно, упал на лицо, имевшее сходство с другим, участвовавшим в пришедшем ему на память воспоминании. Увиденное совсем не дошло у него до сознания, а дошло только его действие. Таким образом он думает, что воспоминание пришло ему на ум "само собой". Как много вещей в жизни происходит подобным же образом. Как вплетаются в нашу жизнь разные вещи, которые мы узнали и прочли, не доводя их взаимной связи до сознания. Например, кто-нибудь терпеть не может такого-то цвета; но он совсем не знает, что это происходит потому, что учитель, мучавший его много лет тому назад, носил сюртук этого цвета. Бесчисленные иллюзии основаны на подобных несознаваемых связях. Многие вещи запечатлеваются в душе, совершенно минуя сознание. Может произойти следующий случай. Кто-нибудь читает в газете о смерти знакомого человека. И вот он настойчиво утверждает, что еще "вчера" у него было предчувствие этой смерти, хотя он не видел и не слышал ничего, могущего навести его на эту мысль. И это правда: мысль, что этот человек умрет, возникла у него "вчера" как бы "сама собой". Он не заметил только одного. За несколько часов перед тем, как у него "вчера" явилась эта мысль, он был в гостях у одного знакомого. На столе лежала газета. Он ее не читал. Но бессознательно его взгляд все-таки упал на известие о тяжелой болезни упомянутого лица. Впечатление об этом не дошло до его сознания. Но результатом его было "предчувствие". - Если принять все это во внимание, тогда можно представить себе, какой источник иллюзий и фантастических представлений заключен в подобных обстоятельствах. И этот источник должен быть уничтожен, если человек хочет развить в себе десяти-лепестковый лотос. Ибо благодаря этому лотосу можно воспринимать в душах глубоко скрытые свойства. Но истинными эти восприятия могут быть признаны только тогда, если человек совершенно освободился от означенных заблуждений. Для этого ему необходимо стать

господином над воздействиями, идущими на него из внешнего мира. Человек должен достигнуть того, чтобы действительно не воспринимать впечатлений, которых он *не хочет* воспринимать. Эту способность можно приобрести только путем напряженной внутренней жизни. Человек должен поставить это в зависимость от своей воли; он должен позволять действовать на себя только тем вещам, на которые он обратил внимание и действительно устраняться от впечатлений, к которым он не обращается по собственной воле. То, что он видит, он должен *хотеть* видеть; а то, на что он не обращает внимания, должно действительно не существовать для него. Чем живее и энергичнее становится внутренняя работа души, тем полнее можно этого достигнуть. - Духовный ученик должен избегать всякого глядения по сторонам и слушания, не сопровождаемых мыслью. Для него должно существовать только то, на что он устремляет свой слух или зрение. Он должен упражняться в способности ничего не слышать посреди величайшего шума, если он не хочет слышать; он должен сделать свой глаз невосприимчивым для вещей, на которые он не смотрит намеренно. Он должен быть защищен как бы душевной броней от всяких бессознательных впечатлений. - Особенно должен он обратить в этом смысле свою задачу на жизнь своих мыслей.

Он ставит перед собой какую-нибудь определенную мысль и старается думать только о том, что он может вполне сознательно и совершенно свободно связать с этой мыслью. Он отклоняет произвольные, приходящие на ум мысли. Желая привести мысль в какую-нибудь связь с другой мыслью, он тщательно обдумывает, откуда к нему пришла эта другая мысль.- Он идет еще дальше. Питая, например, против чего-нибудь известную антипатию, он побеждает ее и старается установить сознательное *отношение* к каждой вещи. Таким образом, бессознательные элементы все меньше вмешиваются в его жизнь. Только благодаря такому воспитанию десяти-лепестковый лотос достигает той формы, которую он должен иметь. Душевная жизнь должна сделаться у духовного ученика жизнью в постоянном внимании и надо действительно уметь держать вдали от себя то, на что не хочешь или не должен обращать никакого внимания. - Если к подобному самовоспитанию присоединяется потом медитация по указаниям духовной науки, тогда лотос в области желудочной впадины достигает зрелости правильным образом и то, что воспринималось прежде благодаря вышеописанным органам чувств только как форма и теплота, получает теперь духовно свет и окраску. И благодаря этому раскрываются, например, таланты и способности душ, а также скрытые свойства природы. Цветовая аура живых существ становится таким образом видимой; окружающее нас возвещает о своих душевных качествах. - Надо признать, что именно в этой области необходима при развитии величайшая тщательность, ибо игра бессознательных воспоминаний бывает здесь чрезвычайно живой. В противном случае у многих людей существовало бы упомянутое здесь чувство, ибо оно выступает почти немедленно, как только человек начинает держать вполне в своей власти впечатления своих чувств, так что они зависят уже единственно от его внимания или невнимания. Это душевное чувство остается в бездействии только до тех пор, пока сила внешних чувств удерживает его в состоянии смутности и подавленности.

Еще более трудным, чем развитие описанных лотосов, является развитие шести-лепесткового цветка лотоса, находящегося в середине тела. Ибо для этого развития необходимо достигнуть совершенного подчинения всего человека его

самосознанию так, чтобы тело, душа и дух были у него в полной гармонии. Отправления тела, наклонности и страсти души, мысли и идеи духа должны быть приведены в совершенное согласие между собой. Тело должно быть настолько облагорожено и очищено, чтобы его органы не влекли его ни к чему, что не служит душе или духу. Душа не должна понуждаться телом к вожделениям и страстям, противоречащим чистому и благородному мышлению. Но и дух не должен как рабовладелец господствовать над душой, налагая на все свои веления долга и законы; она должна сама по собственной свободной склонности, следовать обязанностям и велениям долга. Обязанность не должна тяготеть над учеником, как что-то, чему он подчиняется против воли, но должна быть тем, что он исполняет по любви. Духовный ученик должен развить свободную душу в равновесии между чувственностью и духовностью. Он должен достигнуть возможности полагаться на свою чувственность, ибо она должна быть настолько очищенной, чтобы потерять силу увлекать его вниз. Он не должен больше иметь нужды в обуздании своих страстей, ибо они сами собой должны следовать правильному. Пока человеку необходимо бичевать себя, он не может быть духовным учеником на известной ступени. Добродетель, к которой еще нужно принуждать себя, не имеет цены для духовного ученичества. Пока у еще есть вожделение, оно мешает ученичеству, даже если бы он старался ему не потворствовать. И безразлично, принадлежит ли это вожделение телу или душе. Если человек избегает, например, какого-нибудь возбуждающего средства, чтобы очистить себя отказом от наслаждения, то это окажет ему пользу только в том случае, если его тело не испытывает благодаря этому воздержанию никакой тягости. В противном случае, это показывает, что тело *желает* этого возбуждающего средства и тогда воздержание не имеет никакой цены. В таком случае вполне возможно, что человеку лучше временно отказаться от намеченной цели и подождать, пока для него не наступит - быть может лишь в следующей жизни - более благоприятные в чувственном отношении обстоятельства. В некоторых положениях разумный отказ является гораздо большим достижением, чем стремление к чему-нибудь недостижимому при данных условиях. Такой разумный отказ даже более соответствует развитию.

Кто развил в себе шести-лепестковый лотос, тот достигает общения с существами, принадлежащими к высшим мирам; однако, лишь в том случае, если их бытие проявляется в мире душ. Но при духовном обучении не советуют развивать этот лотос, пока ученик не подвинулся дальше на этом пути, на котором он может возвысить свой дух в еще более высокий мир. Развитие цветов лотоса должно всегда сопровождаться этим вступлением в подлинный мир духа. Иначе ученик впадает в спутанность и неуверенность. Правда, он научился бы *видеть*, но ему не доставало бы способности правильно судить об увиденном. - Впрочем, в самих условиях, необходимых для развития шести-лепесткового лотоса, заключается уже известное ручательство против спутанности и неустойчивости. Ибо не легко привести в смущение того, кто достиг совершенного равновесия между чувственностью (телом), страстью (душою) и идеей (духом). И все же необходимо еще нечто большее, чем это ручательство, когда благодаря развитию шести-лепесткового лотоса, человеческому восприятию становятся доступны одаренные жизнью и самостоятельностью существа, принадлежащие к миру, столь коренным образом отличному от мира физических чувств. Чтобы сохранить уверенность в этих мирах, ему недостаточно одного развития лотосов; для этого ему надо иметь в своем распоряжении еще более высокие органы. Теперь будет речь о развитии этих высших органов; а

затем может быть сказано и об остальных лотосах и о дальнейшей организации душевного тела. (Само собой разумеется, что выражение "душевное тело" (как и многие подобные выражения в духовной науке), взятое в буквальном смысле слова, содержит в себе противоречие. Тем не менее этим выражением пользуются, потому что ясновидческое сознание воспринимает нечто такое, переживание чего в духовном соответствует в физическом переживанию тела).

Развитие душевного тела, как оно только что было описано, дает человеку возможность восприятия сверхчувственных явлений. Но кто желает действительно разобраться в этом мире, тот не должен останавливаться на этой ступени развития. Недостаточно одной подвижности лотосов. Человек должен быть в состоянии самостоятельно и в полном сознании управлять и владеть движением своих духовных органов. Иначе он сделался бы игрушкой внешних сил и могуществ. Чтобы не стать такой игрушкой, ему необходимо приобрести способность внимать так называемому "внутреннему слову". Для этого должно быть развито не только душевное тело, но также и эфирное. Это - то тонкое тело, которое представляется ясновидящему как бы своего рода двойником физического тела. Оно является как бы промежуточной ступенью между физическим и душевным. (Сравните сказанное здесь с описанием эфирного тела в "Теософия" того же автора). Обладая способностями ясновидения, можно при полном сознании отвлечься от восприятия физического тела стоящего перед нами человека. На высшей ступени это - то же самое, что упражнение внимания на низшей. И как человек может отвлечь свое внимание от чего-нибудь, находящегося перед ним, в такой степени, что оно перестанет для него существовать, так и ясновидящий может погасить в себе восприятия физического тела до того, что оно явится для него физически вполне прозрачным. Если он поступит таким образом со стоящим перед ним человеком, то перед его душевным взором, кроме душевного тела, которое больше эфирного и физического и оба их пронизывает, останется еще так называемое эфирное тело. Эфирное тело имеет *приблизительно* величину и форму физического, так что оно занимает приблизительно то же пространство, что и физическое. Это - в высшей степени тонко и нежно организованное тело. (Я прошу физика не смущаться выражением "эфирное" тело. Слово "эфир" указывает только на тонкость этого образования. "Эфир", о котором идет здесь речь, пока отнюдь не следует сблизать с "эфиром" физических гипотез.). Его основной цвет отличается от семи цветов, содержащихся в радуге. Кто способен наблюдать его, знакомится с таким цветом, которого собственно не существует для чувственного наблюдения. Ближе всего можно сравнить его с окраской молодого цветка персика. Если хотят наблюдать эфирное тело само по себе, то надо посредством подобного же упражнения внимания погасить в своем восприятии также и явления душевного тела. Если не сделать этого, то вид эфирного тела будет иной, благодаря проникающему его насквозь телу душевному.

Частицы эфирного тела человека находятся в постоянном движении. Бесчисленные потоки пронизывают его по всем направлениям. Этими потоками поддерживается и управляется жизнь. Каждое тело, одаренное *жизнью*, имеет такое эфирное тело. Оно есть у растения и у животных. И даже у минералов внимательный наблюдатель заметит его следы. Упомянутые потоки и движения вначале совершенно не зависят от воли и сознания человека, как не зависит от воли деятельность сердца или желудка. - И пока человек не займется своим развитием, в смысле приобретения сверхчувственных способностей, до тех пор

остаётся и эта независимость. Ибо высшее развитие на известной ступени в том именно и состоит, что к независимым от сознания потокам и движениям эфирного тела присоединяются и другие, вызываемые самим человеком.

Когда оккультное обучение настолько подвинется вперед, что упомянутые в предыдущей главе цветы лотосов начнут приходить в движение, тогда учеником бывает достигнуто уже многое из того, что приводит к пробуждению в его эфирном теле совершенно определенных потоков и движений. Цель этого развития заключается в том, чтобы в области физического сердца образовался своего рода центр, откуда исходили бы потоки и движения самых разнообразных духовных цветов и форм. Этот центр является в действительности не просто точкой, а чрезвычайно сложным образованием и удивительным органом. Он сияет и переливается разнообразнейшими цветами и являет формы, обладающие величайшей правильностью и могущие изменяться из одних в другие. Новые формы и цветовые потоки направляются из этого органа к другим частям тела и еще дальше, за его пределы, проникая и озаряя собой все душевное тело. Но главнейшие из этих потоков устремляются к цветкам лотоса. Они пронизывают их отдельные лепестки и управляют их вращением; а затем, на вершине лепестка, они устремляются наружу, теряясь во внешнем пространстве. Чем выше развитие человека, тем обширнее окружность, по которой распространяются эти потоки.

В особенно близкой связи с указанным центром стоит двенадцати-лепестковый цветок лотоса. В него непосредственно впадают эти потоки. И через него проходят потоки с одной стороны к шестнадцати-лепестковому и к двухлепестковому, а с другой стороны (с нижней) - к десяти-, шести- и четырехлепестковому лотосу. В этом устройстве кроется причина, почему в оккультном обучении особое внимание должно быть обращено на развитие именно двенадцати-лепесткового лотоса. При каком-нибудь упущении в этой области все развитие органов ясновидения пошло бы по неправильному пути. - Из сказанного можно судить о том, как тонко и нежно по природе своей оккультное обучение и с какой точностью надо поступать, чтобы развитие протекало надлежащим образом. Отсюда непосредственно следует, что давать указания для развития сверхчувственных способностей может лишь тот, кто испытал на самом себе все, что ему предстоит развить в другом и кто поэтому способен в совершенстве знать, приведет ли его указания к вполне правильному результату.

Если ученик исполнит все данные ему указания, то он сообщит своему эфирному телу потоки и движения, находящиеся в гармонии с законами и развитием мира, к которому принадлежит человек. Поэтому эти указания являются всегда отображением внешних законов мирового развития. Они состоят в упомянутых и подобных им упражнениях в медитации и концентрации, приводящих при правильном применении к описанным последствиям. Духовный ученик должен в определенные времена совершенно проникаться в душе содержанием этих упражнений, внутренне как бы всецело наполняясь ими. Они начинаются с простых указаний способных, прежде всего углубить и придать более внутренний характер разумному и рассудочному, головному мышлению. Вследствие этого мышление становится свободным и независимым от всех чувственных впечатлений и опытов. Оно собирается как бы в *одной точке*, которая находится в полной власти человека. Тем самым создается *предварительный* центр для потоков эфирного тела. Этот центр находится вначале не в области сердца, а в голове. Он является здесь для ясновидящего исходной точкой движений.- К

полному успеху приходит только то оккультное обучение, которое начинает с создания этого центра. Если бы с самого начала центр был перенесен в область сердца, то начинающий ясновидец мог бы, конечно иметь некоторые прозрения в высшие миры, но не мог бы получить правильного проникновения в связь этих высших миров с нашим чувственным миром. А это является *безусловной* необходимостью для человека на современной ступени мирового развития. Ясновидящий не должен обращаться в мечтателя; он обязан сохранять твердую почву под ногами.

Когда центр в голове оказывается достаточно закрепленным, он перемещается вниз, в область гортани. Это достигается дальнейшим применением упражнений в концентрации. Тогда упомянутые движения эфирного тела начинают излучаться из области гортани. Они освещают душевное пространство вокруг человека.

Дальнейшие упражнения делают ученика способным самостоятельно определять положение своего эфирного тела. Прежде это положение зависело от сил, притекавших извне и исходивших от физического тела. Благодаря последующему развитию человек получает способность вращать свое эфирное тело в разные стороны. Эта способность обуславливается потоками, идущими приблизительно вдоль обеих рук и имеющими свой центр в двух-лепестковом лотосе в области глаз. Это происходит от того, что лучи, исходящие из гортани, слагаются в округлые образования, часть которых направляется к двух-лепестковому лотосу, чтобы оттуда, в виде волнообразных потоков, устремиться вдоль рук. - Дальнейшее развитие состоит в том, что эти потоки делятся и разветвляются, образуя своего рода сплетения, окружающее подобно сетке (сетчатой оболочке) все эфирное тело. Между тем, как прежде оно не имело снаружи никакой замкнутой границы, так что жизненные потоки непосредственно из общего жизненного моря вливались в него и изливались, теперь эти внешние потоки должны пробегать через эту оболочку. Благодаря этому человек становится чувствительным к *внешним* потокам. Он начинает воспринимать их. - Вместе в тем наступает мгновение, когда центр всей системы потоков и движений может быть перенесен в область сердца. Это происходит опять благодаря продолжению упражнений в медитации и концентрации. При этом и достигается та ступень, на которой человек получает дар "внутреннего слова". Тогда все вещи получают для него новое значение. Они начинают быть как бы духовно внятыми для него в своей глубочайшей сущности, они говорят человеку о своей истинной сущности. Упомянутые течения приводят человека в связь с внутренней глубиной мира, к которому он принадлежит. Он начинает сопереживать жизнь своего окружающего и может откликаться на нее в движениях своих цветов лотоса.

Вместе с тем человек вступает в духовный мир. Когда он достигает этого, ему открывается новое понимание того, что говорили великие учителя человечества. Речи Будды и Евангелия действуют на него, например совсем иначе. Они проникают его таким блаженством, какого он прежде не знал. Ибо звук их слов следует движениям и ритмам, которые он теперь сам в себе развил. Теперь он может непосредственно *знать*, что такие люди как Будда или авторы Евангелий высказывают не *свои* откровения, а такие, которые притекали к ним из глубочайшей сущности вещей. - Здесь нужно обратить внимание на один факт, который становится понятным только из предыдущего. Людям, стоящим на уровне нашего современного образования, мало понятны многочисленные повторения в речах Будды. А для ученика они становятся тем, на чем он охотно

отдыхает своим внутренним чувством. Ибо они отвечают известным ритмическим движениям в эфирном теле. Отдаваясь им в полной внутренней тишине, он вызывает в себе созвучие с этими движениями. И так как эти движения суть отражения определенных мировых ритмов, которые также в определенные моменты являют нам повторения и правильные возвраты к прежним, то вслушиваясь в речи Будды, человек вживается в созвучие с мировыми тайнами.

В духовной науке говорится о *четырёх* качествах, которые человек должен приобрести на так называемой стезе испытания для того, чтобы подняться к высшему познанию. *Первое* из них состоит в способности отделять в мыслях истинное от явления, истину от простого мнения. *Второе* качество состоит в правильной оценке истинного и действительного по сравнению с явлением. *Третья* способность состоит в упомянутом уже в предыдущей главе применении шести качеств: контроля мыслей, контроля действий, настойчивости, терпимости, веры и спокойствия духа. *Четвертое* качество есть любовь к внутренней свободе.

Одно рассудочное понимание того, что заключается в этих качествах, совершенно бесполезно. Они должны быть настолько внедрены в душу, чтобы положить начало в ней внутренним *привычкам*. Возьмем, например, первое качество: различение истинного от явления. Человек должен воспитать себя таким образом, чтобы в каждой встречающейся ему вещи совершенно непосредственно отмечать несущественное от того, что имеет настоящее значение. Такое воспитание себя удастся только при постоянном возобновлении направленных в эту сторону попыток и сохранении во время своих наблюдений над внешним миром полного покоя и терпения. Под конец взор будет столь же естественно задерживаться на истинном, как раньше он удовлетворялся несущественным. "Все преходящее есть лишь подобие": эта истина становится непосредственным убеждением души. Таким же образом надо поступать и относительно остальных четырех качеств.

Под влиянием этих четырех душевных привычек тонкое эфирное тело человека действительно начинает изменяться. Благодаря первой - "различению истинного от явления" - создается упомянутый центр в голове и подготавливается центр в гортани. Для *действительного* развития их нужны затем, конечно, указанные выше упражнения в концентрации. Развивают собственно они, а четыре привычки помогают созреванию. - Когда центр в гортани подготовлен, тогда правильной *оценкой* истинного, по сравнению с несущественным явлением, вызывается упомянутое свободное овладение эфирным телом, облечение и ограничение его сетчатой оболочкой. Когда человек выработает в себе эту оценку, для него открывается постепенно восприятие духовных фактов. Но пусть он не думает, что он должен совершать только такие поступки, которые могут показаться значительными с точки зрения рассудочной оценки. Самый незначительный поступок, какое-нибудь движение рукой, является исполненным значения в великом строительстве мирового целого, и дело только в том, чтобы прийти к *сознанию* этого значения. Речь идет не о *низкой*, а о *правильной* оценке наших повседневных жизненных дел. - О шести добродетелях, из которых складывается третье качество, говорилось уже в предыдущей главе. Они связаны с развитием двенадцати-лепесткового лотоса в области сердца. Туда, как уже было показано, должен быть на самом деле направлен жизненный поток эфирного тела. Четвертое качества - *желание освобождения* - служит затем к тому, чтобы помочь созреванию этого эфирного органа близ сердца. Когда это качество делается душевной привычкой, человек *освобождается* от всего, что связано только со

способностями его личной природы. Он перестает смотреть на вещи со *своей* отдельной точки зрения. Исчезают границы его низкого "я", приковывающие его к этой точке зрения. Тайны духовного мира получают доступ к его внутреннему существу. Это и есть освобождение. Ибо эти оковы принуждают человека смотреть на вещи и на существ так, как это ему лично присуще. Но ученик должен стать независимым и *свободным* от всякого личного взгляда на вещи.

Отсюда видно, что предписания, исходящие от духовной науки, действуют глубоко определяющим образом на самую внутреннюю природу человека. Таковыми являются и предписания, касающиеся четырех названных качеств. В той или иной форме они находятся во всех мировоззрениях, признающих духовный мир. Давая людям эти предписания, основатели подобных мировоззрений исходили не из каких-нибудь смутных чувств. Напротив, они делали это в силу того, что были великими посвященными. Слагая свои нравственные предписания, они исходили из познания. Им было известно, как действуют эти предписания на более тонкую природу человека, и они желали, чтобы их последователи постепенно развивали в себе эту более тонкую природу. Жить в духе подобных мировоззрений, это значить - работать над своим духовным усовершенствованием. И только тогда человек работает так, он служит мировому целому. Совершенствование себя вовсе не есть себялюбие. Ибо несовершенный человек является также и несовершенным слугой человечества и мира. Человек служит целому тем лучше, чем он сам совершеннее. Здесь приложимы слова: "Украшая себя, роза красит весь сад".

Поэтому основатели глубоких мировоззрений являются высокими посвященными. Исходящее от них вливается в человеческие души. И благодаря этому вместе с человечеством движется и весь мир. Посвященные совершенно сознательно работали над этим процессом развития человечества. Только тогда станет понятным содержание их наставлений, если принять во внимание, что наставления эти почерпнуты из самых внутренних глубин человеческой природы. Великими *познавателями* были посвященные и из своих знаний отпечатывали они идеалы человечества. И человек приближается к этим вождям, когда он в своем собственном развитии поднимается к их высотам.

Когда у человека началось такого рода развитие эфирного тела, как это было описано в предыдущем, для него открывается совершенно новая жизнь. И он должен на пути ученичества своевременно получить разъяснения, которые дадут ему возможность разобраться в этой новой жизни. Он видит, например, благодаря шестнадцати-лепестковому лотосу духовные образы высшего мира. И он должен уяснить себе все различие этих образов в зависимости от того, какие предметы или существа их вызывают. Первое, на что он может обратить внимание это то, что на некоторые из этих образов он может своими мыслями и ощущениями оказывать сильное влияние, а на другие не может оказывать никакого или лишь очень незначительное. Один род образов тотчас же изменяется, как только при их появлении у наблюдателя сначала возникает мысль: "это прекрасно", а затем во время созерцания эта мысль переходит в другую "это полезно". - Этой особенностью изменяться от всякой мысли и от всякого чувства, исходящих от наблюдателя отличаются образы, происходящие от минералов или от искусственно сделанных предметов. В меньшей степени замечается это у образов, принадлежащих растениям и еще меньше у тех, которые отвечают животным. Эти образы также подвижны и полны жизнью. Но их подвижность только отчасти

происходит от влияния человеческих мыслей и ощущений, частью же они вызываются причинами, на которые человек не имеет никакого влияния. Но вот, среди всего этого мира образов выступают еще и такие, которые в начале почти совершенно изъяты от всякого воздействия со стороны человека. Ученик может убедиться, что эти образы происходят не от минералов или искусственно сделанных предметов, а также и не от растений или животных. Чтобы достигнуть здесь полной ясности, он должен всмотреться в образы, о которых ему известно, что они вызваны чувствами, влечениями, страстями и т.д. других людей. Но и относительно этих образов он может найти, что его собственные мысли все же имеют на них некоторое, хотя и сравнительно слабое влияние. В мире образов всегда остается некоторая доля таких, на которые это влияние бывает совершенно ничтожно. - И в начале пути ученичества этот остаток составляет даже вообще наибольшую часть всего, что он видит. Уяснить себе природу этой части ученик может только из наблюдения *над самим собой*. Тогда он узнает, какие из этих образов вызваны им самим. В них выражается то, что он сам делает, мыслит, хочет, желает и т.д.. Живущее в нем влечение, возникающее желание, питаемое им намерение и т.д. - все это скрывается в подобных образах. И даже весь его характер отпечатывается в этом мире образов. Таким путем, своими сознательными мыслями и чувствами человек может влиять на все образы, исходящие не от него самого; на все же формы, вызываемые в высшем мире его собственным существом, он не имеет больше никакого влияния после того, как они созданы. Из сказанного следует, что при высшем созерцании внутренний мир человека, мир его собственных влечений, желаний и представлений, предстает ему во *внешних* образах совершенно также, как и другие предметы и существа. Внутренний мир для высшего сознания становится частью внешнего мира. Как если бы в физическом мире мы были окружены со всех сторон зеркалами и могли со всех сторон видеть свой телесный облик, точно также и в высшем мире собственное душевное существо человека выступает перед ним, как отражение.

На этой ступени развития для ученика наступает момент, когда он преодолевает иллюзию, происходящую от его личной ограниченности. То, что находится внутри его личности, он может рассматривать теперь, как внешний мир, подобно тому как прежде он считал внешним миром то, что действовало на его внешние органы чувств. И постепенно, благодаря опыту, он научается относиться к себе так, как ранее он относился к окружающим его существам.

Если бы прозрение в эти высшие миры открылось человеку прежде, чем он успел достаточно подготовиться к их сущности, то вначале он стоял бы перед описанной картиной своей собственной души, как перед загадкой. Образы его собственных влечений и страстей выступают здесь перед ним в формах, которые ощущаются им как животные или - реже - как человеческие формы. И хотя животные образы этого мира никогда не походят вполне на соответствующие им образы физического мира, они все же с ним отдаленное сходство. Непривычные наблюдатели могут счесть их даже за одинаковые. - Вступая в этот мир, необходимо усвоить себе совершенно новый способ суждения. Ибо помимо того, что вещи, принадлежащие собственно к внутреннему миру человека, являются здесь как внешний мир, они представляют еще в виде зеркального отражения того, что они суть в действительности. Если мы видим здесь какое-нибудь число, то его надо читать в обратном порядке (как в зеркальном отражении). Например, 265 означает здесь на самом деле 562. Шар мы видим таким, как если бы находились в его центре. Затем, необходимо еще научиться правильно переводить

этот видимый изнутри образ. В отражении являются также и душевные свойства. Желание, направленное на что-нибудь внешнее, предстает как образ, надвигающийся на самого носителя этого желания. Страсти, коренящиеся в низшей природе человека, могут принимать облики животных или подобные им, которые набрасываются на человека. В действительности, эти страсти устремляются, конечно, наружу; они ищут предмета своего удовлетворения во внешнем мире. Но это устремление наружу является в *отражении*, как нападение на самого носителя страсти.

Если ученик прежде чем подняться к высшему созерцанию, познает свои собственные качества посредством спокойного и объективного самонаблюдения, в таком случае и в то мгновение, когда его внутренний мир предстанет перед ним, как внешнее отражение, он найдет в себе мужество и силу, чтобы правильно отнестись к этому событию. Люди, которые недостаточно ознакомились со своим внутренним миром посредством такого самоиспытания, не узнают себя в своем отражении и примут последнее за постороннюю действительность. Они испугаются этого зрелища и, не будучи в состоянии его вынести, внушат себе, что все это было только ни к чему ведущим порождением фантазии. В обоих случаях человек роковым образом создал бы себе препятствия на пути к своему высшему развитию благодаря тому, что он вступил на известную ступень этого развития без достаточной зрелости.

Совершенно необходимо, чтобы человек прошел через это духовное зрелище своей собственной души если он хочет достигнуть высшего. Ибо в своем собственном "Я" он имеет то духовно-душевное существо, о котором он легче всего может составить себе суждение. Если он приобретет сначала в физическом мире достаточное познание о своей личности, а затем *первым*, что предстанет ему в высших мирах, будет *образ* этой личности, тогда у него будет возможность сравнить между собой оба эти образа. Он может сравнить высшее с тем, что ему уже знакомо и исходить, таким образом из прочного основания. Если бы, напротив, перед ним предстали какие-нибудь другие духовные существа, он не мог бы вначале составить никакого суждения об их своеобразии и сущности. Он вскоре почувствовал бы, что почва ускользает у него из-под ног. Поэтому необходимо как можно чаще настаивать на том, что достоверный доступ к высшим мирам - это тот, который ведет через основательное познание и суждение о своей собственной сущности.

Итак, на своем пути в высший мир человек встречает прежде свои духовные *образы*. Ибо отвечающая этим образам действительность находится *в нем самом*. Поэтому ученик должен быть настолько зрелым, чтобы не требовать на этой ступени грубых реальностей, а смотреть на эти образы, как на правильное достижение. Но вскоре он узнает *внутри* этого мира образов нечто совершенно новое. Его низшее "я" предстает перед ним лишь как отраженная в зеркале картина, но посреди этой отраженной картины является истинная действительность *высшего* "Я". Из образа низшей личности начинает просвечивать облик духовного "Я". А только от последнего и протягиваются нити к другим высшим духовным действительностям.

Тогда наступает момент раскрытия двух лепесткового лотоса в области глаз. С началом его движения человек получает возможность поставить свое высшее "Я" в связь со стоящими выше его духовными существами. Исходящие из этого

лотоса потоки направляются к высшим действительностям таким образом, что человек вполне сознает соответствующие движения. Как свет делает физические предметы видимыми для глаз, так и эти потоки делают видимыми духовных существ высших миров. Посредством погружения в совершенно определенные представления, сообщаемые духовными исследованиями, ученик научается приводить в движение потоки лотоса, находящиеся в области глаз и управлять ими.

На этой ступени развития особенно сказывается все значение здоровой способности суждения и навык к ясному логическому мышлению. Достаточно вспомнить, что здесь в человеке рождается к сознательному бытию его высшее "Я", которое до сих пор дремало в нем в бессознательном, зачаточном состоянии. Мы имеем здесь дело с *рождением* в духовном мире не только в образном, но и в самом реальном смысле. И это рожденное, высшее "Я", должно явиться в мир со всеми необходимыми органами и зачатками для того, чтобы быть жизнеспособными. Если природа заботится о том, чтобы ребенок явился в мир с правильно построенными ушами и глазами, то законы самостоятельного развития человека должны взять на себя заботу о том, чтобы его высшее "Я" вступило в бытие с необходимыми способностями. И эти законы, обеспечивающие развитие высших органов самого духа, суть те же самые, что и законы здравого разума и морали в физическом мире. Как младенец зреет в чреве матери, так в физическом "Я" зреет духовный человек. Здоровье младенца зависит от нормального действия законов природы в чреве матери. Подобным же образом и здоровье духовного человека обусловлено законами обыкновенного рассудка и действующего в физической жизни разума. Ни один человек никогда не сможет породить здоровое высшее "Я", если он не будет жить и мыслить здраво. Жизнь, сообразная с природой и разумом, является необходимой основой всякого истинного духовного развития. - Как младенец уже в чреве матери живет по тем же законам природы, которые он после своего рождения будет воспринимать физическими органами чувств, так и высшее "Я" человека уже во время физического бытия живет по законам духовного мира. И как младенец по смутному жизненному чувству усваивает себе надлежащие силы, так может и человек усваивать себе силы духовного мира, прежде чем родится его высшее "Я". И он даже *должен* поступать таким образом, если хочет, чтобы это "Я" явилось в мир вполне развитым существом. Неправильно было бы сказать: я не могу принять учений духовной науки прежде, чем сам не получу способности видеть. Ибо без углубления в данные духовных исследований человек вообще никогда не будет в состоянии достигнуть высшего познания. Он был бы тогда в положении младенца, который отказался бы материнском чреве от сил, притекающих к нему от матери и захотел бы дожидаться, пока он сам не сможет добывать их. Как зародыш младенца до рождения из жизненного чувства познает пригодность притекающих к нему сил, так человек, еще до ясновидения, познает истину духовной науки. Возможно проникновение в эти учения, построенное на чувстве и на ясном, здоровом, всесторонне обсуждающем разуме, даже и тогда, когда мы сами еще не видим ничего духовного. Сначала *необходимо* познакомиться с мистическими познаниями и путем их изучения, подготовиться к созерцанию. Человек, который пришел бы к созерцанию прежде такого изучения, был бы подобен ребенку, родившемуся хотя и с глазами и ушами, но без мозга. Перед ним расстилался бы целый мир красок и звуков, но он ничего не мог бы с ним поделать.

Таким образом, все, что было первоначально понято человеком посредством его чувства истины, а также его разума и рассудка, все это становится на упомянутой ступени духовного ученичества его собственным переживанием. У него является теперь непосредственное знание о своем высшем "Я". Он узнает, что высшее "Я" связано в духовными существами высшего порядка и образует с ними некое единство. Он видит, каким образом его низшее "Я" происходит из высшего мира. И ему открывается, что его высшая природа продолжает жить после смерти низшей. Он может теперь сам отличить в себе преходящее от пребывающего. Но это только означает, что он научается теперь сам, из своего собственного созерцания, понимать учение о воплощении (инкарнации) высшего "Я" в низшем. Теперь ему становится ясным, что он входит как звено, в состав некой высшей духовной связи, что его качества, его судьбы обусловлены этой связью. Он познает *закон своей жизни*, карму. Он убеждается, что его высшее "Я", заполняющее в настоящее время его жизнь, представляет собою только один из образов, которые может принимать его высшая сущность. И он находит возможность работать над собою из своего высшего "Я", чтобы становиться все совершеннее и совершеннее. Он убеждается отныне также и в великом различии людей, в смысле степеней их совершенства. Он узнает, что есть люди стоящие выше его и уже достигшие тех ступеней, которые для него еще лежат впереди. Он начинает понимать, что учения и дела подобных людей являются вдохновениями из высшего мира. Этим он обязан своему первому самостоятельному прозрению в этот высший мир. И существование тех, которых называют "великими посвященными человечества", начнет становиться для него действительным фактом.

Таковы дары, которыми ученик обязан этой ступени своего развития: проникновение в высшее "Я", в учение о воплощении или инкарнации этого высшего "Я" в низшем, проникновение в закон, которым управляется жизнь в физическом мире, согласно великой духовной связи, - в закон кармы - и, наконец, в бытие великих посвященных.

Поэтому об ученике, достигшим этой ступени, говорят, что для него совершенно исчезло *сомнение*. Если прежде он мог усвоить себе, опирающуюся на доводы рассудка и на здоровое мышление веру, то теперь место этой веры заступает полнота знания и ничем непоколебимое прозрение.

Религии в своих церемониях, таинствах и обрядах дали внешнее видимое отражение высших духовных процессов и существ. Отрицать это может только тот, кто не понял всей глубины великих религий. Но кто начал уже сам прозревать в духовную действительность, тот поймет и великое значение этих внешне видимых действий. И для него тогда религиозная служба сама явится отражением его общения со стоящим выше духовным миром.

Мы видим, каким образом достижение этой ступени делает ученика действительно новым человеком. После этого он может постепенно возрасть до той степени зрелости, когда он будет в состоянии посредством потоков своего эфирного тела управлять в подлинном смысле слова высшим элементом жизни и достигнуть тем самым высокой свободы от своего физического тела.

Изменения в жизни сновидений у

ученика.

Признаком того, что ученик достиг или скоро достигнет описанной в предыдущей главе ступени развития является изменение, наступающее в его сновидческой жизни. До сих пор его сновидения были спутаны и произвольны. Теперь они начинают принимать правильный характер. Образы их получают осмысленную связь между собой, подобно представлениям повседневной жизни. В них можно узнать закон, причину и действие. Изменяется также и содержание сновидений. Между тем, как прежде воспринимались лишь отзвуки дневной жизни, неоформленные впечатления от окружающего мира или от состояний собственного тела, теперь выступают образы неведомого дотоле мира. Сначала, конечно, еще сохраняется *общий* характер сновидческой жизни, поскольку сновидения отличаются от бодрственного представления тем, что они изображают в *символах* то, что им надо выразить. От внимательного наблюдателя не может ускользнуть этот символический характер сновидческой жизни. Человеку, например, что он поймал безобразное животное и но испытывает от этого в руке неприятное ощущение. Он просыпается и замечает, что держит в руке конец одеяла. Таким образом восприятие выражается не в чистом виде, а посредством этого символического образа. - Или же ему снится, что он бежит от погони и он испытывает страх. При пробуждении обнаруживается, что во время сна у него поднялось сердцебиение. Желудок, наполненный неудобоваримой пищей, причиняет тревожные сны. Происшествия в окружающей спящего среде также отражаются во сне в символических образах. Бой часов может вызвать картину марширующего под барабанный бой отряда солдат. Опрокинувшийся стул дает повод к целой драме во сне, в которой стук его падения отразится в виде выстрела и т.п.. - Этот символический способ выражения сохраняется также и при более правильной сновидческой жизни, когда у человека начинает развиваться эфирное тело. Но его сновидения перестают отражать одни только факты окружающего физического мира или его собственного чувственного тела. И в то время как сны, обязанные своим происхождением этим физическим причинам, становятся правильнее, к ним начинают примешиваться и такие образы, которые выражают собою вещи и соотношения иного мира. Здесь впервые человек получает опыты, недоступные для дневного сознания. - Но отнюдь не следует думать, что какой-нибудь истинный мистик может переживаемое им таким образом во сне положить в основу каких-либо достоверных сообщений о высшем мире. Подобные сновидческие переживания надо рассматривать лишь как первые признаки более высокого развития. - Дальнейшим последствием является вскоре тот факт, что образы сновидений у ученика уже не ускользают больше от осмысленного подчинения рассудку, но начинают управляться им и стройно обозреваться так же, как и представления и ощущения бодрственного сознания. Все более и более исчезает различие между сновидческим сознанием и этим состоянием бодрствования. Человек, видящий сон, остается в полном смысле слова бодрствующим во время сновидения, т.е. он чувствует себя господином и руководителем образных представлений.

Во время сновидения человек фактически находится в ином мире, отличном от мира его физических чувств. Но только человек с неразвитыми духовными органами не в состоянии составить себе о нем никаких представлений, кроме описанных, сбивчивых. Этот мир существует для него только так, как существовал бы чувственный мир для существа, наделенного самое большее

только первыми зачатками глаз. Поэтому человек не может видеть в этом мире ничего, кроме отпечатков и отражений обыденной жизни. Последние же он может видеть потому, что его душа сама запечатлевает свои дневные восприятия, как образы в веществе, из которого состоит этот иной мир. Нужно уяснить себе, что наряду с обыкновенной, сознательной дневной жизнью, человек ведет еще в этом мире вторую, бессознательную жизнь. Но видеть эти отпечатки можно лишь тогда, когда развиты цветы лотоса. И у каждого человека существуют некоторые скудные зачатки цветов лотоса. Во время дневного сознания он ничего не может воспринимать ими потому, что впечатления, производимые на него духовным миром очень слабы. Это происходит по такой же причине, почему днем не видно звезд: они не доходят до восприятия наряду с могучим действием солнечного света. Так не доходят и слабые духовные впечатления наряду с могущественными впечатлениями физических чувств. Но когда во сне врата внешних чувств бывают закрыты, впечатления эти начинают смутно вспыхивать. И тогда человек, видящий сон, начинает вспоминать об опытах, пережитых им в другом мире. Но, как сказано выше, опыты эти первоначально суть не что иное, как отпечатки, оттиснутые в духовном мире его собственной, связанной с физическими чувствами способностью представления. - Только вполне развитые цветы лотоса дают ему возможность отмечать не принадлежащие к физическому миру проявления. А благодаря развитому эфирному телу возникает потом полное знание об этих, из иных миров идущих, извещениях. - Вместе с тем начинается общение человека с новым миром. И теперь ему надо с помощью наставлений, полученных в оккультной школе, достигнуть прежде всего двух вещей. Сначала он должен получить возможность во время бодрствования совершенно ясно вспомнить наблюдения, сделанные во время сна. А когда он этого достигнет, он приводится к тому, чтобы совершать такие же наблюдения и во время обычного бодрственного состояния. Его внимание, обращенное на духовные впечатления, упражняется таким образом, чтобы эти впечатления больше не исчезали в присутствии физических и чтобы он мог иметь их постоянно, наряду и *вместе* с последними.

Когда ученик достиг этой способности, перед его духовным взором выступают некоторые черты из описанной в предыдущей главе картины. Отныне он может воспринимать то, что существует в духовном мире, как причина физического. И прежде всего внутри этого мира он может познать свое высшее "Я". - Ближайшей задачей его будет теперь некоторым образом вращаться в это высшее "Я", т.е. действительно видеть в нем свое истинное существо и вести себя соответственно. Все больше получает он представление и живое чувство о том, что его физическое тело и то, что он прежде называл своим "я", суть только орудия высшего "Я". По отношению к низшему "я" у него возникает такое же ощущение, которое у ограниченного чувственным миром человека бывает к орудию или к повозке, которыми он пользуется. И как последний не причисляет к своему "я" той повозки, в которой он едет, хотя бы он даже говорил "я еду" в том же смысле, как и: "я иду", - так и развитый человек, говоря "я вхожу в дверь", в действительности имеет представление: "я вношу в дверь свое тело". Но только это должно стать для него настолько самоочевидным понятием, чтобы он ни на одно мгновение не терял твердое почвы физического мира и чтобы никогда вследствие этого не наступало чувство отчуждения от чувственного мира. Чтобы не стать мечтателем или фантастом, духовный ученик должен с помощью высшего сознания делать жизнь свою в физическом мире не беднее, а богаче, подобно тому, как обогащает ее тот, кто вместо ног пользуется для своего

передвижения поездом железной дороги.

Когда ученик достиг такой жизни в своем высшем "Я" - или даже во время приобретения высшего сознания, - ему становится ясным, как пробудить в органе, созданном около сердца, орган духовного восприятия и как им руководить посредством описанных в прошлой главе токов. Этот орган восприятия состоит из более высокой вещественности, которая исходит из упомянутого органа и в сияющей красоте струится по движущимся цветкам лотоса, а также и по другим каналам развитого эфирного тела. Оттуда он сияет наружу, в окружающий духовный мир и делает его духовно видимым, как солнечный свет делает физически видимым предметы на которые он падает.

Каким образом в органе сердца рождается этот высший орган восприятия - это становится понятным только постепенно, в самом ходе развития.

Отчетливо воспринимаемым, в виде предметов и существ, духовный мир становится собственно только для того, кто может подобным же образом посылать этот орган восприятия сквозь свое эфирное тело во внешний мир, чтобы освещать им предметы. - Отсюда видно, что полное сознание о вещах духовного мира может возникнуть только при условии, что человек сам наводит на них свет своего духа. Однако в действительности то "Я", которое порождает этот орган восприятия, живет совсем не в физическом теле человека, но, как было показано, вне его. Орган сердца это - лишь место, где человек извне возжигает этот орган духовного света. Если бы он возжег его не здесь, а где-нибудь в другом месте, то вызванные им духовные восприятия не имели бы никакой связи с физическим миром. Но человек должен все высшее, духовное, относить именно к физическому миру и давать духовному через себя воздействовать на последний. Орган сердца и есть именно тот орган, посредством которого высшее "Я" делает "я" чувственное своим орудием и откуда оно управляет этим последним.

Однако ощущение, которое имеет развитый человек перед вещами духовного мира, отлично от ощущения, свойственного чувственному человеку перед физическим миром. Последний чувствует себя в определенном месте чувственного мира, а воспринимаемые им предметы - находящимися "вне" его. Духовно же развитый человек чувствует себя напротив, как бы соединенным с предметом своего духовного восприятия, как бы "внутри" его. И он на самом деле странствует в духовном пространстве с места на место. Поэтому на языке тайноведения его называют также "странником". Вначале он нигде не бывает дома. - Если бы он остался при этом странствовании, он не мог бы действительно определить ни одного предмета в духовном пространстве. Как в физическом пространстве определяют предмет или место тем, что исходят из известной точки, также должно это происходить и в ином мире. И там необходимо отыскать какое-либо место, которое надо сначала подробно исследовать и духовно взять в свое обладание. В этом месте надо основать свою духовную родину, а затем все остальное поставить в то или иное отношение к этой родине. Ведь и живя в физическом мире, человек видит все так, как это влекут за собой представления его физической родины. Берлинец невольно описывает Лондон иначе, чем парижанин. Однако, с духовной родиной это обстоит все-таки иначе, чем с физической. В последней человек рождается без участия со своей стороны; в ней он инстинктивно воспринимает во время своей юности ряд представлений, которые с тех пор невольно бросают для него свой свет на все. Духовную же

родину он с полным сознанием образует себе сам. Поэтому исходя из нее, он и судит с полной ясностью и свободой. - Это образование духовной родины на языке тайноведения называется "построением хижины".

Духовное созерцание на этой ступени простирается прежде всего на духовные противоположности физического мира, поскольку эти противоположности находятся в так называемом мире астральном. В этом мире находится все то, что по существу своему подобно человеческим влечениям, чувствам, вождениям и страстям. Ибо ко всем окружающим человека чувственным вещам принадлежат также и силы, родственные упомянутым человеческим силам. Кристалл, например, слагается в форму под влиянием сил, которые для высшего созерцания представляются подобными влечению, действующему в человеке. Подобные же силы прогоняют сок по сосудам растений, содействуют распусканию цветов и раскрытию семенных коробочек. Все эти силы получают форму и цвет для развитого органа духовного восприятия совершенно также, как предметы физического мира имеют форму и цвет для физического глаза. На описанной ступени развития ученик видит не только кристалл и растение, но также и эти духовные силы. И он видит животные и человеческие влечения не только благодаря проявлениям физической жизни их обладателей, но и непосредственно, как предметы подобно тому, как в физическом мире он видит столы и стулья. Весь мир инстинктов, влечений и страстей животного или человека превращается в астральное облако, которым окутано существо или в ауру.

Далее, на этой ступени развития ясновидящий воспринимает также и вещи, почти или совершенно ускользающие от чувственного познания. Он может, например, заметить астральное различие между пространством, наполненным преимущественно низменно настроенными людьми и пространством, в котором присутствуют люди высокого душевного строя. В больнице не только физическая, но и духовная атмосфера иная, чем в танцевальном зале. Торговому городу свойственен другой астральный воздух, чем университетскому. Сперва способность восприятия таких вещей у начинающего ясновидца будет развита очень слабо. Она будет относиться к вышеперечисленным предметам так же, как сновидческое сознание чувственного человека - к его бодрственному сознанию. Но постепенно он пробудится вполне также и на этой ступени.

Высшее достижение ясновидца на описанной ступени созерцания это - та, на которой ему являются активные астральные противоположности животных и человеческих влечений и страстей. Действие, исполненное любви, сопровождается иным астральным явлением, чем действие, проистекающее из ненависти. Чувственное вождение являет кроме себя самого еще и отвратительный астральный противоположность, ощущение же, направленное на что-либо высокое, - напротив, прекрасный. Эти противоположности во время физической жизни человека видимы лишь слабо. Ибо их сила ослабевается жизнью в физическом мире. Желание, направленное на какой-нибудь предмет, порождает, например, в астральном мире, кроме своего собственного отражения, еще и упомянутый противоположность. Но если желание получает удовлетворение через достижение этого физического предмета или, по крайней мере, имеется в виду возможность такого удовлетворения, тогда противоположность является в виде очень слабого отблеска. Своей полной силы он достигает только после смерти человека, когда душа по своей природе все еще принуждена будет питать это желание, но уже не будет иметь возможности его удовлетворить за отсутствием самого

предмета желания, а также и соответствующего физического органа. Чувственно настроенный человек будет, например, и после смерти все еще жаждать вкусового наслаждения. Но у него не будет возможности удовлетворить это желание, так как у него не будет больше неба. Вследствие этого желание породит особенно яркий контраст, который будет тогда терзать душу. Эти испытания, переживаемые после смерти, благодаря контрастам высшей природы души, называются переживаниями в Кама-локе, т.е. в месте вожделений. Они прекращаются только тогда, когда душа очистится от всех, направленных на физический мир, вожделений. Тогда лишь душа восходит в высшую область (Девахан). - Но хотя у живущего физической жизнью эти контрасты слабы, они все же существуют и сопровождают его, как задаток его Кама-локи, подобно тому, как комету сопровождает ее хвост. И ясновидящий может их видеть, если он достиг соответствующей ступени развития.

В таких и в родственных им переживаниях пребывает духовный ученик на описанной ступени. К более высоким духовным переживаниям он еще не может подняться на этой ступени развития. Отсюда ему предстоит еще дальнейшее восхождение.

Достижение непрерывности сознания.

Жизнь человека протекает в смене трех состояний. Это суть: бодрствование, сон со сновидениями и глубокий сон без сновидений. Можно понять, каким образом достигают высших познаний, если составить себе представление об изменениях, происходящих относительно этих трех состояний у искателя высших познаний. Пока человек не прошел через школу, ведущую к этим познаниям, его сознание постоянно прерывается промежутками сна. В эти промежутки душа ничего не знает, как о внешнем мире, так и о себе самой. Только по временам из общего моря бессознательности всплывают сновидения, имеющие связь с процессами внешнего мира, или состояниями собственного тела. Обычно в сновидениях видят только особое проявление жизни сна, и поэтому вообще говорят только о двух состояниях: сна и бодрствования. Но для тайноведения сновидение имеет самостоятельное значение наряду с двумя другими состояниями. В прошлой главе было описано, какое изменение происходит в жизни сновидений у человека, начинающего восходить к высшему познанию. Его сновидения теряют свой незначительный, бессвязный и беспорядочный характер и все более переходят в проникнутый правильностью и связью мир. При дальнейшем развитии этот новый мир, родившийся из мира сновидений, не только не уступает по своей внутренней правде внешней чувственной действительности, но в нем открываются еще факты, представляющие собой, в полном смысле слова, высшую действительность. В чувственном мире повсюду скрыты загадки и тайны. В нем действительно обнаруживаются проявления некоторых высших фактов: однако, человек, ограниченный одним чувственным восприятием, не может проникнуть к *причинам*. Духовному ученику, в описанном, возникшем из сновидений, но отнюдь у него не постоянном состоянии частично открываются эти причины. - Правда, он не может рассматривать эти откровения, как действительные познания, пока те же самые вещи не явятся ему и в обыкновенной бодрственной жизни. Но он достигает и этого. Развитие его направляется на то, чтобы состояние, созданное им сначала из сновидческого, переносит затем и в бодрствующее сознание. Тогда чувственный мир обогащается для него чем-то

совершенно новым. Как для человека, родившегося слепым и после операции ставшего зрячим, окружающий мир обогащается всеми восприятиями, доступными глазу, так и человек, достигший таким образом ясновидения, созерцает весь окружающий его мир наделенным новыми свойствами, вещами, существами и т.д. Теперь ему не нужно дожидаться сновидения, чтобы ожить в другом мире; он может всегда, когда это будет уместно переходить в описанное состояние, поднимаясь к высшему восприятию. Это новое состояние имеет у него тогда, по сравнению с прежним, такое же значение, какое в обыкновенной жизни имеет восприятие вещей при деятельности органов чувств, по сравнению с восприятием при их бездействии. Можно в истинном смысле сказать: духовный ученик открывает органы чувств своей души и созерцает вещи, которые для телесных чувств принуждены оставаться скрытыми.

Но это состояние служит ученику лишь переходом к более высоким ступеням познания. Если он будет продолжать предписанные ему его оккультной школой упражнения, то через некоторое время он найдет, что не только с его ясновидческой жизнью происходит описанная решительная перемена, но что превращение распространяется также и на лишенный до того сновидений глубокий сон. Он замечает, что полная бессознательность, в которой он находился прежде во время такого сна, прерывается единичными сознательными переживаниями. Из общего мрака сна всплывают восприятия такого рода, каких он раньше не знал. Конечно, не легко описать эти восприятия, ибо наш язык создан ведь только для чувственного мира, и поэтому можно только приблизительно подыскать слова для обозначения того, что совсем не принадлежит к этому чувственному миру. Тем не менее, для описания высших миров вначале приходится пользоваться словами. Этого достигают только таким путем, что многое выражают при помощи сравнений, а так как в мире все находится в родственной связи друг с другом, то это оказывается возможным. Вещи и существа высших миров настолько все-таки сродни вещам чувственного мира, что при доброй воле всегда можно составить себе известное представление об этих высших мирах даже и при помощи слов, относящихся к чувственному миру. Надо только всегда иметь в виду, что при подобных описаниях сверхчувственных миров многое должно иметь значение сравнения и символа. - Поэтому само духовное обучение производится лишь отчасти при помощи слов обыкновенного языка; для остального же ученик изучает при своем восхождении еще другой, непосредственно понятый ему символический способ выражения. Его необходимо усвоить себе во время самого духовного ученичества. Но это не мешает тому, чтобы при помощи обыкновенных описаний, какие даются здесь, можно было получить некоторое понятие о природе высших миров.

Желая дать представление о вышеупомянутых переживаниях, впервые всплывающих из моря бессознательности во время глубокого сна, лучше всего можно сравнить их как бы своего рода восприятиями слуха. Можно говорить о восприятии звуков и слов. Подобно тому, как переживания сновидений, если сравнивать их с восприятиями чувств, можно определить как своего рода *созерцания*, так факты глубокого сна допускают сравнение с впечатлениями слуха. (В качестве побочного замечания надо сказать, что и для духовных миров *созерцание* стоит выше. Краски и в *этом* мире являются чем-то более высоким, чем звуки и слова. Но ученик воспринимает из этого мира при своем обучении, *вначале* не высшие краски, а низшие звуки. По своему общему развитию человек бывает несколько более приспособлен к миру, открывающемуся ему в

сновидениях, и только поэтому он сразу же воспринимает в нем краски. Для более высокого мира, который раскрывается в глубоком сне, он еще менее бывает готов; почему мир и открывается ему прежде всего в звуках и словах; позднее он может и здесь подняться до форм и красок).

Когда ученик заметит, что в глубоком сне у него появляются подобные переживания, тогда задача будет прежде всего в том, чтобы сделать их более отчетливыми и ясными. Сперва это дается с большим трудом, так как воспоминания о них в бодрственном состоянии остаются сначала чрезвычайно слабым. Правда, при пробуждении человек знает, что он что-то пережил, но что именно - это остается совершенно смутным. Самое важное во время этого начального состояния - оставаться спокойным и невозмутимым, и ни на одно мгновение не впадать в какое-либо беспокойство и нетерпение. Это во всяком случае принесло бы только вред. Беспокойство и нетерпение не могут ускорить дальнейшего развития, но неизбежно замедляют его. Надо, так сказать, спокойно отнестись к тому, что тебе дается или даруется, от всякой насильственности надо отказаться. Если в данный момент не удастся вспомнить о переживаниях во время сна, то надо терпеливо ждать, пока это окажется возможным. Ибо этот момент когда-нибудь настанет. И если ученик был раньше терпелив и спокоен, то способность воспоминания останется у него прочным достижением, между тем как при насильственном поведении она хотя в свое время и наступит, но затем может быть снова совершенно утрачена и притом надолго.

Если способность воспоминания уже появилась, и переживания сна выступают перед бодрствующим сознанием совершенно ясно и отчетливо, тогда надо обратить внимание на следующее. Среди этих переживаний можно различить совершенно точно два рода. Один род переживаний покажется совершенно чужим по сравнению со всем, что когда-либо приходилось узнавать раньше. Можно сначала радоваться этим переживаниям; можно почерпать из них поучение; но в остальном лучше оставить их пока, как есть. Они - первые предвестники высшего духовного мира, в котором ученик сможет разобраться лишь позднее. Но другой род переживаний покажет внимательному наблюдателю известное сродство с обыкновенным миром, в котором он живет. О чем он размышляет в жизни и что хотел бы понять в окружающем мире, но чего он не может понять обыкновенным рассудком, ко всему этому эти переживания во время сна дадут ему ключ. В повседневной жизни человек размышляет о том, что его окружает. Он составляет себе представления, чтобы понять взаимную связь вещей. Он пытается постигнуть в понятиях то, что воспринимают его чувства. К таким представлениям и понятиям относятся переживания сна. То, что было раньше темным, призрачным понятием, становится теперь чем-то полнозвучным и живым, что можно сравнить только со звуками и словами чувственного мира. Для человека это все более приобретает такой характер, как если бы ему из более высокого мира нашептывались в словах и звуках решения загадок, над которыми ему приходится размышлять. И тогда он получает возможность связать приходящее к нему из другого мира с обыкновенной жизнью. То, что прежде постигалось только мысленно, становится для него теперь переживанием столь же живым и содержательным, каким только может быть какое-либо переживание чувственного мира. Дело в том, что вещи и существа чувственного мира суть не только то, чем они являются чувственному восприятию. Они - выражение и изливание духовного мира. Этот, доколе скрытый, мир духа звучит теперь для

духовного ученика из всего его окружающего.

Легко понять, что эта высшая способность восприятия только тогда может стать благотворной для человека, если в открывшихся у него душевных чувствах все находится в порядке, подобно тому, как и свои обыкновенные органы чувств человек может употреблять для истинного наблюдения мира, конечно, только тогда, если они закономерно построены. Но высшие органы чувств человек строит себе сам посредством упражнений, которые ему указываются при оккультном обучении. К этим упражнениям принадлежит концентрация, т.е. направление внимания на совершенно определенные, связанные с тайнами мира представления и понятия. Далее, к ним принадлежит медитирование, т.е. жизнь в подобных идеях, полное погружение в них по указанному способу. Посредством сосредоточения и медитирования человек работает над своей душой. Этим он развивает в ней органы душевного восприятия. В то время, как он отдается задачам концентрации и медитации, внутри его тела растет его душа, как растет зародыш младенца в теле матери. И когда затем во время сна наступают описанные отдельные переживания, тогда приближается момент рождения для освободившейся души, ставшей благодаря этому в точном смысле слова другим существом, которое человек доводит в себе до зачатия и зрелости. - Предписания для сосредоточения и медитирования должны быть очень тщательны и их надо выполнять чрезвычайно точно, потому что они являются законами зачатия и созревания этого высшего душевного существа человека. А последнее должно быть при своем рождении гармоническим и правильно построенным организмом. Если в предписаниях оказывается какая-нибудь ошибка, то в духовной области возникает не правильно организованное живое существо, а неспособный к жизни недоносок.

Что рождение этого высокого душевного существа происходит сначала в глубоком сне, это покажется понятным, если принять во внимание, что нежный, еще мало способный к сопротивлению организм при первом своем появлении во время чувственной повседневной жизни не мог бы, конечно, никак дать знать о себе посреди могучих и резких процессов этой жизни. Его деятельность прошла бы незамеченной наряду с деятельностью тела. Во сне, когда тело покоится - поскольку его деятельность зависит от чувственных *восприятий*, - может проявиться и эта, столь нежная и незаметная вначале деятельность высшей души. - Но опять надо заметить, что ученик не должен смотреть на переживания сна, как на вполне значимые познания, до тех пор, пока он не будет в состоянии переносить пробужденную высшую душу и в свое дневное сознание. Если он в состоянии это сделать, тогда он может воспринимать духовный мир, с присущим ему характером, также и посреди дневных переживаний и наряду с ними, т.е. он может душевно постигать в звуках и словах тайны окружающего его мира.

Но на этой ступени развития человек должен уяснить себе, что вначале он имеет дело только с отдельными, более или менее несвязными душевными переживаниями. Поэтому надо остерегаться построить себе из них какую-либо законченную, или хотя бы только связную систему познаний. Ибо тогда в душевный мир могли бы вмешаться различные фантастические представления и идеи, и человек очень легко мог бы построить себе мир, не имеющий ничего общего с действительным духовным миром. Ученик должен постоянно упражняться в строжайшем контроле над собой. Самым правильным было бы добиться все большей ясности относительно отдельных, настоящих переживаний,

уже знакомых ученику, и ждать, пока совершенно непринужденно не появятся новые и как бы сама собою не установится связь их с прежними. - И тогда у духовного ученика, при применении соответственных упражнений и благодаря силе духовного мира, в который он теперь уже вступил, начинается захватывающее вокруг себя все большие области расширение сознания в глубоком сне. Все больше переживаний начинает выступать из бессознательности и все меньше промежутки жизни во сне остаются бессознательными. Тогда все больше сама собою устанавливается связь между отдельными опытами, сделанными во сне, причем настоящая связь их не нарушается всевозможными соображениями и заключениями, проистекающими лишь из привыкшего к чувственному миру рассудка. Но чем меньше мысленных привычек чувственного мира будет неправомерно вмешиваться в эти высшие переживания, тем лучше. При таком поведении человек все больше и больше приближается в той степени на пути к высшему познанию, на которой состояния, протекавшие лишь совсем бессознательно во сне, превращаются в совершенно сознательные. Тогда, во время отдыха тела, он продолжает жить точно так же в действительности, как это бывает при бодрствовании. Излишне прибавлять, что во время самого сна ученик сначала имеет дело с другой действительностью, отличной от окружающего чувственного мира, в котором находится тело. Ибо человек учится и должен учиться - дабы продолжать твердо стоять на почве чувственного мира и не сделаться фантастом - связывать высшие переживания сна с окружающим чувственным миром. Но первоначально переживаемый во сне мир является совершенно новым откровением. - В тайноведении эту важную ступень, состоящую в сознательности во время сна, называют постоянством (непрерывностью) сознания. (Описанное здесь состояние является на известной ступени развития своего рода "идеалом", лежащим в конце долгого пути. Сначала ученик бывает знаком только с двумя состояниями - с сознанием при таком душевном строе, при котором у него прежде были возможны только беспорядочные сновидения, и с сознанием при другом строе, при котором был возможен только бессознательный сон без сновидений. Затем он узнает и третье состояние, хотя, само собою разумеется, ему *никогда* не удастся совершенно перестать платить дань обыкновенному сну).

У человека, достигшего этой ступени, опыт и переживание не прекращаются и в те промежутки времени, когда его физическое тело покоится и чувственные органы не доставляют душе никаких впечатлений.

Расщепление личности во время духовного ученичества.

Во время сна человеческая душа не получает сообщений со стороны физических органов чувств. Восприятия обыкновенного внешнего мира не притекают к ней в этом состоянии. Она находится в известном отношении действительно вне той части человеческого существа, которая называется физическим телом и которая во время бодрствования обуславливает восприятия чувств и мышление. Она сохраняет тогда связь лишь с более тонкими телами (с эфирным и с астральным), ускользающими от наблюдения физических чувств. Но деятельность этих более тонких тел не прекращается во время сна. Подобно тому, как физическое тело состоит в связи с вещами и существами физического мира и как оно испытывает

воздействия с их стороны и само воздействует на них, также живет и душа в высшем мире. И эта жизнь продолжается во время сна. Действительно, во время сна душа пребывает в полной подвижности. Но только человек ничего не может знать об этой своей собственной деятельности, пока у него не будет высших органов восприятия, благодаря которым он может так же хорошо наблюдать во время сна все, происходящее вокруг него и совершаемое им самим, как он наблюдает посредством своих обыкновенных чувств в дневной жизни, в окружающем его физическом мире. Оккультное обучение состоит (как было показано в предыдущих главах) в выработке этих духовных органов чувств.

Из таких примеров, как нижеследующий, можно уяснить себе из области сновидений и сна, каким образом с ее более тонкими телами развивает свою деятельность в промежутки покоя физического тела. Приводимый здесь пример не есть какая-нибудь выдуманная "нянюшкина сказка", а действительный случай из жизни, проверенный при помощи всех приемов и со всеми предосторожностями, вменяемыми в обязанность ясновидческому исследованию. И приводится он не для так называемого доказательства, а для *наглядного пояснения* (Это говорится здесь по той причине, что суеверие материалистического мировоззрения при сообщении о подобных фактах всегда спешит возразить, что эти случаи ничего не *доказывают*. Ибо с точки зрения этого суеверия они все основаны на заблуждении и неточных наблюдениях. В ответ на это надо подчеркнуть, что ясновидческое исследование вовсе не нуждается в таких косвенных "доказательствах". Его знание получается *непосредственно* через высшее созерцание. Но оно пользуется соответствующими фактами для пояснения того, что оно хочет сказать. Для установления своих истин у него есть совсем другие средства, чем какими пользуется материалистическая школьная мудрость, когда хочет непрерываемо изложить свои факты).

Одному молодому человеку предстоял экзамен, который должен был иметь решающее значение для всей его будущей жизни. Он долгое время напряженно работал и поэтому накануне строгого испытания был чрезвычайно утомлен. На следующий день он должен был ровно в восемь часов утра предстать перед своей экзаменационной комиссией. Он хотел спокойно проспать ночь перед решением, но боялся, что вследствие усталости не сможет сам проснуться вовремя. Поэтому он позаботился, чтобы жившее в соседней комнате лицо, разбудило его в шесть часов стуком в дверь. Таким образом, успокоенный, он мог заснуть. Однако утром он проснулся не от того, что его разбудил сосед, а вследствие сновидения. Он услышал шесть громких выстрелов из ружья и при шестом проснулся. Его часы - которые были без боя - показывали шесть часов. Он оделся, а через полчаса сосед постучал к нему в дверь. На самом деле только теперь было шесть часов. Ибо его часы за ночь случайно ушли вперед на полчаса. Разбудившее его сновидение руководилось, таким образом, неверно идущими часами. - Что же произошло здесь? Душа молодого человека оставалась деятельной во время сна. Благодаря тому, что с вечера он направил свою душевную деятельность на часы, связь между душой и часами оставалась всю ночь. И утром душа сама, можно сказать, стояла на "шести", как и часы. И эта деятельность души сообщалась человеку благодаря описанному символическому сновидению, которым он был пробужден. О "случайном" пробуждении, благодаря дневному свету или чему-либо подобному, не может быть речи, ибо душа сообразовывалась ведь не с действительным временем, а с неверно идущими часами. Итак, душа

бодрствовала, как верный страж, в то время, как физический человек спал. - Таким образом, во сне отсутствует не деятельность души, а *сознание* этой деятельности.

Когда же благодаря духовному ученичеству, жизнь сна у человека изменяется в том смысле, как это было описано в прошлой главе, то он получает возможность сознательно следить за всем, происходящем вокруг него; он может свободно ориентироваться в окружающем его мире, как это бывает с его переживаниями во время бодрствования в повседневной жизни, благодаря обыкновенным органам чувств. Если бы молодой человек в вышеупомянутом примере был ясновидящим, он мог бы сам во время сна наблюдать часы и сам разбудить себя. При этом надо однако заметить, что восприятие обычного окружающего мира чувств предполагает уже более высокую степень ясновидения. (На это уже было указано в предыдущей главе). В начале развития духовный ученик воспринимает только вещи, принадлежащие к другому миру, не будучи еще в состоянии уловить их связи с предметами окружающей его повседневной чувственной Среды.

Эти явления, выяснившиеся нам на приведенных характерных примерах из жизни сновидений и сна, постоянно имеют место у человека. Душа живет непрерывно в высших мирах и пребывает деятельной в них. Она черпает из этих высших миров побуждения, посредством которых она постоянно воздействует на физическое тело. Но только для человека эта его высшая жизнь остается *бессознательной*. Духовный же ученик доводит ее до сознания. Через это его жизнь вообще изменяется. Пока душа не стала *видящей* в высшем смысле, она ведется стоящими выше ее мировыми существами. И как жизнь слепого, прозревшего благодаря операции, становится иной, чем она была прежде, когда он принужден был полагаться на водительство, так изменяется и жизнь человека благодаря оккультному обучению. Он вырастает из этого водительства и должен отныне сам взять на себя водительство собою. Как только это наступает, он, понятно, становится подвержен заблуждениям, о которых и не подозревает обыкновенное сознание. Он действует теперь из того мира; откуда прежде бессознательно для него самого влияли на него высшие силы. Эти высшие силы подчинены всеобщей мировой гармонии. Теперь ученик выступает из этой мировой гармонии. Отныне он должен сам совершать вещи, которые раньше совершались за него, без его содействия.

В виду этого в книгах, касающихся этих вопросов, много говорится об опасностях, связанных с восхождением в высшие миры. Описания этих опасностей, которые в них нередко можно встретить, действительно способны внушить робким натурам трепет при мысли об этой высшей жизни, но надо сказать, что эти опасности угрожают только тогда, когда человек пренебрегает необходимыми мерами предосторожности. Если же он действительно соблюдает все советы, сообщаемые при истинном духовном обучении, тогда восхождение хотя и проходит через переживания, по силе и величию превосходящие все, что может нарисовать себе самая смелая фантазия человека, ограниченного областью внешних чувств, но о вреде для здоровья или для жизни не может быть и речи. Человек знакомится с ужасными, со всех сторон угрожающими жизни силами. Он сам получает возможность пользоваться некоторыми силами и существами, недоступными для чувственного восприятия. И велико бывает искушение овладеть этими силами, чтобы заставить их служить своим собственным запретным интересам, или применить эти силы ошибочно вследствие

недостаточного знания высших миров. Некоторые из этих особенно значительных переживаний (например, встреча со "Стражем порога") будут описаны в следующих главах. - Но следует все-таки помнить, что эти жизневраждебные силы существуют и тогда, когда человек о них ничего не знает. Правда, их отношение к человеку определяется тогда высшими силами, и это отношение изменяется, когда человек сознательно вступает в этот скрытый от него дотоле мир. Но зато повышается и собственное его бытие, а его жизненный круг обогащается новой, необозримой областью, действительная опасность наступает только тогда, когда духовный ученик, по нетерпению или нескромности, слишком рано присваивает себе некоторую самостоятельность по отношению к опытам высшего мира, или не хочет подождать, пока он действительно получит достаточное прозрение в сверхчувственные законы. В этой области смирение и скромность имеют еще больше значения, чем в обыкновенной жизни. Если же эти качества, в их лучшем смысле, присущи ученику, то он может быть уверен, что его восхождение в высшую жизнь совершится без опасности для всего, что обычно называют здоровьем и жизнью. - Прежде всего не должно возникать никакой дисгармонии между высшими переживаниями и между процессами и требованиями повседневной жизни. Задачу человека надо искать непременно на этой земле. И кто хочет уклониться от священных задач на земле и спастись бегством в иной мир, тот может быть уверен, что он не достигнет своей цели. - Но то, что воспринимается внешними чувствами, есть лишь часть мира. И существа, выражающие себя в фактах чувственного мира, находятся в мире духовном. Необходимо приобщиться к духу, чтобы быть в состоянии переносить его откровения в мир чувств. В этом состоит его задача. И стремиться к восхождению в высшие миры он должен только потому, что чувственная земля зависит от мира духовного, и что действовать на земле он сможет поистине только тогда, если будет участником в этих мирах, в которых сокрыты творческие силы. Если приступить к духовному ученичеству, проникнувшись этим настроением, и ни на одно мгновение не отклоняться от предначертанного им направления, тогда можно не бояться решительно никаких опасностей. Человек не должен был бы допускать, чтобы мысль о предстоящих опасностях удерживала его от духовного ученичества; но возможность их для каждого должна была бы служить суровым призывом непременно усвоить те качества, которыми должен обладать истинный духовный ученик.

После этих оговорок, устраняющих все страхи, могущие отпугнуть от ученичества, можно перейти к изображению некоторых из так называемых "опасностей". Большие изменения происходят у духовного ученика в упомянутых более тонких телах. Эти изменения связаны с известными процессами развития главных душевных сил, - *с волей, чувством и мышлением*. Перед началом духовного обучения эти три силы находятся у человека в совершенно определенной, управляемой высшими законами мира, связи между собой. Человек *волит, чувствует или мыслит* не по произволу. Когда в сознании всплывает, например, определенное представление, то по естественным законам к нему присоединяется и известное чувство, или за ним следует закономерно связанное с ним решение воли. Человек входит в комнату, находит ее душной и открывает окно. Он слышит свое имя и идет на зов. Его спрашивают, и он отвечает. Он видит дурно пахнущий предмет и испытывает чувство неудовольствия. Вот простые связи между мышлением, чувством и волей. Но если окинуть взором человеческую жизнь, то можно найти, что все в ней построено на таких связях. Более того, самую жизнь человека считают

"нормальной" только тогда, когда замечают в ней подобную связь между чувством, мышлением и волей, корнящуюся в законах человеческой природы. И если бы человек при виде дурно пахнущего предмета испытывал чувство удовольствия, или если бы он не отвечал на вопросы, то в этом состоянии усмотрели бы противоречие с законами природы. Успехи, ожидаемые от правильного воспитания или надлежащего обучения, основаны на предположении, что у воспитанника можно установить отвечающую человеческой природе связь между мышлением, чувством и волей. Если ему сообщают известные представления, то делают это в предположении, что позднее они войдут в закономерную связь с его чувствами и решениями воли. - Все это происходит от того, что в более тонких душевных телах человека центры трех сил: мышления, чувства и воли закономерно связаны между собой. И эта связь, существующая в более тонком душевном организме, отражается также и в грубом физическом теле. В нем органы воли точно также находятся в известной закономерной связи с органами мышления и чувства. Поэтому определенная мысль вызывает каждый раз соответствующее чувство или проявление воли. - Но при более высоком развитии человека нити, связывающие между собой три главных силы, разрываются. Сперва этот разрыв происходит только в описанном более тонком душевном организме; однако, при дальнейшем восхождении, это разделение простирается и на физическое тело. (Так, при высшем духовном развитии человека головной мозг действительно распадается на три отдельных друг от друга части. Конечно, это разделение таково, что оно недоступно для обыкновенного чувственного зрения и не может быть отмечено даже тончайшими чувственными инструментами. Но оно тем не менее наступает, и ясновидящий в состоянии наблюдать его. Головной мозг ясновидящего на высшей ступени разделяется на три самостоятельно действующих сущности на мозг мышления, чувства и воли).

Органы мышления, чувствования и воления становятся тогда совершенно независимыми друг от друга. И их сочетание устанавливается отныне уже не присущими им самим законами, а пробудившимся высшим сознанием самого человека. - Таково изменение, замечаемое в себе духовным учеником. Оно состоит в том, что не возникает больше никакой связи между представлением и чувством или между чувством и решением воли и т.д., если ученик сам не создает этой связи. Никакое побуждение не заставит его перейти от мысли к действию, если он сам свободно не вызовет в себе этого побуждения. Отныне он способен оставаться совершенно бесчувственным перед фактом, который до его ученичества внушал ему пламенную любовь или злейшую ненависть; он может оставаться бездейственным при мысли, которая прежде как бы сама собой воодушевляла его к действию. И он может совершать поступки из волевых решений, для которых у людей, не прошедших через духовное обучение, не оказалось бы ни малейшего повода. Великое завоевание духовного ученика состоит в том, что он достигает совершенного господства над взаимодействием этих трех душевных сил; но зато это взаимодействие ложится вполне на его собственную ответственность.

Только благодаря такому превращению собственного существа человек получает возможность вступить в сознательное общение с известными сверхчувственными силами и существами. Ибо его собственные душевные силы находятся в определенном сродстве с известными основными силами мира. Так, например, сила, заложенная в воле, способна воздействовать на определенные вещи и

существа высшего мира, а также воспринимать их. Но она может делать это, только освободившись от своей связи внутри души с чувством и мышлением. Как скоро эта связь прекратилась, наступает действие воли наружу. То же самое относится и к силам мышления и чувства. Если кто-нибудь посылает мне чувство ненависти, то ясновидец видит это, как тонкое световое облако определенной окраски. И ясновидец может отклонить это чувство ненависти также, как чувственный человек отклоняет направленный на него физический удар. Но ясновидящий может воспринимать ее только благодаря тому, что он в состоянии посылать наружу силу, заложенную в его чувстве, подобно тому, как чувственный человек направляет наружу восприимчивость своего глаза. И как с ненавистью, так же происходит это и с другими, гораздо более значительными фактами чувственного мира. Человек может вступать с ними в сознательное общение путем освобождения основных сил своей души.

Но благодаря описанному разделению сил мышления, чувствования и воления, при несоблюдении предписаний духовной науки, возможно тройное отклонение в ходе развития человека. Отклонение это может наступить в том случае, если связывающие пути будут разрушены прежде чем высшее сознание с его познанием достигает способности правильно управлять браздами, устанавливающими свободное, гармоничное взаимодействие разъединенных сил. - Ибо обыкновенно все три основных силы человека в данный период его жизни не одинаково уходят вперед в своем развитии. У одного человека мышление опережает чувство и волю, у другого - какая-нибудь другая сила имеет верх над остальными. Но пока между силами сохраняется установленные высшими мировыми законами связь, до тех пор преобладание одной из них не может вызвать никакой, в более высоком смысле, помехи или неправильности. У волевого человека, например, благодаря этим законам мышление и чувство действуют все же уравнивающим образом и препятствуют преобладающей воле впадать в чрезмерные крайности. Но когда такой волевой человек вступает на путь ученичества, тогда совершенно прекращается закономерное влияние чувства и мышления на волю, беспрепятственно побуждающую его к безмерным проявлениям своих сил. Если тогда человек окажется недостаточно развит, в смысле совершенного обладания высшим сознанием так, чтобы быть в состоянии самому устанавливать гармонию, то воля направится своим собственным безудержным путем. Она будет постоянно пересиливать человека. Чувство и мышление впадут в полное бессилие; господствующая человеком воля будет погонять им, как рабом. Возникает *деспотическая натура*, переходящая от одного необузданного поступка к другому. - Второе уклонение возникает тогда, когда таким же безмерным образом освобождается от закономерных уз способность чувства. Личность склонная к почитанию может в таком случае подпасть в безграничную зависимость от других, вплоть до потери всякой собственной воли и мысли. И тогда, вместо высшего познания ее уделом явится самое жалкое опустошение и бессилие. - Или может случиться при таком преобладании чувства, натура, склонная к благоговению и религиозному подъему, впадет в совершенно поглощающую ее религиозную мечтательность. Третье бедственное последствие бывает в том случае, когда пересиливает мышление. Тогда развивается враждебная жизни, замкнутая в себе созерцательность. В глазах таких людей мир имеет значение лишь в той мере, в какой он доставляет им материал для удовлетворения их безгранично возросшей жажды мудрости. Никакая мысль не побуждает их к действию или к чувству. Они выступают во всем, как безучастные, холодные натуры. Они избегают всякого

соприкосновения с вещами повседневной действительности, как чего-то вызывающего в них отвращение или, по крайней мере, потерявшего для них всякое значение.

Таковы три ложных направления на которые может вступить духовный ученик: деспотизм, расплывчатая чувствительность и холодное, бессердечное стремление к мудрости. Для внешнего наблюдения - а также и для материалистической школьной медицины - образ такого ученика, вступившего на неправильный путь, немногим отличается, особенно по степени, от сумасшедшего или, по крайней мере, тяжелого "нервнобольного". - Отсюда ясно, какое большое значение должно предавать духовное обучение тому, чтобы три основных душевных силы прошли у человека сперва через гармоническое развитие, после которого они уже могут быть освобождены от присущей им связи и подчинены пробужденному высшему сознанию. - Ибо если бы была допущена какая-нибудь ошибка и одна из основных сил получила безудержное развитие, тогда рождение высшей души проявится неправильно. Необузданная сила заполнит тогда всю личность человека; и надолго придется оставить всякую мысль о том, чтобы снова все пришло в равновесие. Какая-нибудь черта характера, представляющаяся совершенно невинной, пока человек не проходит духовного ученичества - будет ли он с натурой с преобладанием воли, чувства или мышления, - усиливается у духовного ученика в таком размере, что перед этой чертой может совершенно исчезнуть необходимый для жизни момент общечеловеческого. - Однако, действительно серьезной опасностью это становится лишь тогда, когда ученик достигает способности сохранять во время бодрствования то, что было пережито его сознанием во время сна. Пока дело ограничивается одним просветлением некоторых промежутков сна, до тех пор чувственная жизнь, управляемая мировыми законами, продолжает действовать во время бодрствования восстанавливающим образом на нарушенное равновесие души. Поэтому так необходимо, чтобы бодрственная жизнь духовного ученика во всех отношениях была правильной и оздоровительной. Чем больше он отвечает всем требованиям, которые внешний мир предъявляет к здоровому, сильному строению тела, души и духа, тем лучше для него. И напротив, если бы повседневная бодрственная жизнь действовала на него чрезмерно волнующим или изнуряющим образом и если бы к происходящим внутри его великим переменам присоединились еще какие-нибудь разрушительные или тормозящие влияния внешней жизни, то это было бы для него пагубным. Он должен искать всего, что отвечает его силам и способностям и вводит его в спокойную жизнь, в гармонии с окружающей его средой. И он должен избегать всего, что приносит ущерб этой гармонии и вносит в его жизнь беспокойство и торопливость. При этом дело идет не столько о том, чтобы внешне отделаться от этого беспокойства и торопливости, как о том, чтобы охранить свое настроение, свои намерения и мысли, а также и телесное здоровье от постоянных колебаний вследствие этих неблагоприятных условий. - Все это дается человеку во время его духовного ученичества не так легко, как прежде. Ибо высшие переживания начинают теперь вторгаться в его жизнь и действуют непрерывно на все его бытие. Если в этих высших переживаниях что-нибудь не в порядке, то его неизбежно будут подстерегать всякие неправильности, готовые при каждой случайности столкнуть его с правильного пути. Поэтому духовный ученик не должен упускать из виду никакого случая, могущего обеспечить ему постоянное господство над всем его существом; он никогда не должен терять присутствия духа или способности спокойно обозревать все встречающиеся ему жизненные положения. Впрочем, настоящее духовное обучение, в сущности, само

собой создает в нем все эти свойства. И во время этого обучения человек знакомится с опасностями только тогда, когда им одновременно уже бывает достигнута полная сила, чтобы в нужное мгновение устранить их со своего пути.

Страж порога.

Важными событиями при восхождении в высшие миры являются встречи со "Стражем порога". Существуют не один, а в сущности, два "Стража порога" - "Малый" и "Великий". С первым человек встречается тогда, когда связующие нити между волей, мышлением и чувством внутри более тонких тел (астрального и эфирного) начинают ослабевать, как это было показано в предыдущей главе. Перед "Великим" же "Стражем порога" человек предстает, когда расторжение связей распространяется и на части физического тела (прежде всего - на головной мозг).

"Малый Страж порога" есть самостоятельное существо. Его нет для человека, пока последний не достиг соответствующей ступени развития. Здесь могут быть отмечены лишь некоторые из его наиболее существенных особенностей.

Прежде всего попытаемся представить в повествовательной форме встречу духовного ученика со "Стражем порога". Только благодаря этой встрече ученик узнает, что мышление, чувство и воля освободились у него от своей, им прирожденной связи.

Перед учеником стоит несомненно ужасное, призрачное существо. Ему необходимо все присутствие духа и все доверие к правильности своего пути познания, которое он, впрочем, мог постепенно приобрести заранее, во время своего ученичества.

"Страж" возвещает о своем значении приблизительно в следующих словах: "До сих пор над тобой господствовали силы, остававшиеся невидимыми для тебя. Благодаря им во время прежних жизней каждое из твоих добрых дел получало свою награду, и каждый из твоих дурных поступков влек за собой свои худые последствия. Благодаря их влиянию из твоих жизненных опытов и из твоих мыслей созидался твой характер. Они обуславливали твою судьбу. Они определяли меру радости и страдания, назначенную тебе в каждом твоём воплощении, сообразно твоему поведению в прежних воплощениях. Они господствовали над тобой в качестве всеобъемлющего закона кармы. Отныне эти силы отчасти освободят тебя от своего водительства. И тебе должно будет самому производить часть той работы, которую они выполняли над тобой. - Тебя постигал прежде тот или иной тяжелый удар судьбы. Ты не знал: почему? Это было последствием пагубного поступка в одной из твоих предыдущих жизней. Ты встречал счастье и радость и принимал их. Они также были последствием прежних поступков. В твоём характере у тебя есть прекрасные черты, но есть и некрасивые пятна. И то и другое создано тобой самим, благодаря твоим переживаниям и мыслям. До сих пор ты не знал их; тебе были открыты только последствия. Но кармические силы, они видели все твои прежние жизненные деяния, твои сокровенные мысли и чувства. И по ним они определяли, каким тебе быть и как жить теперь.

Но теперь для тебя самого должны быть открыты все добрые и все худые стороны прошедших жизней. До сих пор они были вотканы в твое собственное существо, они были в тебе, и ты не мог их видеть, как ты не можешь видеть физически своего собственного мозга. Теперь они высвобождаются из тебя, они выступают наружу из твоей личности. Они принимают самостоятельный образ, который ты можешь видеть, как ты видишь камни и растения внешнего мира. И вот я сам - то существо, которое соткало себе тело из твоих благородных и твоих худых дел. Мой призрачный образ соткан их счетной книги твоей собственной жизни. Невидимо носил ты меня до сих пор в себе самом. И то, что это было так, было благом для тебя. Ибо поэтому мудрость твоей скрытой от тебя судьбы продолжала доселе работать в тебе над погашением темных пятен в моем образе. Ныне же, когда я выступил из тебя, от тебя отошла и эта сокровенная мудрость. Впредь она уже не будет больше заботиться о тебе. Она передаст всю работу в твои собственные руки. Мне надлежит стать совершенным в самом себе, прекрасным существом, или же - погибнуть. И если бы совершилось последнее, я увлек бы за собой и тебя вниз, в темный, погибший мир. - Дабы воспрепятствовать этому, твоя собственная мудрость должна быть теперь настолько велика, чтобы взять на себя задачу той, отступившей от тебя, сокровенной мудрости. - После того, как ты переступишь мой порог, я ни на одно мгновение не отойду от тебя, оставаясь видимым для тебя образом. И если впредь ты сделаешь или помыслишь неправое, ты тотчас же узнаешь и свою вину по отвратительному, демоническому искажению на этом моем образе. И только когда ты исправишь всю свою прошедшую неправду и очистишь себя так, что дальнейшее зло для тебя совершенно невозможным, тогда мое существо превратится в сияющую красоту. И тогда я снова смогу соединиться с тобой в единое существо для блага твоей дальнейшей деятельности.

Но мой порог построен из всех ощущений страха, какие еще есть в тебе, из всей твоей боязни перед решимостью взять на себя полную ответственность за все свои дела и помышления. Пока у тебя еще остается какой-либо страх перед самостоятельным управлением своей судьбой, до тех пор этот порог еще не достроен во всех своих частях. А пока в нем недостает еще хотя бы одного единственного камня, до тех пор ты будешь принужден роковым образом останавливаться перед ним или спотыкаться о него. Не пытайся переступить через этот порог, пока ты не чувствуешь совершенно свободным от страха и готовым к высочайшей ответственности.

До сих пор я выступал из твоей собственной личности, только когда смерть отзывала тебя из твоей земной жизни. Но и тогда мой образ оставался закрытым для тебя. Только силы судьбы господствовавшие над тобой, видели меня и могли по моему виду, в промежутки между смертью и новым рождением развивать в тебе силы и способности, дабы в новой земной жизни ты мог работать над красотой моего образа на благо твоего дальнейшего развития. И сам я был тем, чье несовершенство неизменно принуждало силы судьбы все снова и снова приводить тебя к новым воплощениям на земле. Когда ты умирал, я являлся перед тобой; и из-за меня руководители кармы назначали тебе новое рождение. И только бессознательно преобразив меня таким образом, благодаря постоянно возобновляющимся жизням, до полного совершенства, ты освободился бы от владык смерти, и совершенно соединился бы со мной, и в единении со мной перешел бы в бессмертие.

Вот я стою ныне перед тобой, видимый, как я всегда стоял возле тебя, невидимый, в час твоей смерти. Переступив через мой порог, ты вступишь в царства, в которые прежде ты вступал после физической смерти. Ты вступишь в них с полным знанием и отныне, продолжая внешне видимо странствовать по земле, ты будешь в то же время странствовать и в царстве смерти, или - что то же самое - в царстве вечной жизни. Воистину я также и ангел смерти; но в то же время я податель никогда не иссякающей высшей жизни. Благодаря мне ты умрешь при жизни, дабы пережить возрождение к неумирающему бытию.

Царство, в которое ты отныне вступаешь, познакомит тебя с существами сверхчувственного порядка. Блаженство будет твоим уделом в этом царстве. Но первым твоим знакомством в этом мире суждено быть мне самому, мне, который есть твое собственное создание. Раньше я жил твоей жизнью; но теперь я пробужден тобой к собственному бытию и стою перед тобой, как видимое мерило твоих будущих поступков, быть может - и как твой постоянный упрек. Ты мог создать меня; но вместе с тем ты взял на себя обязанность и пересоздать меня".

Указанное здесь в повествовательной форме следует представлять себе не как что-то символическое, а как в высшей степени действительное переживание духовного ученика. (Из вышесказанного ясно, что описанный "Страж порога", это - астральный образ, который открывается пробуждающемуся высшему зрению духовного ученика. К этой сверхчувственной встрече и ведет тайноведение. Приемы низшей магии приводят к тому, чтобы сделать "Стража порога" видимым и для чувственного зрения. Это достигается образованием облака из какого-нибудь тонкого вещества, например, из курения, составленного из нескольких веществ в определенном смешении; своей развитой силой маг бывает тогда в состоянии воздействовать на облако курения, придавая ему определенную форму и оживляя вещество его еще непогашенной кармой человека. - Кто достаточно подготовлен для более высокого видения, тот уже не нуждается в подобном чувственном созерцании; надо заметить, что если бы перед глазами человека без достаточной подготовки, выступила его еще не погашенная карма, в виде чувственно-живого существа, то он подвергся бы опасности впасть в худые заблуждения. В книге Бульвеа "Занони" дано романтическое изображение такого "Стража порога".)

Страж должен предостеречь его, чтобы он не шел дальше, если не чувствует в себе силы удовлетворять требованиям, заключенным в этом обращении. Как ни ужасен образ стража, он - лишь результат прошлой жизни самого ученика, лишь его собственный характер, пробужденный к самостоятельной жизни вне его. И это пробуждение происходит благодаря распадению связи между волей, мышлением и чувством. Уже одно то, что человек впервые чувствует себя творцом духовного существа, представляет собой переживание, имеющее глубочайший смысл. - Теперь подготовка ученика быть направлена на то, чтобы без всякого страха выдержать ужасное зрелище и в момент встречи почувствовать свою силу действительно настолько возросшей, чтобы мочь совершенно сознательно взять на себя преобразование "Стража".

Последствием счастливо перенесенной встречи со "Стражем порога" является то, что ближайшую затем физическую смерть духовный ученик переносит совсем иначе, как совершенно иное событие, чем все его прежние смерти. Он

сознательно переживает умирание и сбрасывает физическое тело, как скидывают изношенное или, может быть, внезапно разорвавшееся и ставшим потому негодным платье. Тогда эта его физическая смерть является, так сказать, чем-то значительным только для других, которые живут вместе с ним и в своих восприятиях еще всецело ограничены чувственным миром. Для них ученик "умирает". Но для него самого не происходит вокруг него никакой значительной перемены. Весь сверхъестественный мир, в который он вступил, стоял перед ним таким и после смерти и тот же самый мир будет стоять перед ним и после смерти.

- Но "Страж порога" связан еще и с другим. Человек принадлежит к семье, народу, расе; его деятельность в этом мире зависит от его принадлежности к таким совокупным группам. В связи с этим стоит также его личный характер. И сознательная деятельность отдельных людей представляет собой еще далеко не все, с чем приходится считаться, имея дело с семьей, племенем, народом, расой. Существует семейная, народная и т.д. судьба, как существует семейный, расовый и т.д. характер. Для человека, ограниченного восприятиями чувств, эти вещи остаются *общими понятиями* и материалистический мыслитель, связанный своими предрассудками, свысока бросает на тайноведа презрительный взгляд, узнав, что для него характер какой-нибудь семьи или народа, судьба племени или расы отвечают действительным существам в такой же мере, как характер и судьба отдельного человека отвечает действительной личности. Ибо тайноведа знакомятся с высшими мирами, в состав которых отдельные личности входят совершенно так же, как руки, ноги и голова составляют члены отдельного человека. И в жизни семьи, народа или расы, кроме отдельных людей действуют также и вполне действительные души семей и народов, духи рас; более того, отдельные люди, в известном смысле, суть только исполнительные органы этих семейных душ, духов, рас и т.д.. С полной истиной можно сказать, что душа народа пользуется, например, каким-нибудь отдельным, принадлежащим ее народу человеком для выполнения определенных задач. Душа народа не спускается до чувственной действительности. Она пребывает в высших мирах. И чтобы действовать в физически-чувственном мире, она пользуется физическими органами отдельного человека. В высшем смысле это происходит совершенно также, как архитектор, для выполнения деталей здания пользуется рабочими.

- В самом истинном смысле слова, каждый человек получает свою работу от души семьи, народа или расы. Но чувственный человек отнюдь не посвящается в высший план своей работы. Он работает *бессознательно* над целями души народа, расы и т.д.. С момента встречи со "Стражем порога" ученик должен не только узнать свои собственные личные задачи, он обязан *сознательно* работать над задачами своего народа и своей расы. Всякое расширение его кругозора возлагает на него непременно и более обширные обязанности.

- При этом действительный процесс заключается в том, что к своему более тонкому душевному телу ученик присоединяет еще новое тело. Он облачается еще в одно одеяние. До сих пор он проходит через мир в оболочках, облакавших его личность, а о том, что он должен был делать для своего сообщества, для своего народа, для своей расы и т.д., об этом заботились духи, которые пользовались его личностью.

- Дальнейшее разоблачение, совершаемое ему "Стражем порога" состоит теперь в том, что отныне эти духи отнимают у него свою помощь. Он принужден совершенно выступить из всякого сообщества. И он совсем застыл бы в самом себе, в своей отдельности, он пошел бы навстречу гибели, если бы отныне он сам не приобрел бы для себя тех сил, которые присущи духам народов и рас. Хотя многие скажут: "О, я совершенно освободился от всех родовых и расовых связей; я хочу быть только "человеком" и ничем иным, как "только

человеком"". Но им надо ответить: "Кто же привел тебя к этой свободе? Разве не твоя семья поставила тебя в мире в то положение, которое ты в нем теперь занимаешь? Разве не твое племя, твой народ, твоя раса сделали тебя тем, что ты есть? Они воспитали тебя; и если ты поднялся над всеми предрассудками и стал одним их светоносцев и благодетелей для своего племени или даже для своей расы, то этим ты обязан *их* воспитанию. И даже когда ты говоришь о себе, что ты "только человек", то и этим - тем, что ты стал таковым, - ты обязан духам "твоих сообществ". - Но только духовный ученик действительно узнает, что значит быть совсем оставленным духами народа, племени или расы. Только он узнает на себе самом, как мало значения имеет такое воспитание для той жизни, которая ему предстоит. Ибо все, что было ему приютом, совершенно уничтожается, благодаря разрыву между волей, мышлением и чувством. Он оглядывается теперь назад, на результат своего прежнего воспитания, как мы взглянули бы на дом, рассыпавшийся на отдельные кирпичи, который теперь предстоит снова выстроить по новому плану. И это опять нечто большее, чем простой символ, когда говорят: После того, как "Страж порога" высказал свои первые требования, на том месте, где он стоит, поднимается вихрь, который гасит все духовные светочи, освещавшие дотолу путь жизни. И полная тьма расстилается перед учеником. Она нарушается только сиянием, излучаемым самим "Стражем порога". И из тьмы звучат его дальнейшие увещания: "Не переступай моего порога, пока тебе не стало ясным, что отныне ты сам будешь освещать тьму перед собой; и не делай ни одного шага дальше, пока ты не приобрел уверенности, что у тебя достаточно горючего вещества в твоей собственной лампаде. В будущем ты будешь лишен лампад твоих вождей, которые светили тебе дотолу". После этих слов ученик должен обернуться и направить свой взор назад. Теперь "Страж порога" сдергивает завесу, скрывавшую до тех пор глубокие тайны жизни. Духи племени, народа и расы предстают тогда в их полной деятельности; и ученик видит с одинаковой ясностью как то, что он до сих пор был руководим, так, с другой стороны и то, что отныне он будет лишен этого руководства. Это - второе предостережение, переживаемое человеком на пороге, благодаря его Стражу.

Без подготовки, конечно, никто не мог бы выдержать описанного здесь зрелища; но высшее обучение, которое вообще создает для человека возможность приблизиться к порогу, делает его в то же время способным в нужное мгновение найти и необходимую силу. Более того, это обучение может быть столь гармоничным, что вступление в новую жизнь теряет для ученика весь свой смущающий или бурный характер. Тогда переживание на пороге сопровождается для него предчувствием того блаженства, которое составит основной тон его вновь пробужденной жизни. Ощущение новой свободы перевесит все остальные чувства; и с этим ощущением его новые обязанности и новая ответственность покажутся ему чем-то таким, что человеку надлежит принять на себя на одной из ступеней жизни.

Жизнь и смерть. Великий страж порога.

Выше было сказано, как важна для человека эта встреча с так называемым Малым Стражем "порога" тем, что он узнает в последнем сверхчувственное существо, порожденное до некоторой степени им самим. Тело этого существа составлено из

остававшихся невидимыми для него последствий его собственных деяний, чувств и мыслей. Но эти невидимые силы причинами его судьбы и его характера. Отныне человеку становится ясным, каким образом он сам в прошлом заложил основания для своего настоящего. Благодаря этому собственное существо его является до некоторой степени разоблаченным перед ним. В нем есть, например, определенные наклонности и привычки; теперь он может уяснить себе, почему он их имеет. Его постигли какие-нибудь удары судьбы; теперь он знает, откуда они взялись. Он узнает, почему он любит одно и ненавидит другое, почему то или иное доставляет ему счастье или несчастье. Видимая жизнь становится ему понятной через познание невидимых причин. Таким же образом раскрываются перед его взором и существенные, жизненные факты: болезнь и здоровье, смерть и рождение. Он замечает, что еще *до* своего рождения он сам создал те причины, которые неизбежно должны были снова ввести его в жизнь. Он знает в себе отныне существо, которое было создано в этом видимом мире, но создано несовершенным и которое в этом же видимом мире может быть доведено до своего совершенства. Ибо ни в каком другом мире не предоставляется возможности работать над завершением этого существа. И далее он видит, что даже смерть не может навсегда разлучить его с этим миром. Ибо он принужден сказать себе: "Некогда я пришел в впервые в этот мир, ибо я был тогда существом, нуждавшимся в жизни в этом мире, чтобы приобрести себе такие свойства, которых оно не могло бы приобрести ни в каком другом мире. И я до тех пор должен быть связан с этим миром, пока не разовью в себе всего, что может быть приобретено в нем. И я смогу некогда стать годным работником в ином мире только тем, что я усвою себе в чувственно-видимом мире все необходимые для этого способности". - К важнейшим переживаниям посвященного относится то, что он научается понимать и ценить чувственно-видимую природу в ее истинном значении лучше, чем он мог это делать до своего ученичества. Это познание и дается ему через его прозрение в сверхчувственный мир. У кого еще нет этого прозрения и кто полон поэтому, может быть, только предчувствием бесконечно большой ценности сверхчувственных областей, с тем легко может случиться, что он будет слишком низко ценить чувственный мир. Но кому знакомо это прозрение тот знает, что без переживаний в видимой действительности он оказался бы совсем бессильным в невидимой. Чтобы *жить* в последней, ему необходимо иметь способности и орудия для этой жизни. Но приобрести их он может только в видимой. Он должен уметь *видеть* духовно, если хочет, чтобы невидимый мир открылся для его сознания. Но эта способность видения в "высшем мире" вырабатывается постепенно, благодаря переживаниям в "низшем". Так же невозможно родиться в духовном мире с духовными глазами, не развив их предварительно в чувственном, как невозможно младенцу родиться с физическими глазами, если они не образовались в чреве матери.

С этой точки зрения понятно, и то, почему "порог" сверхчувственного мира охраняется "Стражем". Человеку ни в коем случае не может быть дозволено настоящее прозрение в эти области, пока он не приобрел для этого необходимых способностей. Поэтому в момент смерти всякий раз, как человек вступает в иной мир еще не готовым к работе в нем, на переживания этого мира набрасывается покров. Он увидит их только тогда, когда вполне созреет для этого.

Когда духовный ученик вступает в сверхчувственный мир, жизнь получит для него совсем новый смысл; он увидит в чувственном мире почву для прорастания высшего. И в известном смысле этот "высший" мир представится ему

недостаточным без "низшего". Для него откроются две перспективы. Одна - в прошлое, другая - в будущее. Он смотрит в прошлое, когда еще не было этого чувственного мира. Ибо он давно освободился от предрассудка, будто сверхчувственный мир развился из чувственного. Он знает, что сверхчувственное было прежде и что из него развилось все чувственное. Он видит, что он сам, *прежде* чем впервые пришел в этот чувственный мир, принадлежал сначала к сверхчувственному. Но этот прежний сверхчувственный мир *нуждался* в прохождении через чувственный. Его дальнейшее развитие было бы невозможно без этого прохождения. Сверхчувственный мир может дальше продолжать свое развитие, только когда внутри чувственного царства развились существа с соответствующими способностями. И существа эти - люди. Таким образом, люди, как они живут сейчас, вышли из несовершенной ступени духовного бытия и уже в пределах последней приводятся к тому совершенству, которое сделает их затем пригодными для дальнейшей работы над высшим миром. - И здесь открывается перспектива в будущее. Она указывает на высшую ступень сверхчувственного мира. В нем зреют плоды, возвращенные в чувственном мире. Последний, как таковой, будет побежден; но результаты его войдут в состав высшего.

Это даст нам вместе с тем и ключ к пониманию болезни и смерти в чувственном мире. Смерть есть не что иное, как выражение того, что прежний сверхчувственный мир пришел к такой точке, от которой он не может сам собой развиваться дальше. Для него сделалась бы неизбежной общая смерть, если бы он не получил нового притока жизни. Так эта новая жизнь стала борьбой против общей смерти. Из остатков умирающего, застывающего в самом себе мира расцвели зачатки нового. Вот почему мы имеем в мире умирание и жизнь. И медленно одно переходит в другое. Отмирающие части старого мира еще продолжают цепляться за зачатки новой жизни, которые из них же и вышли. Он несет на себе как свою оболочку, то, что сохранилось от прежнего, древнего мира; и внутри этой оболочки образуется зачаток существа, которому суждено жить в будущем. Таким образом, он двойственное существо, одновременно - смертное и бессмертное. Смертное находится в своем конечном, а бессмертное - в своем начальном состоянии. Но лишь *внутри* этого двойственного мира, находящего свое выражение в физически чувственном, усваивает он себе способности, необходимые, чтобы привести мир к бессмертию. И даже его задача в том, чтобы из самого смертного извлечь плоды для бессмертного. Взирая, таким образом на свое существо, каким он сам построил его в прошлом, он принужден сказать себе: я ношу в себе элементы отмирающего мира. Они работают во мне и лишь постепенно я могу сломить их власть при помощи вновь оживающих бессмертных сил. Так от смерти к жизни идет путь человека. Если бы в своей смертный час он мог в полном сознании говорить с собою, он должен был бы сказать себе: "Умирающее было моим учителем. То, что я умираю, есть следствие всего прошлого с которым я тесно связан. Но поле смертного взрастило во мне зачатки к бессмертному. Их я уношу с собою в иной мир. Если бы все сводилось только к прошлому, то я вообще никогда не мог бы родиться. Жизнь прошлого закончена с рождением. Новым зачатком жизнь в чувственном мире отвоевана у всеобщей смерти. Время между рождением и смертью есть лишь выражение того, как много новая жизнь смогла отвоевать у отмирающего прошлого. И болезнь есть только продолжающееся действие отмирающих частей этого прошлого".

Из всего этого получается ответ на вопрос: почему человек лишь постепенно, из

заблуждения и несовершенства, прорабатывается к истине и добру. Его поступки, чувства и мысли находятся сначала под властью преходящего и отмирающего. Из преходящего образованы его чувственно-физические органы. Поэтому сами эти органы и все что первоначально побуждает их к деятельности, обречено на прехождение. Не инстинкты, влечения, страсти и т.д., и принадлежащие к ним органы представляют собой непреходящее, но непреходящим становится лишь то, что является результатом деятельности этих органов. Только выработав сначала из преходящего все, что из него следует выработать, человек сможет сбросить с себя ту основу, из которой он вырос, и которая находит свое выражение в физически-чувственном мире.

Таким образом "Страж порога" представляет собой подобие человека в его двойственной природе, смешанной из преходящего и непреходящего. И на нем можно ясно видеть, чего еще недостает для достижения того светлого образа, который сможет вновь обитать в чистом, духовном мире. Степень опутанности человека физически-чувственной природой становится для него наглядной благодаря "Стражу порога". Эта опутанность выражается прежде всего в наличии инстинктов, влечений, вожделений, эгоистических желаний, во всех видах своекорыстия и т.д. Затем она выражается в принадлежности к расе, народу и т.д. Ибо народы и расы суть только различные ступени развития на пути к чистому человечеству. Раса или народ стоит тем выше, чем совершеннее их представители выражают собой чистый, идеальный тип человечества, чем больше они проработались от физически-преходящего к сверхчувственно-непреходящему. Поэтому развитие человека путем перевоплощений во все более высокостоящие народные и расовые формы есть процесс освобождения. В конце человек должен явиться в своем гармоническом совершенстве. - Подобным же образом совершенствованием является также и прохождение через все более чистые формы нравственных и религиозных воззрений. Ибо, например, всякая нравственная ступень все еще содержит в себе стремление к преходящему наряду с идеалистическими зародышами будущего.

Но в описанном "Страже порога" надо видеть лишь результат протекших перемен. Из зародышей будущего в нем содержится только то, что было воткано в него в эти протекшие времена. Но человеку надлежит принести с собой в будущий сверхчувственный мир все, что он может извлечь из чувственного мира. Если бы он захотел принести с собой только то, что было воткано в его двойник из прошлых времен, то он исполнил бы свою земную задачу лишь отчасти. Поэтому к "Малому Стражу порога", по истечении некоторого времени, присоединяется еще "Великий". Представим опять в повествовательной форме то, что происходит при встрече с этим вторым "Стражем порога".

После того, как человек узнал, от чего ему следует освободиться, на его пути является возвышенный светлый образ. Трудно описать его красоту словами нашего языка. - Эта встреча происходит тогда, когда органы мышления, чувства и воли настолько разъединились друг от друга также и относительно физического тела, что установление их взаимоотношений происходит уже не через них самих, а посредством высшего сознания, которое теперь совершенно отсоединилось от физических условий. Тогда органы мышления, чувства и воли делаются орудиями, подвластными человеческой душе, которая господствует над ними из сверхчувственных областей. Навстречу этой, освобожденной от всех чувственных

уз, душе выступает второй "Страж порога" и говорит приблизительно следующее:

"Ты освободилась из мира чувств. Ты завоевала свое право на отчизну в сверхчувственном мире. Отныне ты можешь действовать отсюда. Ты не нуждаешься больше для самой себя в своей физической телесности в ее современном образе. Если бы ты захотел приобрести только способность жить в этом сверхчувственном мире, то ты уже не нуждался бы больше в возвращении в чувственный. Но взгляни на меня. Посмотри, как неизмеримо высоко стою я над всем, что ты до сих пор сделал из себя. Ты достиг теперешней ступени своего совершенства благодаря способностям, которые ты мог развить в чувственном мире, пока ты еще был ограничен им. Но теперь для тебя должно настать время, когда твои освобожденные силы начнут сами работать над этим чувственным миром. Доныне ты освобождал только самого себя; теперь, освобожденный, ты можешь освободить с собой и всех твоих спутников в чувственном мире. Доныне ты стремился вперед, как отдельная личность; вступи теперь в целое, дабы принести с собой в сверхчувственный мир не только себя, но и все остальное, что существует в чувственном мире. Некогда ты сможешь соединиться с моим образом, но я не могу быть блаженным, пока еще есть несчастные! Как единичный освобожденный, ты мог бы уже сейчас войти в царство сверхчувственного. Но тогда ты был бы принужден взирать вниз на еще неосвобожденных существ чувственного мира. И ты отделил бы свою судьбу от их судьбы. Но вы все связаны друг с другом. Вы все должны были спуститься в чувственный мир, чтобы вынести из него силы для высшего. Отделившись от них, ты злоупотребил бы силами, которые ты мог бы развить, однако только в сообществе с ними. Если бы они не спустились вниз, то и ты не мог бы сделать этого; без них у тебя не достало бы сил для твоего сверхчувственного бытия. Эти силы, завоеванные тобой *вместе* с ними, ты должен теперь разделить с ними. Поэтому я преграждаю тебе доступ в высшие области, пока ты не обратишь *всех* приобретенных тобою сил на освобождение причастного тебе мира. С тем, чего ты уже достиг, ты можешь оставаться в нижних областях сверхчувственного мира; но пред вратами в высшее стою я, как "херувим с огненным мечом пред вратами рая", и преграждаю тебе доступ, пока у тебя есть еще силы, оставшиеся без применения в чувственном мире. И если ты сам не захочешь применить их, придут другие, которые их используют; и тогда некий высокий сверхчувственный мир воспримет в себя все плоды чувственного; у тебя же из-под ног уйдет почва, с которой ты сросся. Развитие очищенного мира оставит тебя позади. Ты будешь исключен из него. Таким образом, путь твой будет "черным"; те же, от кого ты отделился, идут "белым путем".

Так возвещает о себе "Великий Страж порога" вскоре после встречи с первым Стражем. Но посвященный знает совершенно точно, что предстоит ему, если он последует соблазнам преждевременного пребывания в сверхчувственном мире. Неописуемый блеск исходит от второго Стража порога; соединение с ним стоит перед созерцающей душой, как далекая цель. Но у ней есть также и уверенность, что это соединение окажется возможным только тогда, когда посвященный обратит на дело освобождения и спасения мира все силы, притекшие к нему из этого мира. Если он решится последовать требованиям высшего светлого видения, то он сможет содействовать освобождению человеческого рода. Он принесет свои дары на жертвенный алтарь человечества. Если же он предпочтет свое собственное преждевременное восхождение в сверхчувственный мир, тогда поток человечества пройдет мимо него и над ним. После своего освобождения он

не сможет больше для самого себя почерпнуть из чувственного мира никаких новых сил. Если же он все-таки будет продолжать посвящать ему свою работу, то только при условии отказа извлекать какую-либо пользу для себя из самой области этой своей дальнейшей деятельности. Но нельзя сказать, что будучи поставлен таким образом перед выбором, человек, само собой разумеется изберет "белый путь". Это зависит всецело от того, будет ли он в момент этого выбора уже настолько очищен, что никакие эгоистические мотивы не сделают для него заманчивым соблазны блаженства. Ибо эти соблазны - величайшие их всех, какие только можно помыслить. Между тем как на другом пути, собственно говоря, нет вовсе никаких соблазнов. Здесь ничто не вторит эгоизму. Получаемое человеком в высших областях сверхчувственного, это не нечто притекающее к нему, а наоборот - от него же исходящее: любовь к окружающему его миру. На черном пути человек ни в чем не терпит недостатка, чего требует эгоизм. Напротив, плоды этого пути являются как бы наисовершеннейшим удовлетворением эгоизма. И если кто-нибудь ищет блаженства только для себя, то он наверно пойдет черным путем, потому что этот путь будет для него подходящим. - Поэтому никто не должен ждать от оккультистов белого пути каких-либо указаний, способствующих развитию его собственного эгоистического "Я". Блаженство отдельного человека нисколько не интересует их. Каждый может добиваться его сам. Ускорять его наступление не входит в задачу белых оккультистов. Их занимает исключительно лишь дело развития и освобождения всех существ: как людей, так и всех спутников человека в мире. Поэтому они дают указания, как развивать свои силы для общей работы над этим делом. Поэтому же выше всех прочих способностей они ставят самоотверженную отдачу себя и готовность на жертву. Они никогда не отказывают прямо, потому что и самый эгоистичный человек может очиститься. Но кто ищет чего-либо только для себя, тот - пока это будет так - ничего не найдет у оккультистов. Если даже они и не откажут ему в помощи, он сам лишит себя плодов этой помощи. Поэтому, кто действительно следует указаниям благих учителей тайноведения, тот на переходе через порог поймет требования Великого Стража; кто же не следует этим указаниям, тот не должен надеяться когда-либо с их помощью достигнуть порога. Их указания ведут к добру или же совсем ни к чему не ведут. Ибо водительство к эгоистическому блаженству, или просто к жизни в сверхчувственном мире, лежит за пределами их задачи. Последняя заранее носит такой характер, что она удерживает ученика вдали от надземного мира до тех пор, пока он не вступит в него с готовностью к отдаче себя и к участию в общей работе.

КОНЕЦ.